И.И Малышевский

Западная Русь

в борьбе
ЗА ВЕРУ И НАРОДНОСТЬ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

(в современной редакции)

Журнал АСПЕКТ

ПРИЛОЖЕНИЕ серия ИСТОЧНИКИ

2020 г.

И. И. Малышевский

ЗАПАДНАЯ РУСЬ

в борьбе

ЗА ВЕРУ И НАРОДНОСТЬ

В ДВУХ ЧАСТЯХ

(в современной редакции)

Журнал АСПЕКТ

ПРИЛОЖЕНИЕ серия ИСТОЧНИКИ

2020 г.

УДК 93/94
ББК 63.3(2)

ПРИЛОЖЕНИЕ
Международного независимого журнала
социальных и гуманитарных исследований
«АСПЕКТ» http://aspects.su/
Серия - ИСТОЧНИКИ. Сентябрь 2020
ISSN 2560-3752 (Online)

Иван Игнатович Малышевский

«Западная Русь в борьбе за веру и народность»

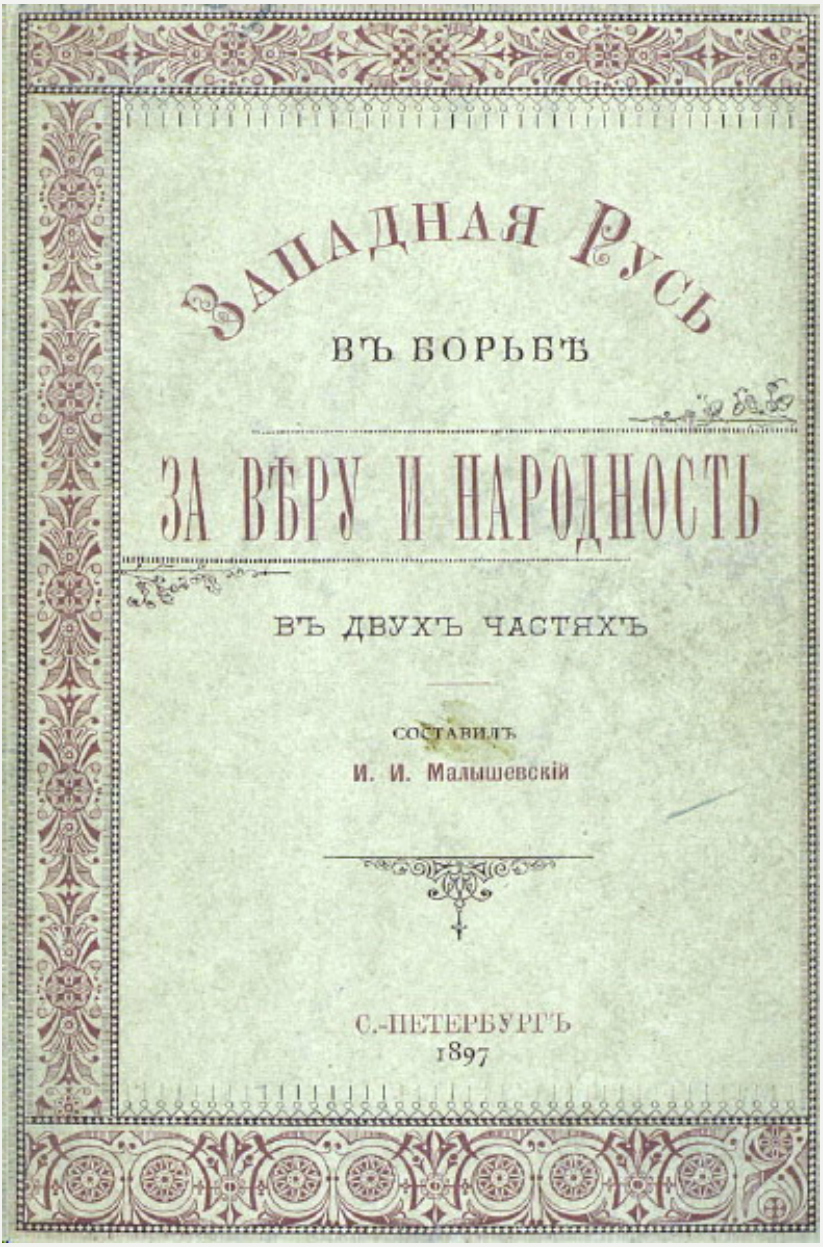
Первоначально издано в 1897 г. Синодальной типографией в С. Петербурге.

Игорь Фёдорович Зеленковский

Современная редакция и подготовка к изданию в Приложении журнала «Аспект». 2020 г.

На обложке изображение Могилева с литографии XVII в.

Издательство международного электронного журнала
социальных и гуманитарных наук «АСПЕКТ» http://aspects.su/
ПРИЛОЖЕНИЕ. Серия ИСТОЧНИКИ.
ISSN 2560-3752 (Online)



Обложка книги И.И. Малышевского «Западная Русь в борьбе за веру и народность», изданной в 1897 году в С. Петербурге.
Отсканированный оригинал книги в формате PDF можно скачать по данной ссылке.

ОГЛАВЛЕНИЕ И СОДЕРЖАНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава I. Западная Русь при русских галицко-волынских князьях и при первых литовско-русских князьях. Православие и русская народность в Литве - 7.

Глава II. Борьба Западной России за свою веру и народность при первых литовско-русских князьях, отпавших от православия в латинство - 47.

Глава III. Начальное время отдельной киевской митрополии в Западной России или время правления польско-литовских государей Казимира Ягайловича и Александра Казимировича (до начала XVI века) - 81.

Глава IV. Борьба Западной России за свою веру и народность при последних Ягеллонах—Сигизмунде I-м и Сигизмунде II -м Августе - 105.

Глава V. Новые опасности вере и народности православных западно-руссов, возникшие при последних Ягеллонах и первых королях польского избирательного правления - 155.

Глава VI. Новые мероприятия со стороны православных Западной России к охранении) и защите своей веры и церкви - 182.

Глава VII. Уния и отвержение её православными всей Западной России - 232.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Глава I. Борьба Западной России за свою веру и народность после Брестского собора до восстановления в ней православной иерархии - 270.

Глава II. Западная Русь в борьбе за свою веру и народность в период от восстановления в ней православной иерархии до смерти короля Сигизмунда III го - 365.

Глава III. Положение православных при Владиславе IV, до кончины Петра Могилы - 418.

Глава IV. Подъем южнорусского народа на борьбу за свою веру и народность и присоединение Малороссии к Великой России - 461.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I.

Западная Россия при Русских Галицко-Волынских Князьях и при первых Литовско-Русских Князьях. Православие и русская народность в Литве.

1. Начальное единство Русской земли или России.

С тех пор, как, по выражению преподобного Нестора летописца, пошла есть земля Русская, т. е. как началось бытие нашей родной России, возымела она, по милости Божией, твердые основы своего единства, а с ним и своей силы. Первой основой её единства послужила однородность того наиболее численного и сильного население, из которого главным образом составился Русский народ. Это население состояло из славяно-русских племен, каковы: поляне, северяне, бужане или волыняне, древляне, дреговичи, кривичи, полочане, славяне новгородские, радимичи, вятичи. Племена эти происходили из

одного общего Славянского корня, говорили одной, родившейся из славянского языка, русской речью; и в этой родной, понятной всем речи имели наиболее верный знак своего кровного родства, своего племенного и всенародного единства, т. е. коренного единства всех славяно-русских племен, составивших русский народ.

Другой основой начального единства Русской земли была единая государственная власть русских князей, положившая в ней начало единому государству. Силой этой власти славяно-русские племена, давно осевшие по далеким пространствам великой земли русской, но жившие особо своими родами по городам и селам, приведены в союз государственный; в этом союзе и начался для них общий закон и порядок, и их особые силы стали соединяться в общую силу всей земли русской, и русские славяне стали чувствовать себя людьми единой земли русской, гражданами единого русского государства. При Владимире Святом и сыне его Ярославе Мудром государственная власть, как единая власть земли русской, простиралась из престольного Киева на север до Новгорода и далее на восток в пределы приволжского края, на запад на Волынь и Червонную Русь до Карпатских гор, и на юг достигла низовьев Дона и Черноморья. Тогда русское государство, как говорит славный историк Карамзин, было едва-ли не самым обширным из государств Европы. После

Владимира и Ярослава государственная власть раздробилась, и кроме одного Великого Князя Киевского настало много удельных русских князей, владевших по удельным городам и областям. Но все эти князья были одного роду-племени, были из потомков Владимира и Ярослава; с этим единством княжеского рода, властвовавшего по всей Руси, сохранялось представление о её начальном государственном союзе и единстве, о котором напоминает еще долго державшаяся власть Великого князя Киевского.

Третьей, уже духовной и самой глубокой основой единства земли Русской были единая вера христианская, православная, насажденная при св. Владимире и после него во всех племенах славяно-русских, а с нею и единая христианская Православная Церковь с её богослужением на родном славянском языке, с её святынями, с её церковным устройством, во главе которого была единая духовная власть Киевского митрополита. На этой духовной основе зарождалось в русском народе чувство единоверие, братства в вере, братства христианского, так что русские люди обвыкли звать себя преимущественно христианами, а свой землю—русской христианской землею. Чувством единоверие освящалось и укреплялось в русском народе чувство единоплеменства и единоземства или согражданства.

С самого начала в пределах, и особенно на окраинах Русской земли, жили и другие не

славяно-русские племена, а инородческие, как Литва и Латыши на северо-западе, разные финские племена (Чудь, Корелы, Лопари, Зыряне, Мурома, Мордва) на севере и северо-востоке, Половцы и другие на юге. Но то были или небольшие племена, пли хотя и большие, но слабые, или же хотя большие и сильные, но—бродячие кочевые, не прикреплявшиеся к Русской земле. Одни из них были подвластны Руси и платили дань ей, как говорит преподобный летописец; другие оставались независимы и даже воевали с Русью. Но все они были так сказать, недорослками на русской земле в сравнении с русскими славянами,—не доросли до такого государственного союза, как последние. А главное— все они отстали от них по вере, ибо оставались в своей старой языческой вере и не знали веры христианской, которая сразу дала превосходство над ними Русскому христианскому народу. Ему-то и суждено было Промыслом Божиим возгосподствовать безраздельно на всей русской земле и над всеми инородцами её; просвещать их христианской верой и чрез это роднить их с собою, воспринимать в христианское братство и в состав единого христианского государства Русского.

Но как в жизни людей, так и в жизни целых стран, народов и государств бывают испытания и превратности, постигающие их по собственной вине их, или по стечению несчастных

обстоятельств. Были такие испытание и превратности и в исторической жизни России, грозившие поколебать народное, государственное и религиозное единство её и причинить ей разделение на две части—Западную и Восточную Россию.

2. Начальная подготовка разделения земли Русской на Западную и Восточную.

Древняя Русь отчасти и сама подготовила свое распадение на Западную и Восточную. Когда после Ярослава Мудрого, единовластца всея Руси, настало в ней много удельных князей, а потом число их более и более прибывало от разраставшегося княжеского рода, то далеко не всегда сохранялись между ними братская любовь и согласие, как-то, к сожалению нередко бывает и во всяких людских семьях и людской родне. Дробились княжеские уделы из-за удельных и разных себялюбивых счетов, множились распри и усобицы между князьями, городами и областями, умалилось значение Киевского Великого Князя, как единого старшого между князьями и главы их. и значение Киева, как старшого города и главы всей и единой земли русской. Правда, память о главенстве Великого князя и Киева, о братстве князей не пропадала; и не замирало в народе чувство братства по племени, по вере, по

единой и родной земле русской. Бывало, что князья их, бояре и дружины из народа, по увещаниям пастырей, по голосу лучших князей братолюбцев (каким был особенно правнук святого Владимира Владимир Мономах) соединялись для защиты земли Русской от разных недугов, для улажения домашних распрей и т. и. Этим только смягчалось зло розни, но, к несчастью, не совсем искоренялось, и необходимо вело к ослаблению и всей земли русской. Правда и то, что с умножением княжеских уделов, разрасталось число городов и поселений в русской земле, а в замен упадавшего главенства Киева и Киевского князя, вырастали силы князей Владимирских и Суздальских на северо-востоке и Волынского и Галицкого на юго-западе. Дорог был для будущего этот запас сил; но пока они не доросли, не могли они ни стянуть к себе силы всей земли Русской, ни заменить их; и, действуя раздельно по своим областям, они подготовили пока лишь почву для разделение Руси на Северо-Восточную и Юго-Западную, иначе говоря: Восточную и Западную. Еще решительнее воздействовало на такое разделение земли Русской, последовавшее с копца 30-х годов XIII века, порабощение Руси Монголами или Татарами. Из далеких стран Азии нахлынула страшная орда Татарская на Русскую землю,—сперва восточную, потом юго-западную часть её.

Раздробленная на мелкие уделы, ослабленная распрями и усобицами князей, городов и областей, раздвоившая главные свои силы по двум половинам своей земли, Русь христианская не могла осилить татар. Избив в своих походах по Русской земле многих князей и несчетное множество народа, разорив многие земли и города, в том числе Владимир на севере и Киев на юге, Татары стали надолго властвовать над Русью. Благочестивые предки наши сами еще справедливо сознавали, что такие бедствие постигли Русскую землю именно за её же грехи, особенно за грехи розни и вражды князей и областей. Но они же признавали милость Божию в том, что не погибла Русь от татарского погрома и ига. Они сохранили свою святую веру и церковь, которую не гнали Татаре, своих князей и пастырей, уставы гражданские и церковные и свой быт народный. Мало того: подпав власти неверных иноплеменников, Русь еще более прикрепилась к своей вере, в которой находила главное отличие свое от поработителей и главное утешение в бедах и тягостях татарского ига; и еще более полюбила свою русскую, христианскую народность, как именно народность свою, родную, общую русским людям всей земли Русской; приучалась видеть в ней и свое единство и постоянство пред пришельцами и поработителями. Вразумленная постигшим ее испытанием, Русь могла подняться от разорения, собрать свои силы, чтоб вновь расти и крепнуть. Но этот

новый рост её имел уже на долгое время совершаться раздельно по двум полосам земли Русской-Восточной и Западной. Монгольские властители, приметив в земле Русской существование двух сильнейших князей, не желали и не могли перечить такому порядку и признали Владимирского князя, старшим т. е. великим князем на севере, а Галицко-Волынского на юго-западе. Старшим князем на севере стал Ярослав Всеволодович, отец св. Александра Невского, а на юго-западе Даниил Романович Галицкий—оба потомки славного Владимира Мономаха. Киев же, крайне разоренный и умалившийся, остался без своего князя. Таким распоряжением Монгольских властителей много подкрепилось уже прежде подготовленное разделение Руси на Восточную и Западную.

3. Объединение северо-восточной России или Великороссии под властью московских великих князей.

Сильнее и счастливее пошел рост Северо-Восточной Руси или *Великороссии.* Она была шире пространством, сильнее селением, навсегда удержала своих природных Русских и единоверных Великих князей, какими были, после Ярослава Всеволодовича сын его—мужественный, славный и святой *Александр Невский и его*

потомки. Из разоренного Киева перешли в Великороссию и митрополиты Киевские—сперва во Владимир на Клязьме, потом в Москву, и своею духовной властью подкрепляли власть Великих князей. Союзными стараниями их удельные области и города Великороссии постепенно собирались под одну верховную власть Великих князей Московских, которые поэтому и называются *собирателями земли Русской.* Началось такое собирание особенно со времени внука св. Александра Невского, *Иоанна Калиты,* при котором поселился здесь святой митрополит Петр, укрепивший его власть и предрекший, что его княжеский род возвысится над всеми другими княжескими родами, и Москва станет главой Русской земли. Дело Иоанна Калиты продолжали его преемники, из которых особенно славны *Димитрий Донской* и правнук его *Иоанн III,* довершивший объединение Северо-Восточной России под своею властью Московского Государя и Великого Князя. Собрание Северо-Восточной Руси под единой властью было великим добром и для неё и для всей земли Русской. Стали уменьшаться, а затем и совсем прекратились бедственные усобицы князей; начался лучший порядок и более твердый закон: росла сила Русская, так что уже Димитрий Донской соединенными силами северорусскими одержал славную Куликовскую победу над татарами, а правнук его Иоанн III окончательно свергнул Татарское иго: и стала северная Русь

свободным, сильным и великим государством Московским. Теперь могла она помочь и Западной Руси, судьба которой была иная.

4. Объединение юго-западной России или Малороссии под властью Галицко-Волынских князей.

В Западной Руси, после Монгольского нашествие, самой сильной областью была Галицко-Волынская область, где властвовал Великий князь *Даниил Романович* с братом своим *Васильком,* признанный Великим князем от Монгольского хана. Даниил, современник Александра Невского, был князь сильный и смелый. Его уважали и Татаре и соседние государи; достойно охранял он честь русского имени и старался расширить и усилить свою область,— строил новые города, как Львов, Холм и другие, украшал их храмами, созывал население из своих русских и иностранцев, чтобы увеличить силы, ремесла, промыслы и достатки своей области. После Даниила и Василька еще около 70-ти лет держалась в Галицко - Волынской области власть их потомков; при последних из них становится известным для этой области с соседней южной Русью название *Малой России,* в отличие от Великороссии. Но этой Малой России теперь

не под силу было притянуть к себе и собрать под одну Русскую власть все области Южной и Западной России. В замен русской явилась здесь другая власть— власть Литвы и Польши.

5. Литва и начальные связи её с соседней Русью.

Литва была небольшой народ, главные поселение которого находились в лесной и болотистой стране по реке Неману и его притокам, отчасти по Западной Двине и простирались до Балтийского поморья между устьями реки Вислы, Немана и Западной Двины. Страна эта обнимает нынешние губернии Виленскую, Ковенскую, отчасти Пруссию на западе, Гродненскую губернию на юге. Небольшой народ этот распадался на многие мелкие племена, каковы: собственно *Литва* (Виленской губ.), *Жмудь* (в Ковенской губ.), *Прусы* (в нынешней Пруссии), *Ятвяги* (в Гродненской губ.) и другие.

По общему племенному корню и по языку, Литовцы были ближе к Славянам, чем другие соседние инородцы, как напр. Немцы пли Финны. Но живя многие века особняком на своих болотах и в лесах, Литовцы много поотстали от Славян в своем развитии, т. е. в росте своего быта

общественного. Не было у них ни городов, ни общей государственной власти, общего союза гражданского. Жили они в первобытной деревенской простоте, рассеянные поселками из семейств и родов, имевших своих старшин. А главное—они далеко отстали от Славян как русских, так и польских, на пути к вере христианской. Даже еще в XIII в., когда Русские и Польские Славяне более двух веков были уже христианами, Литовцы оставались еще при своей языческой религии. Во многом она была сходна с былой языческой религией Славян. Литовцы обожали солнце, луну, звезды; был у них главный бог Перкун, бог грома, подобный Перуну языческих славян. Были у них священные рощи, в которых горел священный огонь или *знич*, почитаемый и в домах. Почитали они и некоторых птиц, особенно аистов, даже ужей. А разных суеверий, примет и гаданий было у них еще больше, чем когда-то у Славян язычников. Были у них идолы и капища, и особые жрецы, гадатели и гадательницы, называемые *вайделотами* и *вайделотками.* Как ни темна и груба была такая религия, но все же она была наиболее общею связью между разными племенами литовскими, и эта связь могла побудить их и к союзу государственному, в виду какой-либо общей опасности или общей выгоды.

Живя многие века особняком и в безопасности, благодаря труднопроходимым лесам и

болотам, Литовские племена не могли однако навсегда остаться неизвестными соседним народам и не войти в столкновение с ними. Ранее встречаются и знакомятся они с соседними Славянами. Между прочим они обращают на себя внимание набегами из своих болот и лесов на соседние славяно-русские поселения. С своей стороны русские князья совершают походы на Литовские племена с целью усмирить и подчинить их. Уже Владимир ходил войной на Ятвягов и победил. Сын его Ярослав не один раз ходил на тех же Ятвягов и на самую Литву, и на границе русской и литовской земли построил город Новгород (Новгородок) Литовский. Хаживали на Литву и другие русские князья после Ярослава. Особенную силу над Литвой приобрели славные Галицко-Волынские князья: *Роман Мстиславич и его сыновья Даниил и Василько.* Значительно расширили они пределы своей области, владели многими русскими городами на пограничье с Литвой, каковы Брест-Литовский, Бельск, Гродно, Дрогичин и др., и непрерывными походами наводили страх на Ятвягов и Литву, удерживали их от разбоев и грабежей, приучали жить мирным трудом и промыслом. Более прежнего чувствовалась Литве налегавшая на нее русская народная сила, с которой к этому времени более и более знакомилась Литва и с другой стороны, со стороны соседнего княжества *Полоцкого* и вообще соседней *Белоруссии.* Но к этому же времени начинает

обнаруживаться в Литве и собственная сила её, благодаря начавшему слагаться в ней государственному союзу.

6. Начало Литовского государства. Князь Миндовг первый основатель его.

Начало государства в Литовском народе положил князь *Миндовг* (1235—1263 гг.). Княжил он в срединном из Литовских племен, т. е. собственной Литве, жившей преимущественно в нынешней Виленской губернии, имея здесь уже и свой стольный городок Кернов на речке Вилии, впадающей в реку Неман. Будучи смышлёнее, предприимчивее и сильнее других Литовских князьков, Миндовг стал собирать под свою власть мелкие литовские владение или земли, чтобы соединением их в одно государство создать для Литвы общую государственную силу. Не велика была эта сила, если бы она составилась только из сил небольшой Литовской земли, небольшого и тогда еще грубого Литовского народа. Но Миндовг успел завладеть соседними русскими землями, где не было своих русских князей или же были князья слабые. Сам он занял под свою власть большую часть так называемой *Черной Руси* и в ней города Новоградец (Минской губ.), Слоним и Гродно (в Гродненской), Волковыск (в Виленской) и др.,

а подручные ему племянники утвердились в Полоцке и некоторых других городах соседней Белоруссии. Так под верховной властью Литовского князя Миндовга стало складываться обширное уже не литовское, а литовско-русское государство, значительно усилившееся пришедшим в состав его запасом земельной народной силы. Стольным городом его стал теперь Новоградек, город русский, но названный с этой поры *Новгородком Литовским.*

7. Борьба его и Литвы с рыцарями Ливонского и Тевтонского орденов.

Но Литовскому княжеству и литовско-русскому государству грозили еще опасности от сильных соседей. Таковы были прежде всего немцы, основавшие уже два владение в пределах Литовских. На северо-востоке, на Балтийском поморье, в земле родственных Литве Ливов основался немецкий *Ливонский* орден *Меченосцев* с столицею в Риге, а на западе в земле Пруссов— другой орден *Тевтонский.* Ордена эти были военно-духовные товарищества или рыцарские дружины, составившиеся из разных пришельцев с запада. По видимости они ставили своей задачей распространение веры христианской между литовскими и

латышскими племенами. Но, вопреки духу Евангелие, считали законным распространять веру мечем и огнем, вообще военной силой, забирать под свою власть земли язычников и порабощать их и властвовать над ними по праву просветителей их. Словом, распространение веры служило для Меченосцев и Тевтонцев вместе и предлогом для завоеваний в литовско-латышских землях. Римские папы благословляли их на такие завоевания. Попятно, что христианская вера, проповедуемая с мечем в руках и грозившая порабощением власти проповедников, не могла особенно привлекать сердца литовских, как и латышских язычников. Те и другие упорно противились немцам, стоя и за свой старую веру и за свою народную независимость, знаменем которой считалась эта вера. Но немецкие Меченосцы и Тевтонцы были образованнее наших инородцев, искуснее в военном деле, и потому осиливали их. Ко времени, о котором теперь речь у нас, прибалтийские племена Ливы, Земгалы, Эсты и другие большей частью уже покорены были Меченосцами, т. е. рыцарями Ливонского ордена, а Пруссы, сильнейшее на западе литовское племя, стали более и более подпадать власти Тевтонцев. Было уже не мало и христиан из прибалтийских и прусских инородцев; но очень часто то были христиане вынужденные, которые при первом удобном случае бросали христианство, возвращались к язычеству и поднимались поголовно на бывших просветителей или

поработителей своих. Такие восстания устрашали немцев, и вот с благословения папы Тевтонцы и Меченосцы соединились (около 1237 г.), а через это много выросла немецкая сила, ставшая теперь грозной и для соседней Литвы, где властвовал Миндовг. Опасность от Ливонских Меченосцев действительно наступила для Миндовга, после того как один из его родичей, считавший себя в обиде от Миндовга, искал себе защиты от Меченосцев и с этим расчетом принял у них крещение в Риге. Меченосцы могли воспользоваться этим, чтобы напасть на Миндовга. Но хитрый Миндовг послал дары магистру, т. е. начальнику или главе ордена, и затем обещал и креститься. И он действительно крестился в г. Новоградке в 1250 г., а затем римский папа прислал ему и королевскую корону, как уже христианскому государю. „Но это крещение Миндовга было льстиво", говорит наш русский летописец; „потому что в тайне он приносил жертвы своим богам и сжигал мертвых; если же выходил на охоту в лес и при этом заяц перебегал ему дорогу, то уже ни за что не входил в лес, там и ветки не позволял сломать". Словом, рыцари не позаботились твердо наставить Миндовга в вере при крещении его. А между тем, за свой будто услугу ему, они стали вымогать у него одну за другой земли из его владений в Литве и Жмуди. Туземцев же Литвы и Жмуди стали угнетать и грабить без всякой христианской и человеческой жалости. Выведенные

из терпение Литовцы, Жмудины, а за ними и Пруссы поголовно восстали против Немецких рыцарей. Тогда и Миндовг отрекся от христианства, стал во главе восставших литовских племен и в союзе с ними нанес жестокое поражение Немцам.

8. Дела его с Галицко-Волынскими князьями. Сын его Войшелг—православный христианин.

Иначе сложились дела Миндовга с соседними русскими Галицко-Волынскими князьями, во главе коих был Даниил Романович Галицкий. Когда этот князь с своим братом Васильком стал налегать на Миндовга, чтобы отнять у него русские города, то Миндовг послал своего сына *Войшелга,* княжившего в Новгородке под властью отца, к князю Даниилу для мирных переговоров. Переговоры заключились родственным союзом между домами русско-галицкого и литовского князей. Дочь Миндовга, сестра Войшелга, после крещение, была отдана в замужество за Шварна, сына Даниила, а другому сыну Даниила, Роману, Войшелг уступил свое Новоградское княжение, хотя и с тем, что оно останется под верховной властью Миндовга. Но для нас особенно важна и назидательна духовная перемена,

последовавшая в Войшелге вслед за этим родственным союзом. Прежде этого, живя в Новгородке, Войшелг был не только истым язычником, но и походил на зверя кровожадного. Русский летописец говорит о нем так: „Войшелг каждый день убивал по три и по четыре человека, и если в какой день не убивал никого, то бывал печален и смутен, а если убивал, то становился весел". Теперь же, когда уступив Новогродек Роману, поехал к отцу его князю Даниилу в Холм и здесь зажился, то так полюбил русских и их веру, что и сам принял святое крещение в православии. Учителем его в святой вере был, как видится, находившийся в области князя Даниила игумен *Григорий,* человек святой. Слушая этого святого мужа, Войшелг так сокрушился духом, что принял монашество, жил три года у Григория, хотел даже идти на Афон, но не дойдя туда за большими помехами, встреченными на пути, возвратился и потом основал свой монастырь в Лаврашеве близ Новогродка недалеко от р. Немана. Отец Войшелга Миндовг гневался за все это на сына; но Войшелг остался преданным христианской православной вере, которую полюбил искренно, всею душой. Таково то было действие веры православной на бывшего свирепого язычника Войшелга. Между тем в самой Литве настали смуты. Миндовг, гордый своими успехами, стал самоуправствовать над другими удельными князьями Литвы и Жмуди. Те

составили заговор против Миндовга, и он был убит в г. Кернов (1263 г.).

В те грубые времена месть была в обычае. Поэтому и сын Миндовга Войшелг, хотя он был христианин и монах, счел своим правом отомстить убийцам отца, тем более, что боялся беды от них и себе. Притом в Литве взяли верх язычники, владевшие теперь и русским городом Новогродком: а Войшелг не хотел, чтобы Литовская языческая сторона возобладала над русской христианской. Итак, сбросив монашескую рясу, Войшелг, бежавший перед тем из своего монастыря в Пинск к тамошнему русскому князю, с помощью русских князей и дружин завладел Новогродком, объявил себя великим князем и начал жестокую расправу с врагами отца и своими,— многих перебил, а другие бежали.

9. Литовский удельный князь Довмонт, в православии. Тимофей, и его княжение в Пскове.

В числе последних был и Довмонт. Он с своею дружиной бежал в русский город Псков, здесь принял православное христианство и крестился с именем *Тимофея.* Православное христианство так подействовало на его душу, так облагородило его, что он полюбился всему Пскову, который и признал его своим князем. Тридцать пять

лет княжил он в Пскове, совсем обрусел, доблестной славой подвизался за свое новое отечество, победоносно вместе с Псковитянами отражал их недругов литовских язычников и ливонских немцев. Вместе с тем Довмонт—Тимофей успевал в благочестии и жизни богоугодной, так что по кончине был причислен к лику святых в Пскове (†1299 г.). Вот опять пример духовной силы православия над бывшим язычником из Литовских князей. Не утратило оно силы и над Войшелгом. Воздав дань языческому обычаю мести, он опомнился. Вспомнил он и свой договор с Даниилом Романовичем Галицким. Даниила Галицкого уже не было тогда в живых (†1264 г.). Но жив был брат его Василько, князь Владимиро-Волынской, и два сына Даниила: Шварн и Лев. Войшелг назвал своим отцом Василька Романовича, а себе усыновил Шварна, как мужа своей сестры. Сам же опять облекся в монашескую рясу и удалился в недалекий Даниловский монастырь. Живя там, он говаривал: „вот здесь подле меня сын мой Шварн, а там господин отец мой Василько: буду утешаться ими“. Так утешаясь, и вместе с тем плакался о своих грехах.

Казалось, что теперь на месте языческой литовской власти утвердится над литовской землею русская христианская власть в лице вокняжившегося в г. Новогродке потомства Даниила Романовича Галицкого. К несчастию старое зло,

причинившее столько бедствий древней Руси, не иссякло: это зло зависти, распрей и ссор между русскими удельными князьями. В одну из таких ссор вовлечен был и Войшелг, и был убит во Владимире Волынском (†1269 г.). После этого настали смуты в основанном Миндовгом литовско-русском государстве. В Новогродке Литовском вокняжился *Троийден* (1270—1282), ревностно преданный язычеству и языческой Литве и враг христианской Руси. Он назывался великим князем, но уже не владел таким числом земель, как некогда Миндовг. В Полоцкой и Витебской землях, на которые в свое время простиралась власть Миндовга, вокняжился особый Литовский князь Эрдень, независимый от Тройдена; явились независимые князьки и в собственной Литве и Жмуди. Возникавшее литовское русское государство клонилось к распадению. Но между литовскими князьями нашлись такие, которые поняли опасность, грозившую Литве; лучше Миндовга и Тройдена поняли и то, как спасти Литву и воссоздать литовское государство.

10. Вишен и Гедимин новые—основатели Литовско-Русского государства.

Восстановителями литовского или точнее литовско-русского государства были князья Литовско-Жмудской линии, братья *Витень* (1293—1316) и *Гедимин* (1316— 1341). Они успели соединить под своею властью Литву и Жмудь, а из русских земель прежде всего землю, которая называлась *Черной Русью* и была в свое время под властью Миндовга и Тройдена. С соединенными силами Литвы, Жмуди и Руси оба они вели упорную борьбу с немцами Тевтонского и Ливонского ордена, имея в числе главных вождей Давида, Гродненского старосту из русских или обрусевших литовцев. Своими победами в этой борьбе они обезопасили свое государство от Тевтонцев и Ливонцев. Витень воевал и с Польшей, так что и она познала важность соединенной литовско-русской силы. А Гедимин имел уже Польшу и союзницею в борьбе с немцами Тевтонского ордена, которых сама она побаивалась, как соседей, стремившихся к завоеваниям. Но всего важнее то, что Витень и Гедимин лучше всех предместников своих поняли, что сама Литва, малая пространством, числом населения, притом грубая и необразованная, не может составить сильного и благоустроенного государства; что такое государство может составиться только в соединении с соседней христианской Русью, где

больше и земель, и народного образования. Видели они, что в самой борьбе их с Немецкими орденами главной опорой были русские силы. Поэтому то оба эти умные князья старались присоединить к своему государству как можно более земель и городов из соседней Западной Руси. Начал это Витень. Но особенно обширные присоединение успел сделать Гедимин, и такой успех был тогда для него не труден. Обширны были земли Западной России; но теперь, после Галицко-Волынских князей Даниила, Василька Романовичей и Владимиро-Волынского князя Владимира уже не было в ней таких, как они, сильных князей. Вообще земли Западной России были раздроблены на многие мелкие княжества и державства, разрозненные между собою, и потому не могли, каждое порознь, противостоять соединенной Литовско-русской силе Гедимина. Имея за собой такую силу, умный Гедимин умел присоединять под свою власть русские земли не только войной, но также и даже чаще мирными способами и родственными союзами с домами русских князей. Так, вся Подляхия с городами Брестом, Дрогичином и Бельском занята им силой войны от ослабевших Галицко-Волынских князей; Волынь с городами Луцком, Владимиром присоединена им частью войной, частью родственным союзом через женитьбу Гедиминова сына Любарта на дочери Владимиро-Волынского князя. За Волынью досталась Гедимину и часть Подолии. Княжества Пинское,

Туровское и Минское, как видится, мирно признали верховную власть Гедимина, как уже Литовско-русского Великого князя. *Полоцкая* область, в одной части своей признававшая уже власть Витеня, теперь вся признала власть Гедимина, а *Витебская* область перешла под его власть через женитьбу сына его Ольгерда на дочери русского Витебского князя, не имевшего сыновей. Наконец и *Киев с его областью* подпал власти Литовско-русского Великого князя, хотя власть эта некоторое время еще оспариваема была у него татарами. Таким образом из бывших разрозненных земель и княжеств западной России составилось, в соединении с Литвой и Жмудью, под властью Гедимина, обширное и сильное Литовско-русское государство. Гедимин, довершивший основание его, основал для него и новую столицу— г. *Вильну* при речке Вилейке, впадающей в реку Билию, которая впадает в реку Неман. Западная Русь могла теперь мириться с своим положением в составе нового государства. Это государство, благодаря соединению в нем Литовско-русских сил, обеспечивало ей защиту от посягательств на те или другие земли её со стороны неприязненных соседей, каковы татары на юге, поляки на западе и немцы на северо-западе. Притом новая государственная власть предоставляла русским западной России оставаться при своих обычаях, законах, нравах, при своем образовании и своей вере. Правда, сам Гедимин не принимал христианской

веры и крещения: не хотел он расходиться в вере с своей коренной Литвой, тогда еще языческою, не мог и сам оторваться от этой старой родной веры. Притом в соблазн его вводили Тевтонцы, которые, называясь христианами, очень часто поступали с Литвой не по-христиански, а жестоко и коварно.

11. Уважение Гедимина к христианской вере русских; сыновья и дочери его в православии.

Но оставаясь при своей старой вере, Гедимин уважал христианскую веру, позволял принимать ее всем, даже детям и родне своей. Три раза был он женат, и две последние жены его были православные христианки. Из семи сыновей его четыре крещены в православии, как-то Ольгерд (Андрей), Наримунт (Глеб), Кориат (Михаил), Любарт (Феодор), Явнут (Иоанн). Все пять дочерей были в замужестве за христианами и только одна крещена в латинство (жена короля польского), а четыре—крещены в православии; в числе их были—Анастасия—жена Московского Великого князя Симеона, и Мария—жена Тверского князя Димитрия Михайловича. Таким образом в роде основателя литовско-русского государства уже прививалось православие.

12. Ольгерд Гедиминович, великий князь Литовско-Русский: объединение под его властью областей западной и южной России.

По смерти Гедимина (1341 г.) в разных частях его государства стали властвовать его сыновья. Но через четыре года возвысился над всеми ими самый способный из них, *Ольгерд;* поддерживаемый другим братом и другом своим, *Кейстутом,* Ольгерд утвердился в столице Вильне и стал Великим князем (1345—1377).

Братья признали верховную власть Ольгерда, и тотчас обнаружилась сила соединенного Литовско-русского государства. Ольгерд в союзе с братом своим Кейстутом выдержал несколько тяжких войн с рыцарями Тевтонско-Ливонского ордена; не один раз нападали они на Жмудь и Литву, доходили до самой Вильны, причиняли жестокие опустошение, но и сами нередко терпели поражение и не смогли сломить силы Литовско-Русского государства. В 1362 г. Ольгерд нанес страшное поражение татарам в Подолии и прогнал их далеко на юг. Этой победой он воспользовался, чтобы окончательно уничтожить притязание их и на власть над Киевом и Киевской областью. Опираясь на бывшие уже под его властью русские земли, он успел присоединить к ним еще новые. Так, он присоединил Смоленскую область с городом Смоленском и

др., потом северскую землю с городами Черниговом, Брянском, Трубчевском, Стародубом, Новгород-Северском и др. Подолию он присоединил к своей державе после победы над татарами 1362 г. Тогда же он окончательно присоединил к своему государству и Киев с Киевской областью. На княжение в Киеве он поставил сына своего *Владимира Олгердовича.* Таким образом Литовско-Русское государство значительно расширилось. Оно обнимало теперь всю западную Россию, т. е. нынешние губернии: Витебскую, Могилевскую, Минскую, Виленскую, Ковенскую, Гродненскую, Киевскую, Волынскую и Подольскую, да сверх того Черниговскую и Смоленскую. Теперь еще более, чем прежде, выступало на вид то весьма важное обстоятельство, что собственная коренная Литва, населявшая губернии Виленскую и Ковенскую, составляет самую малую часть Литовско-русского государства. Она составляла в нем менее десятой части в сравнении с коренными русскими землями, в которых искони жил русский народ, господствовали русский язык, русская грамота, русская образованность, русская православно - христианская вера и церковь с своими святыми храмами, монастырями, духовенством и епископами, под общею духовной властью, властью православных митрополитов. При таком господстве русской народности и православной веры в Литовско-русском государстве, естественно было ожидать, что действие этой народности и веры будет

более и более простираться и на коренную Литву, на самых Литовцев.

13. Православие и русская народность в литовском великокняжеском роде.

Так и было, и это видно прежде всего на Литовском княжеском роде. Из всех князей этого рода только и один Кейстут, брат Ольгерда, оставался язычником. Княжил он в Жмуди, а она вся еще крепко держалась своей старой языческой веры, и притом вместе с Кейстутом вела упорную борьбу с немецкими рыцарями, которые, воюя с нею во имя христианства, причиняли ей много жестоких опустошений и обид, и тем возбуждали недоверие и неприязнь к самому христианству. Все же остальные князья Литовского рода были христианами и христианами православными. Сам великий князь Ольгерд был крещен с именем Андрея, когда женился на Витебской княжне Марии Ярославне. Овдовев по смерти её в 1347 г., он вторично женился и опять на русской христианке Тверской княжне Иулиании Михайловне: в том и другом браке он был единой веры со своими женами и остался при этой вере до самой смерти. От двух жен он имел 12 сыновей и пять дочерей, и все эти сыновья и дочери, с согласие отца, крещены и воспитаны матерями в православной вере.

Известны и христианские имена рядом с мирскими литовскими именами некоторых из них. Таковы от первой жены: Вингольд-Андрей, князь Полоцкий, Корибут-Димитрий, князь Брянский и Северский, Димитрий-Трубчевский, Владимир Киевский, Константин Черниговский, и дочь Агриппина, бывшая замужем за русским князем Борисом Суздальским. От второй жены: Ягейло-Яков, бывший потом великим князем, Ваганд - Феодор - Александр, князь Керновский, Киргайло-Василий, Спиргайло-Иоанн, Лунгвений-Симеон, Монгайло-Василий, Свитригайло - Лев, и дочери: Мария, Александра, Елена и Феодора. На Волыни еще жив был брат Ольгерда, Феодор-Любарт, а на Подолии княжили сыновья Кориата-Михаила, все верные православию. Все эти православные князья, живя на княжениях в русских городах и областях, состоя в родственных союзах с русскими княжескими и боярскими родами юго-западной и северо-восточной или Московской Руси, становились и сами русскими, усвояли русский язык, на котором говорили, молились, писали грамоты, а некоторые отличались и благочестием, строили и украшали церкви, так что по всему этому казались родными русскими князьями и всему русскому населению.

14. Русская народность и православная вера в столице Литовско-Русского государства— Вильне.

И в самой столице Вильне более и более утверждалась русская народность и православная вера. Русское население в Вильне современно самому основанию её. Даже название Вильна было уже не литовское, а русское. Основатель новой столицы Гедимин хотел привлечь в нее побольше население и притом такого, при котором бы в столице начались домостроение, ремесла, промыслы, торговля, образование, и имелся бы достаток всяких служилых людей. Он привлекал в свою столицу и чужестранцев, даже немцев. Но всего поручнее и полезнее было ему привлекать население из русских земель, как ему подвластных и самых близких, потому что Вильна находилась именно на границе литовской земли с русскою. Так он и делал. При сыне его Ольгерде русское население в Вильне более и более умножалось, так что заполонило лучшую и большую часть города. А где жил русский православный народ, там являлись и православные храмы. Древнейшим из них был храм святого Николая, построенный первыми русскими поселенцами.

Когда в 1345 г. прибыл на великое княжение в Вильну Ольгерд, то православный храм нужен был и великокняжеской семье. Новый

великий князь был православным христианином, и с ним прибыла в Вильну и его первая жена Мария Ярославна, княжна Витебская, дети которой от Ольгерда были все православные христиане. Этой-то Марии предание усвояет построение другой древнейшей в Вильне церкви—святой Параскевы. Она построена на месте бывшего языческого святилища в той части города, которая называлась нижним замком и имела языческое население из Литвы и Жмуди. Оно мирилось с появлением здесь христианской церкви, как церкви великой княгини и великокняжеской семьи. При дворе и церкви великой княгини был духовник её Нестор.

15. Православные христианские мученики в Вильне: Иоанн, Антоний и Евстафий.

Он успел обратить в христианство нескольких Литовцев, в числе их двух знатных придворных, родных братьев, по имени *Кумец* и *Нежило,* в христианстве *Иоанн* и *Антоний.* Они перестали являться к принесению жертв огню *Зничу* в языческом капище Леркуна. Это озлобило языческих жрецов. Между тем в 1347 г. умерла княгиня Мария. Жрецы воспользовались этим, чтобы подойти к Ольгерду, оставшемуся без той опоры в вере, какую имел он в жене. Они

настаивали, чтобы великий князь позволил им принудить Иоанна и Антония к языческому служению. Став великим князем при помощи брата Кейстута, князя языческой Жмуди, ревностного язычника, и пробыв на велико-княжении всего два года, Ольгерд опасался, что озлобленные жрецы поднимут против него язычников, особенно Жмудь. Поэтому дал приказ бросить Иоанна и Антония в тюрьму. Год томились они здесь в голоде и сырости, но остались тверды в вере. На следующий год старший брат Иоанн поколебался и объявил, что отрекается от христианства. Ольгерд сказал освободить обоих братьев. Но младший Антоний, и живя на свободе, громко говорил, что он остается верен христианству. Его опять бросили в тюрьму и жестоко мучили. С ангельским спокойствием переносил он страдания; а сильные слова его о вере Христовой оглашались в тюрьме и за тюрьмой. Это удивляло язычников, и многие стали приходить и слушать его. Совесть и истина заговорили в душе Иоанна. Громко объявил он: „я опять христианин, делайте со мною, что хотите, я уже не изменю святой вере". На Иоанна надели тяжкие оковы и увели в тюрьму, где брат Антоний встретил и обнял его с радостью. Теперь к тюрьме святых братьев стали сходиться язычники еще более, чем прежде, и многие тайно принимали святое крещение. Раздраженные жрецы потребовали от Ольгерда, чтобы он выдал им в руки братьев исповедников. Ольгерд

сдался и на это. Жрецы страшными мучениями силились вынудить их к отречению от веры, но напрасно. Тогда решили казнить их смертью. На конце города на горе рос большой дуб, на котором вешали преступников: на нем кончили жизнь и святые братья-мученики. Доблестный подвиге их поразил сердце и их родственника, по имени *Круглен.* Приняв крещение с именем *Евстафия,* он сам мужественно и громко исповедал о себе, как о христианине. Подвергнутый жестоким истязаниям, он не изменил вере, и запечатлел ее смертью, быв повешен на том же дубе. Так русское православное христианство имело теперь в Вильне и Литве своих исповедников и мучеников в лице *святых Иоанна, Антония и Евстафия.* Подвиг их послужил к славе веры православной, свидетельствуя о духовной силе её. Православные христиане Вильни благоговейно схоронили мощи святых мучеников в церкви святого Николая, веруя в будущее торжество веры над язычеством в Вильне и Литве. И оправдалась эта вера. Через два года по смерти первой жены Ольгерд женится на Иулиании Михайловне, дочери северского князя. Эта благочестивая и кроткая княгиня оживила чувство веры и в муже. С его согласие она на месте старой деревянной церкви святого Николая построила новую каменную. На том месте, где пострадали Виленские мученики, она построила церковь Святой Троицы с монастырем при ней. Сюда перенесены были мощи Иоанна,

Антония и Евстафия. Впоследствии эти литовские мученики причислены к лику святых (Св. мощи их находятся в Виленском Св. Духовом монастыре). Во время Иулиании и Ольгерда основана в Вильне еще одна церковь в честь Успение Божией Матери, прослывшая под названием . При Иулиании бывал в Вильне духовник её Киево-Печерский архимандрит Давид. Он *Пречистенской* был добрым наставником в вере и для самого Ольгерда и его великокняжеского семейства. Когда в 1377 г. состарившийся Ольгерд был в смертной болезни, Иулиания призвала детей и духовника Киево-Печерского архимандрита Давида: от него Ольгерд-Андрей принял пострижение и схиму с именем Алексий, скончался, как православный русский князь, и погребен в Пречистенской церкви.

16. Распространение православного христианства среди Литовских поселений.

При Ольгерде и в ближайшее после него время православие приобретало последователей из среды литовцев и в других пределах Литовско-русского государства. Учителем православной веры явился здесь митрополит Киприан. В 1376 г. по просьбе Ольгерда он был поставлен Константинопольским патриархом в сан митрополита для Западной или Литовской

Руси, но с тем, чтобы по кончине жившего в Москве митрополита, святого Алексия, быть ему единым митрополитом для обеих половин России. Этот Киприан, прибыв в Киев, отсюда, как архипастырь и учитель, странствовал и по другим местам Литовского государства. И это странствие было не бесполезно. В письме к преподобному Сергию Радонежскому 1378 г. говорил о своем учительстве в Литве: „когда я был в Литве, то многих литовцев, не знающих истинного Бога, чрез святое крещение обратил в православие. Там основал много церквей“. Те многие Литовцы, которых святитель Киприан чрез крещение обратил в православие, были, всего вероятнее, литовские бояре и служилые люди, служившие при княжеских дворах сыновей Ольгерда в разных русских городах. Подобно своим князьям, подобно Иоанну, Антонию и Евстафию, они крестились и познавали Бога истинного в св. православной вере; подобно своим князьям, они роднились с русскими, усвояли русский язык и народность русскую. Если бы так дело шло и далее, то православие и русская народность с течением времени мирно распространились бы и на всю Литву, и она слилась бы в один народ с русским народом Западной Руси. А все это повело бы исподволь к мирному воссоединению Западной Руси с Восточною, во главе которой была теперь Москва. Ибо ***в Восточной, как и в Западной Руси был один и тот же русский народ,*** но Восточная Русь была обширнее, люднее и

могучее задатками государственной силы, чем Русь Западная: а естественно, что большее и сильнейшее притягивает к себе меньшее и слабейшее, если оно родное ему. Правда, между Литовским и Московским государствами бывали и войны и сам Ольгерд не раз воевал с славным Московским великим князем Димитрием Донским. Но если бывали войны, то бывали и мирные и родственные союзы между литовскими князьями и князьями Восточной России и с самими Московскими князьями. Бывало и то, что Литовские князья, потомки Гедимина, сыновья Ольгерда приходили в Москву служить Московским князьям и подвизаться с ними за общее русское дело. Так например, сыновья Ольгерда Андрей и Димитрий были сподвижниками русских князей в славной Куликовской битве (1380 г.) с татарами, прославившей Димитрия Донского. За всем тем святая вера православная продолжала поддерживать чувство единение между Западной и Восточной Русью. И теперь обе они были и чувствовали себя частями единой Русской Церкви, начавшейся в Киеве при святом Владимире и составлявшей единую русскую митрополию под общею властью митрополитов Киевских и всея России.

17. Русская митрополия, как охранительница союза Юго-Западной и Восточной России.

Но в пору нам теперь сказать полнее о русской митрополии, как охранительнице союза между юго-западной и северо-восточной Россией. Когда Киев подпал страшному погрому от татар (1240 г.), разоривших здесь многие церкви, в числе их и Киево-Софийский собор, то Киевские митрополиты не находили здесь безопасного и пригодного жительства и стали чаще жить в северо-восточной России. Там в Москве со времени святителя и чудотворца Петра (1326 г.) основалась для них и митрополичья кафедра. Мудрые святители уразумели, что теперь более надежная опора для церкви в Руси северо-восточной, где были только чисто-русские православные князья, где было более сильное православное русское население и где засияло благочестие после славных времен его в Киеве. Но живя в северо-восточной Руси, имея кафедру в Москве, святители продолжали называться *Киевскими,* по старине, по памяти о Киеве, как начальной столице русского православного христианства. Они посещали и Киев и разные области юго-западной России, охраняя своею властью единство церкви русской. Но ***властители юго-западной и западной России, каковы: галицко-волынские князья и потом Литовские, не раз пытались иметь для своих***

государств особых митрополитов. Этого временами они и достигали. Однако же память о единстве русской церкви и её митрополии не исчезала. Ее охраняли мудрейшие из русских первосвятителей, поддерживаемые в этом Константинопольскими патриархами. Так было и в то время, о котором теперь речь у нас, т. е. время Ольгерда и ближайшее после него. Упомянутый выше Киприан по просьбе Ольгерда поставлен был патриархом в сан митрополита для литовско-русского государства еще в то время, когда в Москве был жив святитель Алексий. Но по заповеди патриарха он назначался преемником святителя Алексия, чтобы опять быть единым митрополитом для всей Руси. Не легко сбылось это, но сбылось. Первосвятитель Киприан перешел в Москву, откуда посещал и Киев и Западную Русь, как единый митрополит Киевский, Литовский и всея Руси. Если бы так было и далее, если бы сохранилась единая церковная власть для Москвы и Киева, а с тем вместе для Восточной и Западной России, то это вело в будущем к воссоединению их в одно государство, как стран единоплеменных и единоверных. Но наступили событие, которые еще более и надолго утвердили государственное разъединение обеих половин Руси; настал новый более решительный поворот в судьбах Западной России, поставивший ее на путь почти четырех-вековой борьбы за свой веру и народность, часто тяжкой, соединенной с великими страданиями, но и славными

подвигами. Начался этот поворот со времени соединение Литвы, а чрез нее и Западной Руси с римско-католической Польшей: ибо при этом соединении последовало отпадение Литовско-русских великих князей от православие в католичество или латинство.

ГЛАВА II.

Борьба Западной России за свою веру и народность при первых Литовско-Русских князьях, отпавших от православия в латинство.

1. Зачатки этой борьбы в Галицкой Руси еще при Галицко-Волынских князьях и в ближайшее после них время.

Зачатки борьбы Западной России за свою веру и народность открылись еще ранее того соединения её с Польшей, о котором речь будет далее. С самого начала христианства в России римские папы и их римско-католическая церковь искали случаев подчинить своей власти православную Россию (которую они с большим грехом обзывали схизматическою, как обзывали и всю Восточную Православную Церковь). Чтобы достичь этого, они действовали всякими средствами: увещаниями через послания и миссионеров, льстивыми обещаниями, а где можно было, то и насилием при посредстве соседних с Россией государств. Чаще стала испытывать на себе все это Галицкая Русь, соседняя с Польшей

и Венгрией, где господствовала римская церковь под властью пап. Еще тогда, когда Галицко-Волынской Русью владел славный и сильный Роман Мстиславович († 1205 г.), гордый римский папа Иннокентий III прислал к нему своего легата (посла), который льстиво уверял, что если князь покорится папе, то папа мечем святого Петра покорит князю народы и сделает его королем. Князь, указывая на свой меч, отвечал: „такой ли меч у папы? Пока мой меч при мне, он дает мне земли; не нуждалось в другом". Легат ушел ни с чем. Но когда, по смерти Романа, в малолетство его сыновей настали в Галиции смуты, ее поспешил захватить венгерский король, посадил здесь своего сына Коломая; с ним явились латинские епископы и ксендзы и стали изгонять русских священников, обращать православные храмы в костелы, а русских принуждать к латинству. К счастью, на помощь Галицкой Руси явился из Новгорода князь Мстислав Удалой и выгнал Венгров и Латинян. Но вот всю Россию, а также и Галицко-Волынскую Русь постигло тяжкое татарское завоевание. Смелый, уже выросший сын Романа Даниил Галицкий задумал освободить свою землю от татар. Но зная их силу, искал помощи на Западе. Думал он, что ему поможет и папа, и завязал с ним сношения. Папа с радостью ухватился за этот случай: прислал своих легатов к Даниилу, прислал даже ему королевскую корону, но—не прислал помощи против татар. Поэтому Даниил

Романович и прервал сношения с папой. Зато папа слал проклятия Даниилу и старался вооружить против него соседей и, в числе их, Миндовга Литовского. Но это не устрашило нашего князя. Он остался верен православию, строил и украшал православные церкви, чтил православные святыни. Так, например, он построил церковь Пресвятой Богородицы в городе Холме. В вере православной и скончался славный Даниил († 1264 г), и погребен в Холме, в той же построенной им церкви Пресвятой Богородицы. Верными православию оставались последующие Галицко-Волынские князья, дети и внуки Даниила и брата его Василька. Но прошли десятилетия и славный род Галицко-Волынских князей угас в мужской линии (ок. 1336 г.). Оставались из него две княжны. Одна из них была замужем за Любартом Гедиминовичем литовским князем, а другая за Мазовецким князем Тройденом, от которого был у неё сын Юрий. Любарт наследовал одну часть бывшего Волынско - Галицкого княжества, именно Волынь, а Юрий вторую—Галицию. Любарт был верен православию, которое было верою его матери и жены из русских княжон. В православии был воспитан матерью и Юрий. Но потом, по наущению польского короля, отпал в латинство. Потому, сделавшись князем в Галиции, стал, по наущению папы и латинского духовенства, теснить православие, вводить латинство, вообще оскорблять и обижать русских православных и

этим так вооружил против себя Галицких русских князей, что и сам погиб от них. Сведав об этом и папа требовал мщения. Мстителем выступил король польский Казимир II, вздумавший теперь захватить Галицию для себя и Польши. Папа усердно помогал ему, уступив Казимиру на это дело часть десятины, которая по обычаю собиралась в Польше для папы в виде дани. Ибо папы любили собирать дани с земель и государств, признававших главенство папы. Итак Казимир в 1340 г. вторгся с войском в Галицию, захватил город Львов, Перемышль и другие, замышляя уже подчинить всю страну римской церкви. Но в следующем году (1341 г.) поднялись против Казимира и поляков русские Галичане и Волыняне, имея во главе православного, Литовско-русского князя на Волыни, Любарта Гедиминовича, храброго боярина Дедка и князя Даниила Острожского. Они свергли ярмо Казимира и Польши, а Волынь и Галиция остались во власти Любарта и союзников. Но через девять лет (1399 г.), Казимир с новыми, большими силами опять овладел Галицией, захватил и значительную часть Волыни. Но Волынь опять отвоевал у него Любарт с союзниками. Папа всячески силился помочь Казимиру и Польше; дарил десятины на войну с русскими, выкликивал крестовый военный поход на них, давал индульгенции (т. е. прощения грехов) тем, кто пойдет на войну против русских. Но все было напрасно. Любарту с русскими помогали и

другие литовские князья и Волынь осталась за Любартом и русскими. Не так счастлива была Галиция. Она осталась под властью Казимира и Польши. По смерти Казимира († 1370 г.) Польша признала своим королем сына сестры его, Венгерского короля Людовика. Людовик отдал Галицию одному польскому князю Владиславу Онельскому. Этот Владислав, чужестранец и латинянин, худо обращался с русскими православными, которые за это и сами невзлюбили его и тревожили его власть. Видя это, Владислав сам ушел, но успел не мало награбить в Галиции. Он увез с собою из Галиции и древнюю чудотворную икону Божией Матери, которая по преданию принесена была из Греции еще при святом Владимире. Эту-то икону он поставил в Ченстохове, где она и теперь есть. Итак эта святыня, чтимая польскими латинянами,— святыня православная, подобно и Виленской святыне, Остробрамской иконе Божией Матери. Однако же и по уходе Болеслава Галиция осталась под властью Польши. Папа спешил теперь насадить в ней латинство. Он учредил в ней латинские епископства с тем, чтобы они вытесняли или обращали в латинство православных, которых по обычаю обзывал папа схизматиками. Явились и размножились здесь латинские ксендзы; особенно монахи доминиканке, которым поручил папа проповедовать латинство и распространять его власть. В 1381 г. папа учредил здесь под заведыванием доминиканцев так

называемую *инквизицию,* т. е. жестокое судилище, которое должно было преследовать, судить и карать противников Римской церкви и папы. Наступило тяжкое время для православных в Галиции, время долгой, уже непрерывной борьбы за свою веру и народность. Наступило это время и для всей западной России, когда она чрез Литву притянута была под власть Польши.

2. Соединение Литвы, а чрез нее и Западной России с Польшей при вел. кн. Ягайле. Отпадение ею в латинство.

По смерти Ольгерда († 1377 г.) великим князем Литвы и Западной Руси стал старший сын его от второй жены Ягайло, в православии Яков. Не отличался он умом и мужеством, но был искателен, льстив и наклонен к предательству. Неблагодарно, предательски и жестоко поступил он с своим дядей Кейстутом, и его родичами; едва не загубил и сына его доблестного Витовта, которого спасла только жена его Смоленская княжна. Спасшийся Витовт бежал к Тевтонцам. Те рады были вмешаться в Литовскую смуту и жестоко опустошали Литву. Ягайло струсил и послал к Витовту с льстивой просьбой о мире и с обещанием разных уступок. Витовт и сам пожалел родной Литвы, ушел от Тевтонцев и помог Ягайло защититься от них. Это было в 1384 г.

Вслед затем он задумал искать руки польской королевы Ядвиги, а с ней и польской короны. Ради молодой красавицы Ядвиги и польской короны Ягайло обещал принять латинство, крестить по латинскому обряду и Литву, соединить ее и Западную Россию с Польшей. Притом же союзом с Польшей он надеялся укрепить свою власть в Литве и Западной Руси, где его многие не любили, в том числе и некоторые из удельных князей, его братья и родичи. Этим же союзом он надеялся обезопасить себя от усилившегося Московского государства, а также от Тевтонцев, не покидавших своих завоевательных замыслов против Литвы. Неприязнь к Тевтонцам была причиною того, что замыслу Ягайло потакали и некоторые из Литовских князей и бояр. В Польше паны и епископы, правившие государством при молодой королеве, обрадовались замыслу Ягайло. Надо сказать, что не так задолго перед этим в Польше прекратился в мужеской линии древний королевский род Пястов. После разных замешательств паны и епископы признали королевой недорослую Ядвигу, племянницу последнего короля из рода Пястов. Но ей нужно было найти мужа, который стал бы через это и королем Польским. Наиболее выгодного для Польши мужа королеве папы и ксендзы видели теперь в Ягайле. Приняв Ягайло себе за короля, они рассчитывали уберечь Польшу от набегов Литовских, какими пугал ее даже Ягайло перед тем, как свататься;

рассчитывали через соединение сил Польши и Литвы устрашить и Тевтонов, опасных для Польши. А затем еще паны польские рассчитывали, что через соединение с Польшей Литвы и Западной России им откроется дорога к власти и владениям в литовско-русских землях, которые были гораздо обширнее, богаче и плодороднее невеликих и большей частью песчаных земель тогдашней Польши. А латино-польские епископы и ксендзы прельщались надеждою крестить в своей вере Литву, потом подчинить римской церкви и Западную Россию. Сама же королева невеста совсем не радовалась найденному жениху. Был у неё другой давний жених Вильгельм, князек австрийский, с которым она, по тогдашнему обычаю, была обручена еще в детские годы. А Ягайло, по тому, что слышала о нем, пугал ее, как грубый дикарь. Услужливые придворные Ядвиги помогли ей дать знать Вильгельму, чтобы он тайно приехал в столицу Польши— Краков. Тот прилетел. Но краковский каштелян (комендант) не пустил его в замок или дворец королевы, и Вильгельм со свитою остановился в гостинице. Те же придворные устроили тайное свидание Ядвиги с Вильгельмом в одном римско-католическом монастыре, где они со свитой забавлялись танцами и музыкой. А затем еще дали Вильгельму способ тайно пробраться и в замок и в покои королевы, принявшей его, как настоящего мужа. Проведали о том краковские вельможи и, несмотря ни на что, выгнали

Вильгельма из замка и заперли ворота. Ядвига пыталась опять идти на свидание с мужем, нашла ворота запертыми, хватила топор и кинулась сбивать замки в воротах. Но куда же ей было разбить замки: так бедная она и осталась.

Теперь польские папы и ксендзы еще сильнее стали приставать к Ядвиге, говоря, что согласием на брак с Ягайло она избавит Польшу от многих бед, увеличит её силу, а главное—она совершит богоугодное дело, ибо Ягайло, ради неё крестится в римско-католическую веру, а затем крестится и вся Литва. Набожная королева сдалась на эти слова. А князька австрийского пугнули тем, что Ягайло со многими людьми уже приближается к Кракову, и тот князек бежал домой. Итак в феврале 1386 г. Ягайло с большою свитою из Литовских князей, бояр и всяких людей въехал в Краков. Изменив православию, дал он себя окрестить по латинскому обряду и назван Владиславом. Через три дня повенчали его с Ядвигой, а в Марте увенчали и польской короной. Тут пошло шумное веселье в Кракове: пиры, пляски, рыцарские турниры (конские бега и бои), певцы и скоморохи поочередно сменяли друг друга. Веселились в Кракове, но не веселились и не радовались на Руси. Но об этом после. В начале 1387 г. Ягайло с большою свитою из польских панов и высших духовных лиц прибыл в Вильну, куда собрались и многие

литовские князья и бояре. Положено было крестить в римско-католичество литовских язычников в Вильне и потом во всей Литве.

3. Латинство или римское католичество в Литве и Жмуди.

Римско-католичество было не безызвестно в Вильне еще при Гедимине и Ольгерде, хотя еще очень слабо. При Ольгерде хотел поднять силу его боярин его Гаштольд. Бывши прежде воеводой на Подолии, он женился на дочери соседнего польского пана и при этом крестился по латинскому обряду. Теперь он вызвал в Вильну из Польши латинских монахов (францисканского ордена), устроив для них монастырь на своем дворе. Виленские литовцы-язычники терпели православие и православные храмы в Вильне. Если три Литовца (Иоанн, Антоний и Евстафий) пострадали за веру православную, то пострадали по злобе языческих жрецов, а народ даже жалел страдальцев и сочувствовал им. Не так было дело с латинским монастырем и его монахами. Литовцы видели в них носителей той веры, во имя которой Тевтоны так часто проходили по Литве с мечем и огнем. И так не жрецы только, а целые толпы народа злобились на латинских монахов. Воспользовавшись временем,

когда Ольгерда и Гаштольда не было в Вильне, они напали на латинский монастырь; семь монахов были убиты; другие семь бежали из монастыря и пойманы на берегу реки Вилии. Язычники пригвоздили их к крестам и пустили вниз по реке, злостно приговаривая: „вы пришли с запада, ступайте же назад". Возвратившийся Ольгерд казнил за это смертью до 500 участников злодейства. Грозная кара эта осталась в памяти виленских язычников и они присмирели. Тем смирнее держали они себя и теперь, когда увидели в Вильне великого князя и короля Ягайло, который уже сам стал римским католиком, а с ним большая свита и сила князей и бояр литовских, а также знатных польских панов и духовных. Смирно глядели они, когда затем по приказу Ягайло в нижнем замке Вильны погашен был священный огонь в капище Знича или Перкуна, повырублены священные дубы, перебиты священные гады. Следовало теперь наставить язычников в христианской вере. Латинские польские ксендзы не умели говорить с литовцами на языке понятном для народа. Но им помогал сам Ягайло — надо в том правду ему отдать. А ему самому помог в этом русский язык, ибо русский язык был для него уже природным от детства, от матери; на нем от неё он ознакомился первее всего с начатками христианского учения. Русский язык уже был довольно знаком и литовцам, а польского они не знали, не знал еще его и сам Ягайло. Но убеждая литовцев

словами, Ягайло действовал и подарками. Из Кракова Ягайло привез большой запас белых суконных свиток для раздачи тем, кто примет крещение в латинскую веру. Литовцы, носившие дотоле самую грубую одежду, охотились на новые свитки и толпами шли слушать проповедь „лядской“ (польской) веры. И так стали изо дня в день собирать язычников к реке Вилии, тут делили их на группы или кучки, особо мужчин, особо женщин; ксендзы кропили их водою и так крестили, давая имена по одному на каждую кучку, так что в одной кучке все назывались Иванами, в другой Петрами и т. под. Так крещена вся языческая половина Вильны. В ближайшее затем время последовало крещение Литвы по всей области. Всех крещенных насчитывали до 30,000. В Вильне Ягайло построил собор св. Станислава и другие церкви. Поставлен для Вильны и латино-польский епископ и при нем ксендзы. Не так скоро и легко совершено крещение Жмуди. Дело в том, что за эту Жмудь еще шли споры и битвы между рыцарями Тевтонского ордена с одной стороны, Ягайло и Витовтом с другой. Рыцари добивались сами крестить Жмудь, чтобы чрез это закрепить ее под свою власть. Но горько и тяжко было несчастной Жмуди от таких крестителей. Вот как жаловались на это Жмудины в своих посланиях к князьям и властителям всей Европы: „выслушайте нас угнетенных и измученных! выслушайте нас, князья духовные и светские! Орден не ищет душ

наших для Бога, он ищет земель наших для себя. Он довел нас до того, что мы должны ходить по миру, или разбойничать, чтоб было чем жить. Рыцари хуже татар. Все плоды земли нашей и пчелиные ульи рыцари у нас побрали, не дают нам ни зверя убить, ни рыбы ловить, ни торговать с соседями. Что год уводят детей наших в заложники; старшин наших засадили в тюрьмы в Пруссию, а других тут же со всем домом сожгли; сестер и дочерей наших силою увезли, а еще крест святой носят! Сжальтесь над нами! Вспомните, что мы такие же люди, как и все, сотворены по образу и по подобию Божию, а не звери какие! От всей души хотим быть христианами, но хотим креститься водою, а не кровью"! В другой раз они говорили самим рыцарям, когда те пришли собирать с них дань: „куда вы идете грабить нас? У нас и без того много прелатов, ксендзов и тому подобных людей, которые отбирают у нас шерсть, мед и молоко, а в учении христианском не наставляют". Прошли годы в борьбе Жмуди с орденом. Наконец Ягайло и Витовт решились собрать все, какие были у них, силы против ордена. В 1410 г. они с громадным ополчением из полков литовских, русских и польских вступили в самые владения ордена в Пруссию. Большие силы из разных стран Европы собрали и рыцари ордена. 10-го июля при селе Грюнвальд последовала великая битва, подобная битве Куликовской. Рыцари уже стали одолевать; но устояли против них русские,

особенно Смоленские, полки и дали оправиться литовским и польским. Рыцари понесли страшное поражение. После этого сильно упал их орден. А Жмудь осталась под властью родных ей князей Ягайло и Витовта. Теперь они с латино-польским духовенством принялись крестить ее. В течении нескольких лет они успели в этом, построили для новых христиан костелы и учредили и епископство в г. Медниках. Но увы! и это латино-польское крещение Жмуди не обошлось без примеси насилий, похожих на насилия Тевтонцев и вообще привычных ревнителям и слугам римской церкви. Самоуправство новых ксендзов еще более раздражало Жмудь. Вспыхнуло восстание по всей Жмуди. Народ набросился на костелы, многие из них разорил и разграбил, перебил многих ксендзов, и сам епископ только бегством спасся от обезумевшего народа. Тяжко поплатился он за это. Витовт с большим войском поспешил в Жмудь и произвел ужасное кровопролитие. Одних старшин казнено более 60 и простого народа до 5,000. Виновных топили, вешали, расстреливали, рубили, секли. Жмудь усмирена; ксендзы вновь появились, а за ними и епископ. Так кровопролитием ознаменовалось начальное появление латинства в Литовской Вильне при Ольгерде и Гаштольде; кровопролитием и завершилось торжество его в Жмуди! Не так водворялось православие в Литве. Мирно и тихо была проповедь его, как проповедь истинно-христианская. Ничья кровь

не пролита из-за этой проповеди, кроме крови святых трех мучеников Виленских, пострадавших от языческих жрецов.

Крещённые в латинство или в римско-католичество Литва и Жмудь включались через это, подобно Польше, в состав Римской церкви и под власть римского папы. Папа весьма радовался этому. Он хвалил подвиги Ягайло и Витовта, как подвиги апостольские, величал их самих своими апостольскими викариями. То, разумеется, хорошо, что язычники Литовцы и Жмудины крещены в христианство, хотя бы и латино-римское, ибо и это христианство—есть христианство, хотя и не такое чистое, как христианство православное. Но то худо, что Литва, начавшая мирно и тихо принимать православие, теперь раздвоилась между православием и латинством. Еще хуже было то, что Ягайло, по наущению латинского духовенства польского и литовского и римских пап задумывал, даже обязывался привлекать к латинству или хотя бы к Унии под власть римских пап и тех литовцев, которые уже были православными христианами, и не только их, но и русских в подвластной ему западной России. Того же домогались и последующие литовские великие князья и короли польские, побуждаемые римскими папами и латино-польскими папами и прелатами. Так выросла у них несчастная мысль олатинить и ополячить всю Литву и Западную Россию, слить их в одно

государство с Польшей—государство латино-польское. Понятно, что эта несчастная мысль не могла сбыться. Западная Россия, составляя более девяти десятых частей в составе литовско-русского государства, необходимо вызывалась на борьбу за свою народность и веру православную. Целые века длилась эта борьба. В течение их Западная Россия испытывала многие бедствия и утраты, временами изнемогала, но вновь крепилась и собиралась с силами, а затем находила мощную защиту в единоверной и единоплеменной Восточной России. А Польша, не смотря на временные успехи и частичные приобретения, сама подрывала свои силы, увлекаемая в самоволие и беспорядок, более и более изнемогала и наконец поникла пред соединенною силой Восточной и Западной России, силою Всероссийской.

4. Меры Ягайло (1387—1434) к подчинению православных римской церкви и твердость их в своей вере.

В 1377 году учредив в Вильне римско-католическое епископство, Ягайло в Латинской грамоте первому виленскому римско-католическому епископу повторил обязательства, данные им прежде в Кракове. В этой грамоте он

говорил, что „дал обет и клятву призвать, привлечь, даже принудить к повиновению Римской церкви всех литовцев обоего пола и всякого звания, *к какой бы вере они не принадлежали.* С этой целью он запрещает литовцам, крещенным в римско-католичество, *вступит в брачные союзы с русскими* иначе, как только под условием, чтобы сами русские перед этим обратились к римской церкви. Если же русские, уже вступив в брак с литовцами, не отказываются от своей веры, то Ягайло будет непременно склонять их к подчинению римской церкви, принуждать их к тому даже *телесными наказаниями.* И были примеры, что эта угроза исполнялась, особенно над православными литовцами, которые через православие и родственные союзы с русскими сами делались русскими. Так, когда два православных литовца, занимавшие важные места при Ягайле, не захотели отречься от православной веры, то он предал их многим мукам и наконец казнил смертью. Такая твердость исповедников православия должна была приостановить римско-католическую ревность Ягайло. Но прошли годы, и Ягайло, наущаемый польскими панами и прелатами, принимал новые меры как к скреплению союза Литвы с Польшей, так и к привлечению православных литовцев и русских к римской церкви. Так он издавал сеймовыя постановления, по которым права шляхетских смердов и чиновной службы усвоились только тем, которые принадлежали к Римской церкви, а

православные не допускались до таких прав. Таковы особенно постановления Городельского сейма 1413 г. Более открытым насилиям со стороны Ягайло и Польши подверглась Галицкая Русь, теперь окончательно присоединенная к Польше. Здесь была упразднена древняя православная епископская кафедра в городе Галиче, и на счет её возвышена и обогащена латинская кафедра, перенесенная в Львов, главный город Галиции. В Перемышле хотя не упразднена епископская кафедра, но у неё отнят соборный храм, обращен в костел и отдан латинскому Перемышльскому епископу, причем приказано было выбросить из бывших при храме гробов тела русских. А сам латинский епископ перемышльский разными льготами заохочивал переселяться в свою епархию римско-католиков из Польши с тем, чтобы они сильнее подавляли русских, в ней обитающих. Не смотря на все такие меры, православные в Литве и Западной России оставались твердыми в своей вере. Еще тогда, когда Ягайло перекрестился в Кракове в латинство, примеру его последовали лишь немногие из удельных литовских князей. Все прочие литовские князья, братья и родичи Ягайло, остались верны православию, как-то: Андрей Полоцкий, Владимир Киевский, Димитрий (Корьтбут) Северский, Скиргайло Троцкий, Феодор Любартович Волынский и др. Из русских князей, потомков Святого Владимира, ни один не отпал от православия. Из бояр литовских, еще недавно

ставших православными, были такие, которые переходили в латинство, чтоб не лишиться льгот, дарованных Городельским сеймом только латинянам. Но другие оставались верными православию, которое твердо стояло и росло в самой столице Вильне. Об этом с великим сожалением сообщил сам латинский епископ Вильны Андрей Василло в беседе с бывшим здесь послом от Тевтонского ордена (1397 г.). Что касается до чисто русских земель Западной России, то здесь повсюду и весь народ пребывал верным православию. А местами и пришлые литовцы-язычники обращались в православное христианство. Таких литвинов успевал крестить в своей епархии Туровский епископ Антоний. Видя такую силу православия во всех литовско-русских землях своего государства, Ягайло волею-неволею должен был сдерживаться сам, сдерживать и других ревнителей от насилий православной церкви, так что она продолжала существовать во всех этих землях, имела своих епископов, священников, свои храмы, монастыри, видела и умножение их усердием православных князей, бояр и народа.

5. Витовт, защитник независимости Литовско-Русского государства от Польши, но сторонник римской церкви.

Соединение Литвы и Западной России с Польшей, причинив стеснения православной церкви, послужило поводом и к разным другим замешательствам и спорам между этими странами, переходившим и в открытую борьбу. Оказывалось, что самое это соединение понимается ими неодинаково. Польша домогалась чрез это соединение привести литовско-русские земли в *полное подданство* польской короне, при котором бы польские паны и прелаты могли владеть и править в них, и польская народность господствовала бы над литовско-русской. Напротив, в Литве и Западной России считали это соединение только *союзом,* при котором-бы польское и литовско-русское государство жили в мире, взаимно помогали против внешних врагов, но оставались каждое при своих владениях и землях и при своих природных властях и вообще при своей народности, как особой и независимой от Польши. Между православными литовско-русскими князьями были и такие, которым не по душе был и самый союз с Польшей, достигнутый Ягайло ценою измены православию. Еще тогда, когда в Кракове шли веселые пиры по случаю венчания Ягайло польской короной, поднялось восстание в области Полоцкой под предводительством Андрея князя Полоцкого (брата

Ягайло) и Святослава Смоленского. Восстание было подавлено теми литовскими князьями, которые были теперь еще союзниками Ягайло. Но затем явились противники Ягайло и Польши и среди самых этих союзников. Сильнейший из них был Витовт, княживший теперь в Гродне. Ягайло должен был уступить ему; Витовт стал великим князем Литовским и в 1392 г. венчался на великое княжение в Вильне, хотя и признавал верховенство Ягайло, как польского короля. Затем Витовт стал забирать под свою власть другие литовско-русские земли, в том числе и Киев с его областью (1396 г.). К тому же он уже давно был *в* родстве с сильным Московским великим князем Василием Дмитриевичем, женатым на дочери его Софии. В Польше стали побаиваться, что он совсем оторвет от неё свое государство. Поэтому вздумали они напомнить ему о верховных правах польской короны. По наущению польских панов, королева Ядвига от имени мужа прислала в 1398 г. письмо к Витовту с требованием дани с литовско-русских земель. Витовт созвал в Вильну литовских бояр и сказал: „считают-ли они себя подданными польской короны так, чтобы давать дань королеве?" Бояре отвечали: „мы не подданные Польши ни под каким видом; мы всегда были вольны, наши предки никогда не платили дани полякам; не будем и мы платить, останемся при своих вольностях". Витовт рад был этому и отказал Польше в дани. Но будучи защитником независимости литовско-

русского государства, Витовт оставался сторонником римской церкви, к которой пристал еще в Кракове, одновременно с Ягайло. Ради этого, он не порывал и союза с Польшей и Ягайло. Кроме того, союз этот казался ему полезным в его смелых замыслах. Так, он мечтал победить татар Золотой Орды, но вместе с поляками потерпел от них жестокое поражение на р. Ворскле в 1399 году. Оправившись от такой неудачи, он замышлял покорить Новгород, Псков, Рязань, начал войну даже с своим зятем Московским великим князем Василием Дмитриевичем. Но в это время некоторые из литовско-русских православных князей и бояр стали выходить из-под власти Витовта и уходить под покровительство и на службу к Московскому великому князю. Витовт испугался и помирился с зятем. Гораздо удачнее для него, как для Ягайло и Польши, была совместная война их с тевтонцами, увенчавшаяся славною Грюнвальдской победой 1410 г. На радостях от этой победы поляки и литовцы стали опять брататься, и это братанье повело к возобновлению союза Литвы с Польшей на Городельском сейме 1413 г. Но братаясь на этом сейме, Ягайло и Витовт, поляки и литовцы латинской веры, забыли принять в братство с собою православных литовцев и русских, хотя они были сильными пособниками их в той борьбе с тевтонцами, не дали православным тех прав, какие даны были на этом сейме литовцам латинянам. Допустив такое унижение православных,

составлявших девять десятых населения в его государстве, Витовт допустил великую неправду ради угодничества римско-католической церкви. Из этого же угодничества ей и её главе римскому папе он допустил основать в своем государстве два новые латинские епископства, одно в Луцке, другое в самом Киеве, хотя для Киева только считался латинский епископ, а глаз сюда он не показывал за дальностью страны и за неимением латинян в Киеве. Угодничество Витовта римской церкви, конечно, не привязывало православных Западной России ни к Витовту, ни к латинской Литве. Они видели единоплеменных и единоверных братьев в северо-восточной Руси. Зная это, Витовт задумал ослабить ту церковную связь Западной России с Восточною, видимым знаком которой была единая власть первосвятителя—митрополита, жившего в Москве. Он предложил епископам Западной Руси избрать особого митрополита Литовско-Русского. Позволительно было и по церковным правилам иметь в особом государстве особого митрополита. Потому епископы избрали и посвятили особого для Западной России митрополита на соборе в Новгородке Литовском в 1416 г.

6. Охранение православия Западно-Русскими епископами при Витовте.

Но, сделав это, они объявили, что остаются верными православию, не разрывают союза со всею Восточною Православною Церковью. А сам новый митрополит Григорий Цамблак был ревнитель православия и самому Витовту говорил: „зачем ты, князь, держишься веры латинской, а не православной"? Витовт отвечал: „если ты желаешь видеть не только меня одного, но и всех людей моей земли в православной вере, то пойди в Рим и состязайся с папою и его мудрецами. Когда победишь, все примем православный закон и обычаи, а если нет, то я всех моих подданных православной веры обращу в латинство". Мудрый митрополит не испугался этой угрозы. Спустя некоторое время он, по желанию князя, отправился с несколькими епископами на запад, но не в Рим, а в Констанц (город в Швейцарии). В Риме, и во всей Западной римско-католической церкви были тогда большие беспорядки. Было тогда разом три папы, жившие в разных местах, споривше между собою за власть к соблазну всех. В Констанце составился собор, чтобы устранить эти и другие беспорядки. Собор тянулся долго (1414 —1418 г.), показал большую жестокость над двумя священниками из чехов, которых сжег живьем за то, что они обличали римскую церковь за её злоупотребления. Но собор низложил и всех трех пап и

избрал нового папу, которому однако же нескоро уступили свою власть все низложенные папы. На соборе поднимались речи и об унии, т. е. соединении Православной Восточной Церкви с Римскою, причем Восточная церковь должна была бы признать над собою власть папы. А бывшие на соборе польские послы уверяли, что к этой унии пристанут и едущие из Литвы, т. е. Западной России, православные литовцы и русские с своим митрополитом. Они и приехали уже к самому концу собора. Они не отказывались от бесед о вере, но прямо сказали, что унии, т. е. признания над собою власти пап Римской церкви, они не желают. На соборе посмеялись над поляками, похвалившимися, что приведут русских в унию. А русское посольство благополучно возвратилось домой.

7. Преграды Витовту со стороны поляков к приобретению короны, как знака независимости ею литовско-русского государства от Польши.

Вскоре образумился и сам Витовт. Когда скончался митрополит Григорий Цамблак, то Витовт, по совету своего зятя, Московского великого князя, признал в своем литовско-русском государстве власть единого православного митрополита Фотия, жившего теперь в Москве. И

этот Фотий не один раз посещал города и области Западной России и повсюду принимаем был с честью, как единый православный митрополит. Впрочем от латинства сам Витовт не отстал и теперь. Почему? Он желал получить королевскую корону, чтобы, сделавшись королем, чрез это утвердить полную независимость своего государства от Польши. А корону он надеялся получить или от папы, или от немецкого императора латинской веры. Папа не согласился дать корону Витовту; за то обещал дать ее император. В надежде на это Витовт в 1429 году созвал в город Луцк (на Волыни) много гостей из западных государей и разных князей. Был тут и Московский великий князь и митрополит Фотий. Был и Ягайло с польскими панами и епископами. Ягайло готов был согласиться на коронование Витовта. Но польские паны и епископы еще прежде упросили папу пригрозить Ягайле, чтоб не допустил он этого коронования. А теперь в Луцке они стали еще сильнее налегать на Ягайло, говоря: „как! ты готов согласиться на коронование Витовта? ты хочешь, чтобы Литва стала независимой от Польши; хочешь лишить нас таких обширных и богатых земель, как земли литовско-русские“? Но Ягайло все еще колебался. Тогда поляки ночью тайком уехали из Луцка. Ягайло, боясь, что они наделают ему беды, уехал и сам. Так коронование не состоялось, и гости Витовта стали разъезжаться. Витовт упрашивал оставшихся гостей ехать за ним

в Вильну, надеясь там короноваться. Шли уже туда и послы императора, везшие корону. Но поляки переняли им дорогу и не пустили в Вильну. Огорченный Витовт, тогда уже свыше 80-летний старик, скончался 1430 г. На всем деле Витовта ясно сказалось то, что латинство, принятое им, навязанное и Литве, не принесло им ни полной милости папы, ни искренней дружбы Польши. Польша все-таки думала не о дружбе, а о власти над Литвой, а чрез нее и над Русью; и папа угождал гораздо более Польше, чем Литве.

5. Борьба Литвы и Западной Руси за свою государственную независимость после Витовта—до Владимира.

После Витовта борьба между литовско-русской и польской сторонами оживилась с большим ожесточением. Она продолжалась до смерти Ягайло (1444 г.) и после него. Особенно сильна была борьба за Волынь и Подолию, которые хотели захватить поляки, а литовцы и русские защищали от них. В этой борьбе особенно прославился князь Феодор Острожский, сын того князя Даниила, который в свое время защищал Волынь и Галицию от польского короля Казимира III. Этот князь славился также благочестием, так что наконец стал иноком, подвизался в Киево-Печерской Лавре; здесь он и

скончался, и потом был причислен к лику святых. Одновременно с борьбой из-за Волыни и Подолии шла борьба за независимость от Польши всего литовско-русского государства. Когда в Польше избран был королем старший сын Ягайло Владислав, литовцы и русские пожелали иметь у себя великим князем младшего брата его Казимира (1440 г.). Когда потом Владислава не стало (он убит на войне с турками под городом Варною в 1443 г.), то поляки, боясь, что литовцы и русские отпадут от Польши, стали звать к себе Казимира в Краков. Долго отговаривали его от польской короны литовцы и русские, долго и сам он не соглашался принять эту корону. Но наконец полякам удалось запугать молодого Казимира; он поехал в Краков и стал королем польским, оставаясь и великим князем литовско-русским. Таким образом опять соединилась Литва и Западная Русь с Польшей. Но при этом Казимир дал обязательство, что не допустит умаления земель литовско-русского государства, не допустит захвата поляками Волыни и Подолии (1447 г.). Но это обязательство не остановило польских замыслов на захват Волынских, Подолии и других русских земель. Поэтому борьба Литвы и Западной Руси с Польшей продолжалась.

Флорентийская уния. С первых годов княжения Казимира IV православным в пределах литовско-русского государства причинена новая

смута через так называемую Флорентийскую Унию. Мысль об унии была старою мыслью римских пап. Через эту унию они домогались подчинить своей власти греко-восточную православную церковь, а с ней и другие народные церкви, которые приняли православное христианство от Греко-Востока, в числе их и русскую церковь. Мысль об унии поднималась в греческом Царьграде и в папском Риме не один раз, и каждый раз именно тогда, когда греческому царству и Царьграду грозили завоеванием турки мусульмане. Цари греческие, а с ними и некоторые греки, надеялись, что Западные христиане, по христианскому братству, окажут им защиту от неверных. Папы обещали склонять к тому Западных христиан, но с тем условием, если греческие цари и патриархи, а также и все православные греки примут унию, т. е. признают над собой власть папы, а с ней и разные римские нововведения в вере и церкви. Были такие цари и патриархи, что соглашались на это; но это причиняло только новые смуты и распри в Царьграде и греческом царстве. Попытка унии падала сама собой тем более, что папы и западные христиане не хотели и не могли оказывать помощь грекам против турок. В первых десятилетиях XV века греческое царство было уже до крайности стеснено турками. Они завоевали почти все области его и готовились завладеть и самым Царьградом. Царь греческий (Иоанн Палеолог) в отчаянии соглашался на унию с римской церковью, за

что папа (Евгений IV) обещал ему помощь против турок деньгами и войском. Обещал это папа тем живее, что и сам нуждался в унии с православным Греко-Востоком.

Тогда на Западе были уже многие учителя и владыки, которые обличали разные соблазны и злоупотребления в папстве, требовали исправить их, ограничить во многом и самую папскую власть и её приспешников. Чтобы дать отпор таким обличителям, папа с приспешниками хотел опереться на унию с православным Востоком и показать, что этот Восток, древнейший учитель в вере для всего света, теперь за одно с Римом, признает папскую власть и новые учения папские. И вот по таким мирским расчётам двигателей унии в Царьграде и Риме, составился в 1439 г. собор в итальянском городе Флоренции, где были греческий царь и папа, многие греки и латиняне, и была провозглашена уния. Но эту унию тут же на соборе и после него отвергли лучшие из греческих святителей, во главе с Марком Ефесским; отвергли ее православные греки и в Царьграде. Они предпочли покориться своей участи, воле Божией, подпасть даже власти турок, но не изменять святому православию. Папа же, похваляясь унией на весь свет, не защитил греков и Царьграда от турок. В 1453 г. пало греческое царство, Царьград взят турками; но православие сохранилось в нем твердо и неизменно. Флорентийскую унию хотели навязать и

русской церкви. Еще до Флорентийского собора в Царьграде поставили и отправили в Москву на русскую митрополию грека Исидора, сторонника затевавшейся унии. Прибыв в Москву, он тотчас стал собираться в далекий путь на собор. Великий князь Василий Васильевич с трудом согласился отпустить его, но предостерегал, говоря: привези нам древнее благочестие, т. е. возвращайся верным древнему православию. Но Исидор на соборе во Флоренции совсем предался на унию. За то бывшие с ним русские духовные и миряне отверглись от него и стали на стороне ревнителей православия. Не смотря на все, самонадеянный Исидор направился обратно в Россию. Проезжая через Польшу и Западную Россию, он провозглашал унию, и были такие, что терпели и слушали его. Прибыв затем в Москву, он отважился в Соборном храме провозглашать об унии и папе. Но великий князь тут же обличил его, а русские епископы собором осудили его и его дело, как „дело папино". Свели его с митрополии в монастырь, откуда он бежал. Его и не догоняли. Прибежав в Западную Россию, он заметил, что и здесь, по голосу из Москвы, перестают верить ему, и потому бежал далее в самый Рим к папе (1441 г.).

Не удалась уния ни в Восточной, ни в Западной России. Обе они пребыли верными православию. По единству веры через несколько лет

восстановлено было и единство высшей церковной власти для обеих половин России. Когда в Москве поставлен был в митрополиты (1448 г.) святитель Иона, то скоро затем власть его признана в Литовско-Русском государстве. Согласился на это и тогдашний польский король и великий князь Литовско-русский Казимир, склоняясь на ходатайство Московского великого князя и православных литовцев и русских Западной России и её православных епископов. Но, спустя десять лет, в Риме опять принялись за унию. Там поставлен был униат Григорий Булгар в митрополиты для Литвы и Западной России. В 1458 г. папа прислал его к Казимиру с грамотой, в которой требовал, чтобы этот Григорий был отдельным митрополитом для девяти епархий в литовско-русском государстве со включением и Киева. Папа требовал также, чтобы изгнана была из этих епархий власть жившего в Москве православного митрополита Киевского и всея России святителя Ионы. „Если этот Иона схизматик явится в Западную Русь, то поймать его, сковать и заключить в тюрьму!" Так грозно, но не разумно и нечестиво писал папа о святителе Ионе, муже великой святости! Казимир, принадлежа сам к римской церкви, притом же находясь под давлением польских и литовских панов и епископов римской веры, уступил папе и принял Григория на митрополию в свое государство. Засевши же в митрополии и называясь митрополитом Киевским и всея Руси,

Григорий властно требовал повиновения себе от православных епископов и мирян Западной России, прибегая и к насилиям против неповинующихся. Горько сетовали на это православные, жалобно писали о том и в Москву к святителю Ионе, который утешал и ободрял, обещая гонимым убежище в Московском государстве. Не малое время православные Западной России должны были терпеть власть митрополита-униата, в надежде, что он и сам опамятуется. И действительно, под конец жизни Григорий, видя нелюбовь к нему православных, стал опамятоваться, просил для себя благословение от православного Константинопольского патриарха, отрекаясь от унии. Патриарх дал ему благословение, и Григорий скончался в общении с православною церковью в Новогродке Литовском, где и погребен (1473 г.). Так уния опять не удалась и в самой Западной России. Но она прошла не бесследно для всей церкви русской в обеих половинах России.

10. Разделение Русской митрополии на две: Московскую и Киевскую.

Ближайшим последствием её было то, что отделенная при Григории Киевская митрополия с своими девятью епархиями в Западной России уже не возвращалась под общую власть

митрополита, жившего в Москве. И в самой Москве предпочли держаться своей одной Московской митрополии, чтобы не допустить происков унии и латинства, возможных в Западной России и могших вторгаться оттуда в Московскую Русь. Так, по смерти святителя Ионы, в Москве стали избирать отдельных митрополитов, которых стали называть *Московскими и всея Руси,* а в Западной России по смерти Григория стали избирать тоже своих отдельных митрополитов, называвшихся Киевскими *и всея Руси.* Так последовало окончательно разделение единой русской митрополии на две, и продолжалось около двух столетий.

ГЛАВА III.

Начальное время отдельной Киевской митрополии в Западной России или время правления Польско-Литовских государей Казимира Ягайловича и Александра Казимировича (до начала XVII века).

1. Потребность усиленных попечений со стороны православных Западной Руси о своей церкви.

По окончательном образовании отдельной Киевской митрополии православным Западной России надлежало усиленнее прежнего заботиться об ограждении своей веры и народности, прав и благоустройства своей церкви и своей земли. Теперь Западная Россия отделена была от восточной не по государственному только управлению, но и по церковному. Затруднительнее стали для неё церковные связи с Восточною Россией, которая своей твердою верностью православию служила примером и помощью в

охранении его и для Руси Западной. Православная Церковь в Западной России теперь более прежнего подпадала зависимости от господствовавшей в ней римско-католической государственной власти. Не могла она ожидать от этой власти такого покровительства, как церковь Восточной России от единоверной власти Московских государей. Благо, если иноверная власть в Западной России оказывала терпимость к здешней православной русской церкви. Покровительство же она гораздо охотнее являла своей римско-католической церкви, готова была и помогать усилению её на счет православной церкви. Опираясь на это, польско-литовские римско-католики, особенно их бискупы и ксендзы, поощряемые римскими папами, смелее прежнего могли причинять разные стеснения православной церкви, с тою же целью усилить на счет её свою римско-католическую церковь и даже подчинить ей нашу православную церковь. Все это видели лучшие люди из православных Западной России и прилагали особенные попечения о своей православной церкви. Напомним здесь некоторые более общие дела такой попечительности их о своей церкви.

2. Охранение союза её с православным Востоком и в частности с Константинопольским патриархом.

Так они старались охранить союз своей церкви с православным Востоком и удерживали обычай испрашивать для своих митрополитов благословение константинопольского патриарха. Памятна в этом деле особенно одна грамота к константинопольскому патриарху, писанная около 1488 г. от имени западнорусских князей, бояр и духовных лиц с просьбою о благословении для избранного ими на митрополию Полоцкого епископа Ионы Глезны. „Живем мы, писали они, под властью государя великого князя Литовского Казимира, но в православной вере пребываем твердо, даже до смерти, хотя нас и стесняют в вере. Теперь, по кончине бывшего митрополита нашего Симеона, мы умолили государя Казимира, чтобы позволили нам составить собор или съезд для избрания ему преемника. Когда то было дозволено, то мы, после долгого взыскания, избрали на митрополию достойного, просвещённого и благочестивого Иону, епископа Полоцкого. Итак, святейший отец, дай ему свое благословение, сделай это для защиты нас от притеснений; а избранный нами владыка Иона есть и будет у нас твердым возбранником против неприязненных нам и стесняющих нас“.

Союз с православным Востоком и благословение константинопольского патриарха, даваемое киевским или Западно-Русским митрополитам, были большою помощью православным Западной России. Когда польско-литовские латиняне-паписты, или самые папы римские чрез своих дельцов пытались навязать им унию или латинство и подчинить папе, то православные могли говорить и говорили: „мы находимся под благословением константинопольского патриарха, союзны по вере с ним и другими патриархами православного Востока. Без их согласия не можем принять унии и латинства, да и не нуждаемся во власти римского папы, имея духовную власть единоверного патриарха". Вообще союз с православным Востоком поддерживал в Западной Руси добрые и спасительные предания далекой старины: это предания о православии, как святом наследии, доставшемся Западной, как и Восточной России от времени святого Владимира, принявшего веру не с Запада, а с Востока.

3. Заботливость об ограждении прав веры и церкви и её иерархии.

Заботились православные Западной России об ограждении прав своей церкви. Таково было право её избирать и поставлять своих

митрополитов и епископов. чтобы не прекращались в ней священноначалие и святительское служение. Не подобало православным оставлять это дело на волю иноверной власти, которая не имела охоты заботиться о нем, или же могла отдавать святительские кафедры каким-либо искателям и угодникам (кои бывают всегда и везде). Поэтому начальные люди из православных, духовные и миряне, сами старались усматривать мужей надежных и достойных на святительское служение. Избрав их, они ходатайствовали пред государственной властью об утвердительных грачатах для своих избранников: а потом совершалось и поставление по церковному чину. Таким образом в Западной России непрерывно продолжается ряд митрополитов и епископов во всех епархиях. Это были, кроме митрополичьей, епархии: Полоцкая, Владимиро-Волынская, и Брестская, Луцкая и Острожская, Пинская и Туровская, Перемышльская и Самборская, Холмская и Белзская, а на Востоке Смоленская и Черниговская, ибо и эти области в ту пору принадлежали к составу литовско-русских государств Западной России. Имея непрерывное епископство, Западная Русь повсюду в монастырях, соборах и приходских церквах имела своих духовных лиц для священнослужения.

Требовалось, далее, охранять права церкви по её духовному суду и управлению на основании соборных правил и древних русских

церковных уставов. Понятно, что об охранении этих прав старались прежде всего сами архипастыри и старшие из духовенства, ходатайствуя о том пред государственною властью. Но им помогали в этом лучшие и более усердные из знатных людей; ибо знали они, что это требуется для благоустройства церкви и для лучшего надзора за благоповедением верующих; знали они, что помощь пастырям нужна для защиты церкви не только от притеснений со стороны иноверцев, но и от злоупотреблений со стороны своих самовольников, какие могли быть и бывали.

4. Ктиторство, или патронатство, и благотворения церкви.

Попечительность православных Западной Руси о своей церкви сказывалась еще на обычае и праве *ктиторства,* или *патронатства.* Ктитор означает строитель и владетель, а патрон— покровитель, попечитель. Ктиторами назывались те, которые по благочестию и усердию к церкви строили на своих землях, в своих имениях храмы и монастыри, обновляли и украшали их, обеспечивали содержание их и служащих в них домами, землями, угодьями и разными другими вкладами и пожертвованиями. Они заботились также о том, чтобы в монастырях имелись всегда настоятели, в церквах

священники с причтом, и таким образом всегда могли совершаться церковные службы во славу Божию и святых, молитвы о живых, поминания умерших. Они обязывались и охранять достояние своих монастырей и церквей от обид и посягательств с чьей-либо стороны и иметь вообще всякое попечение о благосостоянии их. По всему этому они назывались также *патронами,* т. е. покровителями, попечителями. За такие добрые услуги церкви, ктиторы или патроны получали право для бывших под их попечением монастырей и церквей назначать настоятелей и священников, с согласия епископов, или представлять епископам к назначению лиц, найденных ими достойными на настоятельство и священство. В некоторых случаях ктиторы, или патроны, могли входить и в судебные дела по бывшим на их попечении монастырям и церквам, если дела касались, например, церковного имущества или проступков со стороны служащих при них, но не вмешиваясь в собственно духовные дела, подлежавшие церковному суду. Обычай ктиторства был древним обычаем в церкви вообще и в русской церкви в частности. Но теперь в Западной Руси он получил большую силу и широту. И это опять потому, что правительство страны было не православное, и русские православные должны были ограждать свое право строить церкви и монастыри, покровительствовать им, защищать от обид и притеснений, вообще сами охранять благостояние

своих церквей. От правительства же они просили только утверждать за ними право ктиторства, патронатства, в чем более или менее успевали. Следует сказать, что ктиторами и патронами нередко бывали митрополиты и епископы и другие духовные лица, строившие церкви и монастыри на своих землях и на свои средства. Но чаще бывали миряне, ибо их было гораздо больше. Духовные же власти Православной церкви допускали право ктиторов и патронов для мирян ради пользы церкви, стараясь только о том, чтобы миряне не злоупотребляли своим правом, не позволяли себе излишнего вмешательства в дела церковные. В городских, а часто и сельских общинах право ктиторства и патронатства принадлежало целым общинам или приходам, с согласия церковной власти и правительства. В связи с этим правом развился потом обычай церковных братств (о чем речь будет ниже).

Кроме ктиторства и патронатства, держался среди православных Западной России древний обычай *благотворения* церквам со стороны *отдельных лиц,* людей благочестивых, богомольных. Подобно ктиторам, они давали вклады в церкви и монастыри святыми иконами, крестами, церковной утварью, святыми евангелиями и другими священными и богослужебными книгами, а также и всякими другими

пожертвованиями для молитв о здравии, на помин души и вообще по разным обетам благочестия.

5. Охранение русского языка как государственного и народного, и Русских земель, как отдельных от Польши.

С верностью православию и своей православной церкви, Западная Русь сохраняла верность своей русской народности. Знаменем её был *русский язык.* И теперь, как прежде, он был силен живою связью с священным церковно-славянским языком, который был языком церковной и домашней молитвы и всякой книжности. Силен он был своей повсюдностью в стране и общностью его всем родам населения её. Одна и та же живая речь русская была речью у поселян и горожан, крестьян, мещан, бояр, дворян и князей. На русском языке велось всякое письмо, как-то: послания церковных пастырей, письменные соглашения, фамильные записи, договоры, завещания, судебные дела и проч. Русский язык был языком Литовской „государевой рады", хотя в этой раде заседали литовские епископы и паны латинской веры.

По-русски говорили сами государи Казимир и Александр, когда бывали в Литве и Западной

Руси, по-русски писали свои приказы и грамоты лицам, свои грамоты и уставы городам и областям Литвы и Западной России. Изредка только писывались грамоты по-латыни, когда назначались для духовных лиц, монастырей и бискупств латинского исповедания. За то бывало и так, что для литовцев латинского исповедания перелагались с латинского, вновь слагались или брались у православных молитвы на славяно-русском языке, ибо литовцы (кроме не многих из них) не разумели ни латинского, ни польского. Вообще литовцы, не только православные и совсем обрусевшие, но и римско-католики были союзниками русских в охранении русского языка, как государственного, так и народного.

С охраной народности соединялось для Западной Руси дело охраны своих земель со стороны Польши. В борьбе из-за этого давнего дела теперь, как и прежде, литовцы были за одно с русскими. По-прежнему спор шел о Юго-западном крае, особенно о Подолии, Волыни и Подлесье.

Поляки не один раз пытались захватить то ту, то другую область, но литовцы и русские старались отражать их попытки сплою, сопротивлением на своих сеймах, или жалобами своим государям Казимиру и Александру, чтобы они, будучи вместе и польскими королями, унимали поляков от захватов и наездов на русские земли. Эти государи, особенно Казимир, и рады бывали

заступиться за права своего литовско-русского государства; по, к сожалению, сами должны бывали подчас гнуться пред гордыми и своевольными польскими панами и епископами. Поэтому литовцы вместе с русскими не раз готовы были расторгнуть союз с Полыней и иметь своих особых государей отдельно от Польши. Это им однако же не удавалось, и спор их с Польшей имел еще затянуться на долгое время.

6. Обиды и притеснения православным князьям и другим со стороны литовских латинян при Казимире.

Но если литовские латиняне были союзниками православных Западной России в борьбе с Польшей из-за русских земель, то они были не союзниками, а подчас и недругами их в борьбе за права и достоинство своей веры и церкви православной. В этой борьбе православным оставалось искать опоры и защиты в другом союзе—союзе с единоверною Восточною Россией. Ранее пришли к этой мысли ближайшие к ней русские князья, оскорбляемые в своем достоинстве князей православных и русских. А началом поворота их к такой мысли было киевское дело. Во время Казимира Киев был еще удельным княжением, имел своего князя, хотя и под верховною властью литовского великого князя. Это был князь

Симеон Олелькович (1455—1471 г.). Он был потомок православного князя Владимира Ольгердовича, княжившего здесь при Ольгерде и Витовте, сын Александра или Олелька, от которого и пошло название Олельковичей для этого княжеского рода. Принадлежа к тому же литовскому княжескому роду, к которому принадлежал и сам Казимир, Симеон был в родстве с московским великокняжеским домом, как сын Анастасии, дочери московского великого князя Василия Дмитриевича и тетки великого князя Иоанна III. Подобно предкам своим Симеон был твердо предан православию и вполне сроднился с православными Западной России. Он отличался также благочестием и усердием к церкви, обновил великую Лаврскую церковь, бывшую в разрушении со времени татарского погрома над Киевом. Православные Киева и всего края утешались таким князем. Он был в дружбе с московским великим князем, своим родичем. Даже среди литовцев были такие, которые думали, что Симеону подобало бы быть и великим князем литовским, что он лучше Казимира отстаивал бы Литву и Западную Русь от Польши. Эта мысль, пугавшая Казимира, была оставлена. Но осталась у него, а с ним уже и у литовских латинян, боязнь, что при княжеском роде православных Олельковичей, в некогда славном и престольном Киеве может устроиться независимое княжение, отпасть от Литвы, а потом соединиться с единоверным московским

государством. И вот задумали Казимир и литовцы латиняне унизить и ослабить Киев и его князей. При Симеоне они не отваживались на это. Но когда он скончался (в 1471 г.) и погребен в церкви Киево-Печерской Лавры, Казимир уничтожил княжеское достоинство в Киеве, обратил его в воеводский город, а на воеводство прислал литовского боярина Гаштольда. Киевляне были сильно обижены, огорчаясь особенно тем, что воевода неправославный, не хотели принять его, но принуждены были покориться силе. Но этого мало: тогда же прислан был в Киев латинский епископ. Киевские латинские епископы имелись и прежде, еще со времени Ягайло; но они не живали в Киеве, ибо не имели здесь паствы, кроме какой-либо кучки захожих поселенцев. Не было этой паствы в Киеве для латинского епископа и теперь; но он уже стал временами живать в Киеве с целью распространять латинство к ущербу православия. Причиняя такую скорбь Киеву, древней столице Руси и колыбели православия, Казимир, по совету литовско-польских латинских епископов и панов причинил новую скорбь православной церкви в столице Литвы— Вильне. В 1480 г. он запретил православным строить новые, поновлять старые церкви. Хотелось латинянам, чтоб русские церкви падали и уменьшались, а чрез это православные переходили в унию и латинство. Вызваны были потом из Польши латинские монахи бернардинцы и стали разъезжать по

Литве и Руси с латинской проповедью. А все это делалось с ведома и одобрения римского папы. Понятно, что православных брала жалость. Более других оскорблялись этим сильнейшие русские князья, а смелее из них были князья соседней с Киевом Северской земли [1])[1], потомки древних русских князей из племени святого Владимира. И стали они совещаться о том, чтобы в Киеве восстановить княжеское достоинство с православным князем во главе, каким хотели иметь Михаила Олельковича, брата Симеонова. Про то разведали в Литве, захватили в Киеве этого Михаила и другого с ним, и казнили на горе.

7. Обращение обидимых и притесняемых под защиту московского государя.

Оставалось одно — обратиться к единоверной Восточной России, под защиту московского великого князя Иоанна III. Это был великий государь, собиратель земли русской. Он собрал под свою власть все бывшие уделы или области Восточной России, основал спасительное единодержавие, сверг татарское иго, усилил во всем свое государство. Слава его прошла далеко по

[1] Северской землей назывались земля нынешней Черниговской губернии, названная так по одному из славянских племен, племени Северян, занявших её при начальном расселении славянских племен по русской земле.

всей земле русской и по чужим землям до самого Рима и Константинополя. Мог он теперь выступить на защиту оскорбляемого православия единоверной и единоплеменной Западной России, некогда единой и с Восточной Россией. И вот стали отдаваться под его власть с своими владениями князья Северской земли: Бельские, Воротынские, Одоевские, Новосильские и многие другие князья и бояре. Он принимал их, как единоверцев и единоплеменников, искавших единения с своим древним отечеством. Так он объяснял свое дело в ссылках-переговорах с Казимиром, он давал ему понять и то, что, именуясь Государем всея России, по преемству от святого Владимира, он считает русские земли Северских князей принадлежащими к своему государству, считает своей отчизной и Киев, еще остающийся под властью Казимира. Казимир пробовал воевать с Иоанном III, но терпел неудачи. Ибо Казимир никогда не мог собрать большой силы за слабостью своей власти и из-за своеволия панов. А Иоанн III, как единодержавный государь, мог каждый раз собрать такую силу, какая требовалась для борьбы с противником. Среди военных замешательств Казимир и скончался в 1492 г. Замечательно, что Западнорусский летописец, говоря о кончине его, выражается: „скончался государь Казимир добрый и справедливый". Добр был и сам этот летописец, как истый русский человек. Казимир точно хотел быть добрым и справедливым и для русских, и для

своего государства. Неоднократно склонялся он на их просьбы и давал грамоты даже в защиту православной церкви. Но слабость его государевой власти, подрываемой польско-литовскими панами и епископами, была причиной того, что он допускал обиды православных, даже тяжкие. Летопись забывает об обидах и помнит о добрых делах Казимира для Западной Руси и поминает его добром, по-христиански!

8. Александр Казимирович, его брак с Еленою Иоанновной и обязательство не стеснять свободы своей жены и других православных, нарушение обязательства.

Александр I. Сын и преемник Казимира, Александр (1492—1506 г.) видел, что ему не в мочь бороться с сильным и умным Иоанном III. И вот задумал он с своими литовскими панами искать мира и родства с Иоанном. Стал он и не один раз засылать в Москву послов и свататься за дочь Иоанна III—Елену. Послы привезли и портрет своего государя, чтоб показать отцу и дочке его каков-де собой жених. Иоанн пред тем уже согласился отдать Елену за Александра. Но при этом он поставил условие и взял с будущего зятя грамоту на то, что он не будет нудить жены к римскому закону, что он построит для неё

церковь при государевом дворе в Вильне с священником при ней, позволит ей иметь при себе русских православных боярынь. Он высказал надежду, что Александр будет любить и уважать свою жену. Когда все уладилось, Иоанн благословил дочь святой иконой, отечески заповедал ей быть твердой в своей вере, жить в любви с мужем, быть учтивою с свекровью, помнить и отца; а затем отправил ее в Вильну с большим московским посольством, с московскими боярынями и богатым приданым. В феврале 1495 г. Елена прибыла в Вильну, встречена торжественно женихом и литовско-русскими папами, повенчана с Александром. Радостно было это событие для Литовцев и еще более для русских православных в Вильне и всей стране. Надеялись они, что теперь, при православной государыне, настанет льгота им и православным в Литве и Западной России. Но не сбывались эти светлые надежды. Александр, как муж, был добр к жене. Но, как государь латинского исповедания, не хотел или не мог исполнить обязательств в деле веры своей жены. Особой церкви для неё при дворе не построили; русских православных боярынь к ней не приставили, но навязывали ей литовских боярынь римского закона. Этого мало: стали домогаться, чтоб она пристала к римской церкви, или хотя бы к унии, т. е. в послушание римскому папе. Так приказывал Александру римский папа в своих грамотах к нему; этого требовал Виленский латинский бискуп, требовали латинские

ксендзы и паны литовские и польские, ибо Александр был и королем польским. К большему соблазну нашелся потаковник всему этому делу и между русскими владыками. Это был Смоленский владыка Иосиф Болгаринович. Видно похож он был на того известного уже нам Григория Булгара, который затевал было вводить унию в Западной России, а потом раскаялся и принял благословение Константинопольского патриарха. Иосифу Болгариновичу король Александр обещал дать митрополичью кафедру, и он уже назывался нареченным митрополитом Киевским. Но требовалось благословение ему и от патриарха. Иосиф послал просить благословения у патриарха, при этом писал и про унию, говоря, что нас православных притесняют латиняне, требуя, чтобы приняли унию. Патриарх дал благословение, а про унию писал Иосифу: „ты можешь иметь отговорку и извинение, когда станешь говорить, что без согласия патриарха нельзя нам принять унии. Впрочем твердо храни отеческую веру Восточной церкви, старайся быть в мире с противниками и не чуждайся дружеского общения с ними. А своих знатных господ православной веры проси, чтоб ходатайствовали пред королем не притеснять вас в вере“. Но теперь и это не помогло Иосифу. Король Александр слушался более папы и своих латинских бискупов, ксендзов и панов. По его настоянию бедный Иосиф должен был уговаривать государыню Елену к унии. На обиде

государыне дело не остановилось. Виленский латинский епископ получил от папы *право меча,* т. е. право преследовать и наказывать всех, несогласных с римской церковью, и тяжко было от него православным. А латинские монахи бернардинцы с новой рьяностью рыскали по Литве и Руси с проповедью своего учения. На подмогу им явились в Вильне и доминиканцы.

9. Заступничество Иоанна III за дочь, война с зятем, переход под власть Иоанна Северской земли; улучшение положения Елены, и православных Западной Руси.

Все это в свое время узнавал Иоанн III от русских православных из Западной России. Не один раз он то письмами, то чрез послов напоминал зятю о его обязательствах, строго упрекал его за обиды дочери, а его жене, и за обиды православным в Литве и Западной России. Александр старался оправдаться. Между прочим он говорил: „мы имеем от предместников своих закон, чтобы русских церквей не прибавлять, потому не можем построить новой церкви при дворе для нашей жены; её милость может ходить в городскую русскую церковь, которая находится недалеко от двора. Не надо ей и боярынь ко двору из русских вашей страны: есть у нас при

дворе много и своих панов и паней. Да и нет жене нашей принуждения в вере; креститься в нашу латинскую веру не требуется от неё, требуется только, чтоб она приняла унию, вошла в послушание римской церкви и папе. Этого требует наш папа". Понятно, что такие и подобные отговорки не уважены умным и сильным московским государем. „Ты, брат и зять, отвечал он не один раз Александру, говоришь это не дело, да и неправду; ибо я верно знаю, что есть дочке моей принуждение в вере, как и другим нашим единоверцам". Добрая и умная Елена в письмах заступалась пред отцом за мужа, не изменяя своей вере. А отец, часто писывая ей, приговаривал в письме: „ты дочка, твердо держись своей веры", и обещал защищать ее. Между тем как велись эти переговоры и переписки, Иоанн уже начал войну с Александром, приостанавливался, когда тот пробовал оправдываться, возобновлял войну, когда видел бесплодность оправданий. В то же время начали переходить под власть московского государя новые княжения и боярские роды из северской земли, отчасти и Белоруссии, не терпя унижения себе и своей вере от литовских латинян. Наконец, московский государь послал большое войско в Литву, и оно нанесло тяжкое поражение польско-литовской рати в славной битве близ г. Дорогобужа (Смоленской губ.) при реке Ведроши (14 Июня 1500 г.). Александр и польско-литовские паны присмирели. Заключен был мир (1503 г.), по которому

присоединена была к московскому государству вся Северская земля и некоторые места Смоленской области. Теперь облегчилось положение Елены и православных в Западной Руси. Стыдно было и римскому папе от неудачи его дела [2]). В досаде он приказывал королю Александру еще попытаться принудить Елену к унии, а если откажется, то не иметь ее женою. Но Александр уже не слушался папы. Польские же епископы и папы выказали свою досаду тем, что во время коронации Александра на Польский престол не допустили короноваться с ним Елене, так как она не хочет покориться римской церкви. Впрочем в самом Кракове она могла бывать на православном богослужении в церкви, имевшейся в королевских палатах еще с давних времен, когда еще не было большой вражды у поляков к православным. Вообще Александр стал лучше уважать свою жену. Он одаривал ее имениями, а она из этих имений и своих домовых средств делала пожертвования на православные церкви и монастыри в Вильне, Минске и других местах. Православные благословляли ее. Митрополит Иосиф Болгаринович уже не говорил ей об унии, да притом же скоро заболел (может быть от горя и раскаяния) и умер (1501 г.). На его место поступил

[2] Потерпел он и другую неудачу от того же дела. Пришел в Вильну его легат (посол) в надежде получить обычный в те времена сбор денег с Литвы для папы. Но ему сказали, что эти деньги ушли на войну с Москвой. Легат стал выговаривать за это Виленскому бискупу, требуя, чтоб позаботился о деньгах. Но было уже поздно, и денег легат не получил.

избранный Еленой Иона, бывший духовник Елены, благочестивый и твердый в православии. При нем православные епископы, духовные и миряне ободрились и укрепились в своей вере, подняли голову, как поговаривали про то время позднейшие униаты. Александр издавал ряд грамот в пользу православных церквей и монастырей. А православные князья, бояре и другие ревнители спокойно устраивали церкви и монастыри в своих имениях с согласия государственной власти.

10. Митрополит Макарий священномученик.

Было сказано, что Иосиф Болгаринович был единственным из митрополитов, поддавшимся на унию. Все прочие митрополиты были тверды в православии, отличаясь и благочестием. Но между ними один прославился еще, как страдалец и священномученик. Это бывший пред Болгариювичем митрополит *Макарий* (1495—1497). Надо сказать, что хотя западнорусские митрополиты назывались Киевскими, но они во все описываемое время не живали и не бывали в Киеве. Жили они обыкновенно в Новогрудке Литовском (Минской губ.), где был для них дом и кафедральный собор. Это потому, что Новогрудок был первою столицею литовских князей на русской земле, и здесь имелся митрополичий

дом и кафедральный собор. Временами для торжественных служений и рукоположений епископов приезжали в столицу Вильну, где также имелся дом митрополичий и кафедральный собор Пречистой и Троицкий монастырский. Вообще митрополитам надо было жить в столице или ближе к ней, чтоб отсюда удобнее управлять всей митрополией, и ходатайствовать пред литовскими государями о нуждах православной церкви. Киев же был далеко от столицы Вильни. Притом он все еще не довольно оправился от давнего татарского разорения, подпадал и новым татарским набегам, во время которых могла быть ограбляема и митрополия. Кафедральный Софийский собор, бывший в немалом запустении еще от прежних татарских разорений, подпал новому разорению от татар в 1482 г. . Макарий был всегда усерден к церкви. Еще будучи архимандритом Виленского Троицкого монастыря и наместником Киевского митрополита в Вильне, он являл доброе попечение о церкви. Когда с 1495 года стал он митрополитом, то еще более заботился о благоустройстве своей митрополичьей кафедры в Вильне и Новогрудке. Подумал он и о Киеве. И вот в 1497 г. собрался он в далекий путь в Киев, чтобы здесь устроить дела церкви и обновить кафедральный Софийский собор. Его предостерегали от такой далекой дороги. Говорили, что местами рыщут татарские загоны, грабят и убивают проезжих и прохожих. Но он не убоялся, говоря: „я хочу

исполнить мой святой долг, как архипастырь. Да будет на мне воля Божия!" И вот на пути около города Мозыря при селе Стрыголове настигла его татарская ватага. Святитель был в сельской церкви и молился. Ему говорят, что вот налетают на нас татаре. „Спасайтесь, детки, кто как может", сказал мужественный святитель, а сам продолжал молиться. На молитве и убили его татаре. Поскорбели православные, но утешились тем, что Господь прославил подвиг священномученика. Мощи святого Макария почивают теперь в Киеве в Софийском соборе и его чтит церковь, как священномученика. Такова то была сила веры в православии!

ГЛАВА IV.

Борьба Западной России за свою веру и народность при последних Ягеллонах Сигизмунде I-м и Сигизмунде II Августе.

1. Сигизмунд I или старый.

По смерти Александра литовско-русские князья и бояре, собравшись в Вильне (в ноябре 1506 г.) провозгласили литовским великим князем брата его Сигизмунда I. Они хотели иметь его своим отдельным государем и свое отдельное от Польши литовско-русское государство. Но поляки боялись выпустить из рук богатое землями и людьми литовско-русское государство, и потому поспешили провозгласить Сигизмунда своим польским королем. Таким образом союз Литвы и Западной России с Польшей был опять скреплен, и литовско-русские паны волею-неволею должны были помириться с этим. Впрочем, Сигизмунд I или, как называли его, *Старый,* был умный государь и хорош для литовцев

и русских. Много позже один из западно-русских земских людей Мелешко, вспоминая о нем, говорит: „дорога нам память Сигизмунда Старого: он немцев не кормил, ляхов с их хитростями не жаловал, а Литву и нашу Русь любил, и при нем нам было хорошо". Похвально то, что этот Мелешко добром поминал своего государя. Но правда требует прибавить к словам его и то, что Сигизмунд не всегда и не столько мог делать добра православным Западной России, когда и сколько хотел. Он всё-таки находился под давлением своих единоверцев по римской церкви, польско-литовских епископов, ксендзов и панов, готовых причинять стеснения и несправедливости православным Западной России. К счастью и теперь между ними являлись сильные люди, умевшие защищать права своей веры и народности. Много помогло им то, что они умели оказать важные услуги своему государю и стране, приобрести общее уважение у него и общее уважение в стране. Первый случай к тому представился в начальные же годы правления Сигизмунда I.

2. Война Сигизмунда с Москвой; присоединение Смоленска к державе московского государя.

Сигизмунд сначала готов был держать мир с московским государем, сыном Иоанна III

Василием Ивановичем. По вступлении на престол он отправил польско-литовское посольство в Москву, чтобы по обычаю известить об этом московского государя. Посольство было принято хорошо. Но отпуская послов назад, московский государь не преминул напомнить о своей жившей в Литве сестре, вдовой королеве Елене: „молвите от нас брату и свату нашему Сигизмунду, чтобы и ныне сестра наша Елена, а его сноха, ведала свой православный закон во всем, а он бы ее жаловал и берег и держал в чести, как пригоже, а к римскому закону ее не нудил бы ни в чем“. И надо правду сказать, что Сигизмунд так и поступил. Елена жила при нем в мире и чести, так что могла продолжать свои благотворения русским единоверцам и православной церкви в Западной России. После кончины († 1513 г.) она с честью погребена митрополитом *Иосифом Солтаном* в Виленском Пречистенском соборе [3]). И так из-за неё не было размолвки между Сигизмундом и Василием.

Но к размолвке скоро повела затем самонадеянность польско-литовских панов. Они задумали возвратить города и земли, уступленные

[3] Над гробом её поставлена и та древняя и святая икона Богоматери, которою благословил Елену её отец Иоанн, отправляя в Литву. Православные в Вильне и Литве благоговейно почитали эту икону и утешались ею. Сохранилась она и доныне и находится в церкви Свято-Троицкого монастыря.

Литвой Москве при Иоанне III. Принялись собирать войско, Сигизмунда настроили отправить в Москву новых послов. Здесь эти послы гордо и запальчиво требовали возврата тех городов и земель; в противном случае, говорили они, -„наш всемилостивейший король уповает на Бога“, т. е. объявит войну. Московский государь спокойно, но твердо отвечал: „мы, Божией милостью, держим под собою города и волости только те, которыми нас благословил Сам Бог и покойный родитель наш, а Сигизмундовых не держим. Если брат наш Сигизмунд желает мира, то и мы желаем его, но только так, как нам будет угодно. В противном случае и мы тоже надеемся на Бога“. С этим послы отпущены домой в Литву. И так с обеих сторон стали собираться на войну. Но с литовско-польской стороны, при слабости там государственной власти и малом вообще порядке, сборы шли мешкотно. А московский князь, сильный своей властью, живо снарядил ратные ополчения, с которыми мог уже не только оборонять свои земли, но и занять пограничные русские земли, подвластные Литве. А тут случилась в Литве и внутренняя смута. Был тогда в литовском государстве знатный вельможа Михаил Глинский, потомок знатного татарского мурзы, который, уйдя от своих татар в Русь, принял православную христианскую веру и крестился в Киеве еще при великом князе Витовте. Все его потомки были уж православными христианами, обрусели, получили за свою верную службу

большие владения от литовских государей, были в почете у них. Особенно силен был Михаил Глинский при предместнике Сигизмунда Александре. Но при Сигизмунде некоторые литовские паны по зависти оклеветали и унизили его, а Сигизмунд не хотел или не мог дать ему управы с ними. Раздраженный этим, Глинский перешел на сторону московского государя, набрал воинские дружины и стал жестоко расправляться с своими врагами. Война стала вдвойне тяжкою для Литвы и Сигизмунда. Она, с перерывами, затянулась на целые годы. Московский государь не только уберег свои прежние города и земли, по отнял у Литвы древнерусский город Смоленск (1513 г.). Сигизмунду и Литве грозили еще большие опасности. Кто же выручил их? Не литовцы латинской веры, ибо их было немного. Не поляки: они любили подзадоривать Литву на войну с Москвой, но сами плохо помогали ей. Выручили Сигизмунда главным образом русские православные.

Тогдашний митрополит Иосиф Салтан увещевал их верно послужить своему литовскому государю, даже приводил к присяге многих из них, чтоб удержать их от измены, подобной измене Глинского. А славный князь Константин Иванович Острожский на Волыни, упрошенный стать во главе литовско-русского ополчения, победой близь г. Орши (Могилевской губ., 1514 г.) остановил дальнейшие успехи московских

ратей. После этого к удовольствию обеих сторон заключен был мирный договор, по которому Смоленск остался во власти московского государя. Но почему же православные Западной Руси вступились за своего государя? Они, как видится, рассуждали так: „пока Бог судил нам быть под литовским государем, мы должны служить ему верой и правдой". Притом видели они, что тогдашний государь их хочет быть добрым для православных русских, не притеснять их в вере, уважать права их. Поэтому своей верной службой они надеялись поддержать и усилить его благоволение к ним для мира и блага своей же веры и земли западнорусской. И такие мысли и надежды их были не напрасны, как сейчас увидим.

3 Митрополит Иосиф Солтан и Виленский Собор 1509 г.

В ряду лучших и достойнейших митрополитов со времени образования отдельной западнорусской или Киевской митрополии был Иосиф Солтан (1508—1522). Он происходил из знатного литовско-русского православного рода Солтанов и был в родстве с знатными западнорусскими православными фамилиями князей Чарторыжских, Тышкевичей и других. Послужив с честью государству, Иосиф по

благочестию принял монашество, ревнуя послужить и церкви Божией в родной ему Западной России. С благочестием соединялось в нем просвещение. Как достойнейший между духовными мужами, он со временем взыскан на высшее церковное служение. Был он Смоленским епископом (1502—1507 г.), когда Смоленск находился еще под властью литовского государя, а потом возведен в сан митрополита (1508 г.) по желанию православных, соизволению государя и благословению константинопольского патриарха. И во время епископства и теперь Иосиф ознаменовал себя твердой верностью и важными услугами государству и государю. Потому государь благоволил к нему. А как он был также во всеобщем уважении у своих православных, был известен и патриарху, то все это придавало силу его власти. Пользуясь ею, Иосиф в самом же начале своего первосвятительства возревновал о восстановлении в Западной России доброго церковного порядка, ослабевшего от разных нестроений. Для этого он созвал большой Собор в Вильну к празднику Рождества Христова 1509 г. На Собор прибыли все западнорусские епископы и с ними некоторые архимандриты и игумены и соборные протопопы из их епархий. На Соборе, после молитвы, митрополит обратился с сильным словом к епископам и ко всем тут бывшим. „С того дня, говорил он, как изволением Божиим, я, недостойный, занял престол митрополии Киевской и всея Руси (Западной) и принял

обязанность пасти церковь Божию и пресекать всякое преступление закона нашей православной веры и утверждать её церковные уставы,— видел я много нестроения и бесчиния в духовенстве и обществе и много о том слышал. Все это мы должны исправлять и очищать по правилам святым, о всем должны скорбеть и болеть. Ибо какой прибыток получали мы чрез умножение наших грехов?" Затем, указав на разные бедствия, постигавшие тогда страну, первосвятитель прибавляет: „все это бывает нам за то, что не ходим по правилам святых Апостолов и по заповедям святых отец наших. Посему и составили мы Собор с православными епископами, пречестными архимандритами, игуменами и богобоязненными священниками, чтобы все это исправить и все привести в лучший порядок". Много поучительного было сказано и постановлено на Соборе. Отметим главнейшее. Так было сказано, что многие ради мирской славы и властительства покупают себе епископские кафедры, т. е. места епископского служения еще при жизни епископов, без совета и согласия митрополитов, епископов и избрания князей и других достойных мирян православного закона. Многие покупают таким же образом места настоятельские в монастырях и священнические в приходах. Собор строго осудил всякие подкупы и искательства мест священного служения и постановил, чтобы впредь избирать на это служение людей достойных, после

должного испытания и по установленному на то законному порядку. Еще Собор постановил, чтобы епископы были послушны своему митрополиту, съезжались по его зову на Собор, занимались своими церковными делами, не увлекаясь в мирские, как то бывало, чтобы право правили и право судили подчиненных лиц монашеского и белого духовенства, охраняя достойных, устраняя недостойных. Еще: Собор заметил, что многие миряне злоупотребляют своими правами ктиторства, патронатства, или нерадят о его обязанностях. Так, например, они самоуправно, без благословения епископа, назначают настоятелей в церкви и монастыри, или самоуправно удаляют их; иногда по долгу оставляют церкви и монастыри без настоятелей, или же пользуются церковными имуществами для своих выгод, и тому подобное. Строго, как и следовало, осуждая это, Собор сделал определения, по которым ктиторы и патроны должны были знать и соблюдать меру своих прав и важность своих обязанностей. Чтобы все эти и другие свои правила и определения оградить от нарушений и нарушителей, отцы Собора в конце всего постановили: „если господарь (то есть великий князь литовский) или какие-либо вельможи и власти будут присылать к митрополиту или епископу, чтобы исполнить их волю и нарушить в чем-либо хотя одно из положенных нами соборных определений, то никому из нас на то не соглашаться, а всем нам съехаться на

собственный счет к митрополиту и бить челом господарю и непоколебимо стоять, чтобы закон нашей православной веры не был нарушен"! Откуда же, каких его нарушителей опасался Собор? Конечно, прежде всего от лиц не православных, лиц римского закона, начиная с самих литовских и польских государей и вельмож. Но речи Собора дают видеть, что уже бывали, могли и впредь быть нарушители и из своих православных, как духовных, так и мирян, из людей самовольных, самочинных или же небрежных и корыстных и тому подобных. От них могла вырасти беда церкви также, как и от чужих. Ибо чрез умножение нестроений, злоупотреблений, беспорядков могли ослабевать духовные силы церкви, а тогда она оказалась бы немощной в борьбе за свою веру, а иноверцам было бы легче и удобнее притеснять ее и соблазнять православных на свою сторону. Потому то важен подвиг славного митрополита Йосифа Солтана, пожелавшего Собором и его правилами сдержать, на сколько можно, вторжение и рост беспорядков в дела церковные и придать больше сил церкви. После Собора он позаботился, чтобы правила его, а также и вообще все права православной церкви подтвердил и государь. В союзе с митрополитом ходатайствовал о том и друг его князь Константин Иванович Острожский. Сигизмунд, уважая их обоих, дал на все свою утвердительную грамоту (1511 г.).

4. Князь Константин Иванович Острожский и его покровительство православной церкви.

Константин Иванович был правнуком того Феодора, князя Острожского, который в свое время прославился благочестием, подвигами на защиту православной веры и русской земли: потом жил смиренным иноком в Печерской Лавре с именем Феодосия, и по кончине (т 1435 г.) причтен к лику святых. От предков своих князь Константин наследовал и могущество своего княжеского рода и благочестие и ревность по вере. Сила и слава его начали расти еще при Казимире и Александре; но особенно возросли при Сигизмунде I. Умом, верностью, доблестью, подвигами в защите родного края и государства он достиг при нем звания „наивысшего гетмана" во всем литовско-русском государстве. Носил и другие высокие звания и должности, особенно в Литве и на Волыни, где были и обширные владения его из многих городов, местечек и сел. Всем этим значением своим князь Константин пользовался для покровительства и помощи церкви православной. Сильно помог он ей и в самой столице Вильне. Над Вильной еще тяготело явившееся при Казимире запрещение поправлять ветхие и строить новые православные храмы. Чтобы упразднить это обидное запрещение Константин Иванович, пред сражением при Орше, в присутствии многих знатных лиц из литовцев и

русских дал торжественный обет построить в Вильне две каменные церкви Святой Троицы и Святителя Николая, если сражение увенчается для него успехом. Когда это сталось, то все слышавшие об этом, даже лица римского закона, засвидетельствовали пред королем о таком обете. Король охотно дозволил князю построить эти две церкви. Сверх того он обновил и главный Пречистенский собор, бывший кафедральным. Заново отстроил кафедральный собор Бориса и Глеба в городе Новоградке (Литовском); строил церкви и монастыри или благотворил им в Киеве, Минске, а также в своих обширных имениях, каковы Туров (в Минской губ. Мозырский уезд), Дерман (Волынский уезд) и др. Всегда дружный с митрополитом Иосифом Солтаном, он помогал ему оберегать церковный порядок; поддерживал его и других епископов своим ходатайством пред государем, когда требовалось сдержать и унять нарушителей прав церкви Божией из иноверцев или своих безчинников. Приближаясь к кончине, митрополит Иосиф с дозволения короля, поручил попечению князя Константина самую митрополию, т. е. митрополичью кафедру в Вильне и в Новгородке, а также и все достояние её, чтобы не разорили его какие-либо урядники из панов. Верно исполнив завещание митрополита Иосифа, благочестивый князь продолжал свои услуги церкви и при его преемнике Иосифе III. При его помощи митрополит успевал властью короля защищать православные храмы в Вильне

от обид со стороны ксендзов и панов римского закона. Бывало, что польские и литовские паны римского закона досадовали на великую силу православного князя Константина и великий почет ему во всем государстве. Но король Сигизмунд не внимал им, сознавая, что князь умом и доблестью лучше их. Так князь Константин сохранял свою силу, а с ней продолжал помогать церкви Божией до самой кончины своей (1530 г.) в Турове, откуда привезен в Киев и похоронен рядом с предками в Киево-Печерской церкви.

5. Александр Иванович Ходкевич, ктитор Супрасльскаго монастыря.

Между православными ктиторами, современниками митрополита Иосифа Солтана и князя Константина Ивановича Острожского, достопамятен *Александр Иванович Ходкевич.* Старинный литовско-русский род Ходкевичей возвысился особенно при Казимире Ягайловиче, когда один из них *Иван Ходкевич* был уже киевским воеводой. Сын его Александр Иванович Ходкевич был Новогродским воеводой и маршалком великого княжества литовского при Сигизмунде I. Верный православию, как и его предки, Александр Ходкевич отличался еще особенным благочестием и усердием к церкви. По этому усердию возымел он обет послужить ей делом

ктиторства, создать монастырь с церковью „ку чти и хвале Богу милому, для богомолья и в память о моих почивших родителях и родных, и мне грешному на память и для спасения души моей“. Добрым советником и союзником ему оказался митрополит Иосиф Солтан. Почтительный ктитор называл его своим господином и отцом, а любящий архипастырь называет ктитора благоверным и христолюбивым сыном. Он стал и соктитором его по устроению монастырей, например, *Супрасле* (в 15 верстах от города Белостока). На устройство и содержание этого монастыря и церквей в нем, оба соктиторы жертвовали земли, поля и луга, рыбные ловли— и другие угодья. На землях этих было и население. Сейчас же началось и строение церквей. Сперва построена была деревянная церковь во имя святого Иоанна Богослова; потом каменная в честь Благовещения Пресвятой Богородицы с приделами во имя святого Бориса и Глеба и преподобных Антония и Феодосия Печерских. Пособником при устроении монастыря был священно-инок Пафнутий Сигень из города Бельска (Гродненской губернии); он же был и первым игуменом монастыря. Новому монастырю дан строгий устав, основанный на древних правилах монастырского общежития. Само собой понятно, что оба соктитора своевременно испрашивали дозволения литовского государя, как на устроение монастыря, так и на пожертвование ему своих земель. И он давал свое

дозволение из уважения к высоким заслугам ктиторов. Они пожелали еще испросить для своего монастыря благословение и у константинопольского патриарха в знамение своей верности православию и в ограждение его в своем монастыре. Устроенный таким образом *Супрасльский монастырь* стал для всей православной Литвы примером по духу общежития и доброму порядку служб церковных и по строгой трезвости братии. Ктиторы и игумены позаботились украсить монастырь и его церкви святыми иконами, евангелиями, крестами, священными сосудами: собрали в монастырь много церковных и святоотеческих книг на помощь духовному просвещению и церковному учительству. Благочестивые ктиторы заботились и о крестьянах, живших на монастырских землях для службы и помощи ему в хозяйственных работах. Так митрополит Иосиф Солтан заслышав, что эти крестьяне терпят кривды от соседей, писал к соктитору Александру Ходкевичу: „ипо, сыну милый, твоя милость ведает, что мне нельзя поспевать туда для разбора всяких кривд. Потому прошу твою милость, чтобы благоволил сам иметь рачение о тех людях и боронить их от всяких кривд. Сделай это ради моей просьбы, ради своей обязанности ктитора и ради своего богомолья. А милость Божия и благословение нашего смирения да будет с тобою“. И Александр Ходкевич исполнил просьбу митрополита. Основанный и благоустроенный

Александром Ходкевичем и митрополитом Иосифом Солтаном, но преимущественно на средства Ходкевича, православный Супрасльский монастырь имел затем остаться ктиторским в роде Ходкевичей, в патронатском заведывании их. И вот какой-то латино-польский бискуп, еще при жизни Александра Ходкевича, замыслил сманить его и его род под власть римской церкви и папы, а вместе с тем отнять у православия и самый монастырь в пользу той же своей римской церкви. Но нашелся в монастыре умный и книжный инок, который написал смелое обличение тому бискупу. Он показал ему неправоту его толка, будто папа есть верховный наместник Христа на земле, сказал доброе слово в защиту и восточных патриархов, которых унижал тот гордый бискуп. Писание это было добрым предостережением и Ходкевичам, так что они теперь еще оставались твердыми в православии, не поддавались соблазнам чуждых учителей.

Одновременно с Константином Ивановичем Острожским и Александром Ивановичем Ходкевичем при митрополите Иосифе Солтане и его преемниках известны и многие другие православные ктиторы и патроны. Таковы родичи митрополита Иосифа знатные паны *Солтаны,* основатели славного некогда *Жировицкаго монастыря,* Чарторыжские, Вишневецкие, Сангушки, Четвертинские, Сапеги, Тышкевичи и

другие многие, многие ктиторы и патроны церквей и монастырей в своих имениях. Ибо тогда еще все князья, паны и бояре в Западной России и Литве были православными, за исключением очень небольшой части литовских панов коренной Литвы.

6. Начальные братства в Вильне.

Кроме ктиторов или патронов из отдельных лиц и фамилий, княжеских и дворянских, в первой половине XVI века видимее прежнего проявляют свою деятельность на пользу родной церкви *особые общества из средних классов,* усвоившие себе доброе название *братств.* Зародыш братств коренится в древнем и общем всей Руси обычае *братчин.* Братчины— это были *праздничные собрания* или сходки, соединённые с *складчиной* деньгами или припасами, по братолюбивому уговору на то, между некоторыми из прихожан местного храма, в большем или меньшем числе их. Часть складчины шла на свечу или другие приношения в храме, часть на праздничный обед с медом и пивом, а часть уделялась на милостыню меньшим братьям, т. е. бедным в приходе. За братчинными обедами велась добрая беседа, певались и тропари праздника. Так бывало на лучших братчинах. Требовалось, чтобы на праздничных

обедах участников братчины не было излишества, соблюдалась трезвость, не допускались ссоры, а в случае ссор достигалось тут же примирение, по суду братчины, в духе братолюбия. Такое право суда предоставлялось братчинам и властями. Отсюда составилась старинная поговорка „братчина судит, как суд". Людей беспокойных, охотников до ссоры, старались не принимать в братчину, говоря про таких: „с ними пива не сварить, дела не сладить". Итак братчины имели вид *временных праздничных сходок и складок,* и носили название по церквам, у которых они устраивались, или но праздникам, когда устраивались, например, братчина у святой Богородицы, братчина Никольская и тому подобные.

Обычай братчин, как древний, общий всей России, долго сохранялся в восточной части её, удерживался и в Западной России и тогда, когда она подпала литовско-польской власти. Но здесь вместе с этим обычаем возник обычай *более постоянных союзов,* бытовых, но вместе и церковных, под названием *братств.* Начали слагаться такие союзы среди горожан, людей торговых и промышленных, имея опору в общих порядках бытового устройства торговых и ремесленных классов. Люди, занимавшиеся одинаковым промыслом или ремеслом, с дозволения власти, устраивали вид *постоянного* союза или *товарищества* для взаимной поддержки и большего

успеха в своих промыслах и трудах. Но по чувству веры среди лучших из членов союза слагался добрый обычай освящать свой союз *церковною* молитвою для призвания Божия благословения на свои занятия. По тому же чувству веры к обязанностям союза присоединялись дела благочестия, попечения о храме, братолюбия и милосердия. Такой освященный и примыкавший к церкви союз и назывался уже братством, в смысле союза не только по промыслу или ремеслу, но и по вере. Как союз *постоянный,* он требовал уже более прочного упорядочения, которое являлось наконец в виде письменных правил, *письменного чина* или *устава.* В виде таких союзов являются впервые начальные братства в Вильне и Львове.

В Вильне, как большом и столичном городе, было и большое население, а в составе его существовало с своими особыми правами сильное сословие горожан из купцов, промышленников и ремесленников. На основании грамот литовских государей, оно имело свое городское управление, (по-тогдашнему магистрат, ратуша) похожее на наши городские думы, во главе которого были бурмистр, войт, а при них радцы (советники), лавники (заседатели). Сверх того сословие горожан разделялось на особые, бытовые товарищества или *цехи* по разным своим промыслам и ремеслам. В составе всего этого сословия горожан были православные и римско-

католики. Но первых было больше, подобно тому, как и самых церквей православных было в Вильне больше, чем римско-католических костелов. И вот между этими-то промышленными и ремесленными товариществами, по памяти о старинных братчинах, появляются в Вильне *первые братства.* Древнейшим из них было братство *Кушнирское,* так названное потому, что его составили между собой кушниры (меховщики, скорняки). Возникло оно еще в 15 веке; но явнее и прочнее становится с 1538 года, когда оно имело уже свой письменный чин или *устав,* утвержденный в этом году королем и великим князем Сигизмундом I. Как это *первый* известный в письменах устав братства, то в пору здесь познакомиться с ним.

Братство Кушнирское возникло, как сказано, еще в XV веке, а именно в 1438 году. Кушниры Клим, Якуб и с ними некоторые другие согласились основать постоянное братство, поставив начальным условием его: делать *складчину* к трем праздникам в году: к Рождеству Христову, к дню Сошествия Святого Духа и к празднику Святителя Николая. На складчину они покупали и варили мед к этим трем праздникам. Из воска делали свечи и раздавали по Виленским церквам в эти праздники, а сыченный мед распивали в праздничных собраниях для братской беседы. Со временем, когда число братчиков разрослось, братство выстроило для себя в Вильне свой

братский дом, а потом составило и письменный устав. Устав хранился в Братском доме и определял порядки братства, как уже постоянного учреждения, обязательные для каждого члена братства. Этот-то устав братство в 1538 г. за своей печатью представило государю Сигизмунду I с челобитною об его утверждении, которое и дано ему.

По этому уставу братство состояло из братий „уписных“, как уже постоянных членов братства, занесенных в братский *упис* или список. Оно разделялось на братью *старшую и младшую.* Старшая и младшая братия ежегодно избирали старост, а в помощь им ключников. Все братья обязаны были оказывать им послушание. А старосты при помощи ключников заведовали складчинами или взносами братчиков, братским домом, братскими деньгами и всеми достатками и расходами братства, и по окончании года давали по всему этому отчет в собрании братства. Старосты заведывали устройством праздничных собраний в три праздника: Рождества Христова, Сошествия Святого Духа и день Святого Николая. Само собой понятно, что эти собрания устраивались после богослужения в церквах, на котором прислуживали братчики, и горели братские свечи, приготовленные из воска, приобретённого на складчину. Собрания происходили в братском доме. Здесь устраивался братский обед, за которым распивали братский

мед. Разливом его для братии заведовал ключник, а для прислуги при обеде имелись у братства и свои выбранные слуги. Старосты указывали и места за братским столом, и потому какое-либо соперничество из-за мест не допускалось, как неприличное и противное духу братства. За обедом и вообще в собрании велась братская беседа о предметах полезных и назидательных. Требовалась во все время обеда и братской беседы и соблюдалась всеми трезвость, умеренность, благопристойность и учтивость. Если кто-либо лишнее выпивал, улегался на стол за обедом, разливал мед и вообще причинял какую-либо шкоду и непорядок, то старосты тут же делали ему выговор, унимали словами, а если он был упорен, не унимался, то подлежал„ братской вине", обыкновеннее всего в виде *пени,* какой облагало его братство. Если в обеденном собрании произойдет между которыми-нибудь из братий звода, т. е. ссора, а отсюда еще и жалоба на неучтивого и ссорливого; то жалоба тут же выслушивается старостами; а на следующий день братья, собравшись в братский дом, разбирают все дело, оправдывают обиженного, а виновному назначают кару—пеню по *суду братского собрания.* Если кто в братском доме окажет непочтение к старосте, позволит себе осуждать его, таковой тут же подвергается братской каре. Карается и тот, кто укорит и ключника, заведывающего разливом меда на обеде. Если ключник оказал какое-либо непослушание старосте или

вообще небрежность в сычении и разливании меду, то он сперва карается словами (выговором), а если не исправляется, то карается уже братскою виною (пенею). Если наконец и сам староста учинит какой-либо проступок пред братией, то вся братия старшая и младшая делает ему словесное напоминание, и даже может карать его братской пеней. Суд братства по проступкам, возникавшим во время братских собраний, признавался независимым от всяких других судов, духовных и светских, которые не могли вмешиваться в братский суд, и это признано было за братством и государевою грамотой. Кроме постоянных или *уписных* братий, на праздничных собраниях могли быть и братья *вкупные,* т. е. такие, которые вкупались только на данный праздник, чтобы участвовать в братском обеде и братской беседе. Могли быть на обедах и *гости,* приглашенные и допускаемые по их просьбе членами братства. Как вкупные братья, так и гости могли быть из лиц разных сословий, в частности из духовенства и дворян. Но дворяне, присутствуя на братских собраниях и обедах, не должны домогаться каких-либо высших мест за столом и в собрании, и гордостно пренебрегать местом, на каком придется им сидеть. Ибо места назначают старосты, знающие стан (общественное положение) каждого. Никто также не должен входить в братскую светлицу, в братское собрание с каким-либо оружием (тогда дворяне имели обычай носить при

себе оружие), или с своими панскими слугами, ибо оружие не годится в братском собрании, а для послуги есть у братства свои слуги. Вообще всякие гости должны в братских собраниях подчиняться уставу братства, не допускать неприличных и излишних речей, не разглагольствовать о своих делах, сторонних для братства, держать себя прилично

и учтиво и оказывать послушание старостам. Для уписных членов братства, кроме указанных выше обязанностей, налагалась еще обязанность оказывать христианскую услугу умершим сочленам его. Братия обязывалась на средства братства приобретать бархат для гробов и покрывало для брата, давать свечи для возжжения при отпевании, присутствовать при отпевании и провожании до могилы. Само собой предполагалась из средств братства и милостыня для раздачи в братский праздник и по душе умерших братий. По всему, что сказано здесь о братстве на основании его устава, видно, что Виленское Кушнирское братство не было только братством промышленным или ремесленным, а было вместе с тем и братством религиозным; ибо соединялось с пожертвованиями на храмы Божии и с другими делами христианского благочестия и братолюбия.

Кроме Кушнирского братства в первой половине XVI века были в Вильне и другие братства. Так было братство из почетнейших мещан или

горожан, стоявших во главе городского управления, каковы особенно бурмистры, радцы и другие. Оно потому и называлось панским, бурмистеровским, радецким, или вообще местским, т. е. городским. В городском управлении были и православные и римские католики. Но братство составилось преимущественно из лиц православных. Как православное, оно сосредоточивалось при православном кафедральном соборе Пречистой Богоматери, потому называлось еще братством при *доме Пречистыя Богоматери.* Так называясь, оно хотело быть братством уже собственно церковным. Братство, в лице лучших членов своих, заявило преданность свою православной вере и благочестию еще следующим делом. Члены братства по своему житейскому быту были люди торговые; целыми дружинами отправлялись они по торговым углам в земли польские, немецкие и другие. Но как люди православные и благочестивые, они хотели, чтобы и во время своих поездок не оставаться без совершения Божественной литургии по православному чину. Священника они могли брать и брали с собою. Но чтобы священник мог служить для них литургию, для этого, по древнему уставу церкви, требовалось иметь *антиминс,* который бы полагался на алтаре в походной церкви или в доме освященном для богослужения. И вот обратились они к православному константинопольскому патриарху и упросили его прислать им антиминс. Когда патриарх

прислал, они просили еще благословения на свое благочестивое дело у своего архипастыря митрополита Иосифа Солтана. Он дал благословенную грамоту (1509 г.), в которой говорил так: „поведали нам сыны нашего смирения, Виленские горожане нашего *православного христианства, братство дома Пречистыя Богоматери,* что господин святейший вселенский патриарх константинопольский прислал им подвижный антиминс и просил нас, чтобы мы дозволили— служить на том антиминсе Божественную службу пред ними в странах польских, немецких и других, где случится им быть в дороге. И мы на просьбу и желание их, благословили и дозволили им то иметь: посему, когда какому либо священнику придется ехать с ними из Вильны в какую бы то ни было сторону, мы благословляем того священника и дозволяем ему служить пред ними Божественную службу на том антиминсе".

Было тогда в Вильне и третье братство—*купецкое— кожемяцкое.* Оно составилось из среды торговцев и ремесленников кожемяцкого дела или цеха, но опять тех именно, которые были усердны к вере и готовы были „радеть о потребах церквей Божиих". Оба новые братства, как русские православные, наблюдали во всем братские обычаи старины и хотели еще украсить их. Так у них были праздничные складчины, но еще чаще, чем в первом братстве. Так братство

городское или братство дома Пречистыя Богоматери устраивало складчины к *шести* праздникам, каковы: Троицын день, Успение Пресвятыя Богородицы, Воздвижение, Николин день, Рождество Христово и Пасха. Братство кожемяцкое к *восьми,* каковы: Пасха, седьмая суббота по Пасхе, Петров день, Успение, Покров, Николин день, Рождество Христово, Благовещение. Братства имели свои дома, где устраивались братские собрания и обеды с братским медом. В этих собраниях соблюдались все добрые обычаи и строгие порядки братские. Из своих складчин и вообще доходов и достатков, братства делали пожертвования на свечи, церковно-строение, на слуг церковных, на госпиталь, на милостыню бедным, на погребение замерзших и других покойников, которых некому было хоронить. Братство панское, как более достаточное, имело и содержало еще на свои средства *особую богадельню* при Спасской церкви в городе Вильне. Ко всему, что уже сказано о начальных Виленских братствах, надлежит досказать еще следующее. Хотя все эти братства составились преимущественно из православных, но в составе их бывали и римско-католики. Бывали они и членами и уписными и вкупными и гостями. И это, замечает архипастырь нашей церкви[4]), делает честь тогдашним православным города Вильны, что

[4] Бывший архиепископ Литовский и Виленский, потом митрополит Московский Макарий.

они принимали в свои братства и римско-католиков. Они хотели жить в мире и добром согласии с согражданами-христианами, хотя и другого исповедания. Чувствуя доброту и достоинство своего братского дела, они не скрывались с ним и готовы были делать участниками его сограждан инославных. Притом тогда и более разумные римско-католики в Вильне, Литве и Западной России наклонны были к дружному сожительству с православными. Они видели, что за русскими православными перевес числа и силы. Они чувствовали свое родство с ними по народности, по русскому языку, общему тогда и православным и римско-католикам Литвы; они и семьями роднились с православными русскими, а некоторые при этом присоединялись к православию и детей своих крестили в православии.

7. Начальное братство в Львове.

Кроме Вильны ранним образованием братств прославился Галицкий главный город Львов. Но положение православных братств здесь было не во всем сходно с положением Виленских братств. Галицкая Русь ранее Литвы и Западной России подпала под власть Польши; да и осталась она всецело под этой властью, как область короны Польской. Поэтому то сюда ранее и сильнее

стали вторгаться поляки, их папы, епископы, и ксендзы и теснить здесь русских православных. Православных князей там уже не было, русских православных бояр и дворян оставалось мало, на месте их усаживались польские паны и шляхтичи, получившие имения от польских королей. Православие и русская народность сильнее держались в городах среди мещан, купцов, ремесленников, и в селах среди крестьян. Польские короли, волей или неволей оказывавшие терпимость, нередко даже благосклонность к православным русским и их церкви в областях литовско-русских, иначе поступали с православными Галицкой Руси. Здесь охотно поддавались они наговорам латино-польских опекунов и ксендзов, которые прозывали православных схизматиками, а их церкви даже синагогами, и всячески стремились брать силу над ними и теснить их, чтоб покорить их власти своей римской церкви и её папе. Особенно делом неправды и насилия было то, что в Галиции уже давно (около 1420 г.) упразднена была православная епископская кафедра в городе Львове, а учрежденная здесь латино-польская епископская кафедра наделена большими правами и средствами к обиде православных. Тяжело было православным без своего епископа. Для поставления себе священников и диаконов они должны были обращаться к соседним епископам или к киевскому митрополиту. Но для епархии, хотя и оставшейся без своего епископа, нужно было

управление для надзора за церковным порядком. И вот польская власть светским чинам предоставила право назначать наместников для заведывания православным духовенством и православными приходскими храмами. Эти наместники считались будто бы наместниками киевского митрополита, а между тем их назначали без его ведома светские чины, да еще большей частью польские латиняне. Понятно, каковы были эти наместники, могшие быть притом и из неправославных. При Сигизмунде I последовала перемена в деле наместническом, но не к утешению православных. По домогательству Львовского латинского бискупа, Сигизмунд предоставил ему было право назначать от себя наместника Галицкой епархии, одного взамен многих. Это сделано для того, чтобы дать почувствовать православным Галицкой Руси власть и силу латинского епископа, а чрез это расположить их к отпадению от православия и к покорности римской церкви.

Так выражался в своей грамоте по этому делу и сам Сигизмунд I, позволявший даже, чтобы в его грачатах называли православных схизматиками, а церкви их—синагогами. Союзником латино-польского бискупа и ксендзов в притеснении православных являлся львовский городской магистрат, состоявший здесь из одних латинян-поляков. Он присвоил себе право назначать православных священников, взимая за то плату.

Священникам запрещено было ходить в городе с Святыми дарами к больным, а также провожать покойников в облачении со свечами и звоном. Русские православные не допускались быть свидетелями пред судом, а если в каких либо делах требовалась для них присяга, то они должны были приносить ее в латинском костеле, а не в своих церквах, которые притом обзывались у латинян синагогами. В виду таких и подобных обид и стеснений православные горожане Львова стали объединяться для защиты прав своей веры и церкви. Плодом этого явилось *братство,* имевшее свое средоточие при Соборной Успенской церкви. Оно возникло еще в XV веке, но виднее становится в XVI, когда ему пришлось стать во главе всего общества православных мещан и горожан Львовских для защиты прав своей веры и церкви. Помощниками ему в этом были митрополит Иосиф Солтан и князь Константин Иванович Острожский. Благодаря их стараниям и ходатайствам пред Сигизмундом I, Галицкая епархия поставлена в ближайшую зависимость и под ближайшее попечение киевских митрополитов, так что с этой поры (с 1509 г.) они и стали титуловаться киевскими *и галицкими.* Вслед затем митрополичьи наместники в галицкой епархии изъяты из-под власти латинского бискупа и стали назначаться по выбору православных и благословению митрополита и быть только под его властью. Еще далее установлен был один общий наместник в

сане *архимандрита* для большей чести и силы его, для большего ограждения его независимости от притязаний латинского бискупа. А князь Константин Иванович Острожский помог братству достичь того, что Сигизмунд I отменил или по крайней мере ослабил упомянутые выше стеснения православным. Но львовский латинский бискуп, ксендзы, с своими союзниками в магистрате и среди польских властей, не оставляли своих домогательств на власть над православными. За то и русские православные, во главе с братством, решились довершить свое дело восстановлением в Львове *епископской кафедры,* чтобы таким образом иметь полное церковное устройство и устранить всякие притязания латинского бискупа на власть над ними.

8. Восстановление православной епископии в Львове.

Был у них митрополичьим наместником архимандрит Макарий Тучапский, родом из своих же львовских мещан, муж благочестивый и достойный. И вот православные Галичане львовские и соседние задумали ходатайствовать пред королем о дозволении на то, чтобы Макарий посвящен был в епископа Львовского. В этом ходатайстве помогали им киевский митрополит (Макарий II) и православные князья и паны

Подолии и Волыни. Зато латинский Львовский епископ и его латино-польские союзники прилагали всевозможные усилия, чтобы ходатайство православных не сбылось. Дело это потребовало от православных великих трудов и жертв. Измучились они на поездки в Краков и хождения там по своему делу. Сотни добрых волов были розданы ими на подарки королю, королеве и придворным панам. Больше всех настрадался и измучился сам Макарий. И он должен был ездить в Краков к королю и на сейм, подолгу живать, помногу тратиться и бедствовать в Кракове, чтоб добыть от короля грамоту на епископство. Король не раз готов был дать ее: но латино-польские архибискупы и бискупы кричали на сейме, чтоб не давал. Король, а по его совету и Макарий, должны были ждать, пока крикуны разъехались. Тогда наконец король дал грамоту Макарию. С ней возвратился он в Львов. Узнав о том, Львовский архибискуп прислал Макарию грозный приказ явиться к нему с грамотой. Макарий не пошел к нему. Тогда архибискуп в сильном гневе говорил пред шляхтой римского закона: „я этого не оставлю, пока жив; Русь должна быть в моей власти, король без меня не мог того дать“. И затем послал жалобу в Краков, требуя, чтоб Макарий с грамотой вызван был на шляхетский сейм: этим сеймом архибискуп думал не только погубить дело Макария, но пригрозить и королю. Король все это предвидел; потому еще прежде, при передаче грамоты

Макарию, посоветовал спутникам его из галицких русских поскорее ехать с ним к митрополиту и просить, чтобы поставил его во епископа: тогда, прибавлял король, архибискуп и бискупы уже не смогут устранить Макария. Русские Галичане так и сделали: быстро снарядили в дорогу своего Макария, а сами большой дружиной провожали его до границы, опасаясь, чтоб его не убили или не отняли у него королевской грамоты: ибо львовский архибискуп уже не раз давал подобные приказы на счет Макария. Счастливо доехал он к митрополиту в Новогродок, был посвящен во епископа (в октябре 1539 г.) и возвратился в Львов уже владыкой-епископом. Рады были православные. Теперь восстановилось у них полное церковное устройство с епископом во главе. Не смотря на все притеснения от латинян, в Львове оказывалось еще девять церквей с духовенством при них. Были и два монастыря. Из старших священников владыка-епископ учредил, по старому обычаю, *соборный клирос,* т. е. кафедральных соборян для помощи ему в церковном управлении и суде. А братство львовское по-прежнему осталось при своих правах и обязанностях попечения о нуждах Божиих церквей, призрении бедных и так далее. Так православие и русская народность надолго укрепились в Львове и Галицкой Руси.

9. Русская народность в Литве и Западной России и борьба их за свою государственную независимость от Польши при последних Ягеллонах.

Русская народность в Литве и Западной России была еще сильна и при последних Ягеллонах Сигизмунде I и Сигизмунде I I Августе. Теперь, как и прежде, к этой народности принадлежало громадное большинство населения литовско-русского государства и всех сословий его. Это население православное, имевшее в своей вере и родной церкви и главную опору своей народности. Но эта же народность продолжала теперь, как и прежде, держаться и в среде литовцев римско-католиков, которые, хотя и были соединены с поляками в вере, но считали себя соотечественниками и собратьями русских православных по единому литовско-русскому государству, хотя и союзному с Польшей, но отдельному от неё и по русскому языку, как народному и государственному языку для областей и земель всего великого княжества литовско-русского. Потому теперь, как и прежде, при первых Ягеллонах, православные Литвы и Западной России, православные литво-руссы, в борьбе с Польшей за свою государственную независимость и за свою русскую народность имели союзниками и литовцев римско-католической церкви. Но эта борьба с годами и десятилетиями становилась труднее. Ибо чем долее тянулся союз Литвы с

Польшей, тем более поляки усиливались увлекать на свою сторону Ягеллонов, как общих государей Литвы и Польши, затем усиливались прикреплять к Польше литовско-русские земли, действуя всякими способами, какие открывались для них в самом этом союзе, особенно при последних Ягеллонах.

Король и великий князь литовско-русский Сигизмунд I был, как сказано выше, благосклонен к Литве и Руси. Полагаясь на это, высшие литовско-русские чины в 1526 г. просили его дать им и короновать на великое княжество литовско-русское сына Сигизмунда Августа. Они говорили: „когда великое княжество будет иметь свою корону, тогда нельзя будет присоединить его к короне польской, потому что та корона не может быть *вплетена,* то есть включена в другую корону. Тогда панам полякам нельзя будет домогаться, чтобы это наше государство было унижено и присоединено к ним, но будет равное братство и приязнь за одно против каждого неприятеля". Сигизмунд исполнил эту просьбу, но настолько, насколько это позволяло ему его положение, как короля польского, или точнее, насколько позволили польские его паны.

В 1529 г. он привез 9-летняго королевича Сигизмунда-Августа в Вильну, где он торжественно провозглашен великим князем. Но на корону для него король не согласился, даже не

оставил его в Вильне, где его именем могла бы управлять великокняжеская, литовско-русская рада, а сам он мог бы обрусеть. Король взял сына с собою в Польшу, где поляки тотчас провозгласили его наследником Польской короны, чтобы обеспечить себе выгоды иметь в своих руках будущего общего государя Польши, Литвы и Западной Руси. Более успели литовско-русские представители в другом важном деле. Они постарались составить общий свод законов для всех земель литовско-русского государства. И этот свод был в том же 1529 г. утвержден государем под названием *статута.* Этот литовско-русский статут, как общий и единый закон для всех земель государства, ограждал его единство и самостоятельность. Подобно старому судебнику Казимира, он составлен по русскому праву и на русском языке, и этим свидетельствовал о продолжающемся господстве во всех землях государства русской народности как главной и основной. Польшу этот статут представлял страной чужой, поляков—иноземцами, не имевшими права на уряды и общественные должности и земельные приобретения в Литве и Западной Руси. По статуту не допускались для поляков такие приобретения ни покупками, ни пожалованиями, ни даже через браки. Если бы поляк женился на девице или вдове из Литвы или Руси, то он мог получить приданое только деньгами, но не родовыми имениями литовско-русских фамилий. Когда, не смотря на статут, поляки

захватывали должности или земли в Литве и Руси, то литовско-русские чины и дворяне жаловались королю на сеймах, которые бывали то в Бресте (Литовском), то в Вильне. Они требовали даже, чтобы польские чиновники, сопровождавшие короля во время поездок его в Литву и Западную Россию, останавливались на границе; а если въезжали с королем в Литву и Западную Россию, то считались бы здесь только гостями-чужеземцами.

Наконец, уступая просьбам литовско-русских чинов, король Сигизмунд в 1544 г. сдал управление литовско-русским государством сыну Сигизмунду II Августу, который приехал и стал жить в Вильне. Здесь при нем взяли силу князья Радзивиллы, Николай Черный, потом Николай Рыжий, которые хотя не были православными, но были горячими защитниками независимости и отдельности литовско-русского государства от Польши, действуя за одно с русскими православными. Молодой великий князь литовский, по желанию литовско-русских панов, поручил пересмотреть и улучшить литовско-русский *Статут.* Над этим стали трудиться совместно и русские православные и литовские римско-католики, но и те и другие трудились, как люди *русские,* и составленный ими статут издан потом также *на русском языке, как общем народном языке для всех их.* Само собой понятно, что этот язык господствовал во всех судах и

урядах, как и во всякой речи устной и письменной в пределах Литвы и Западной России. Сам король Сигизмунд I почти всегда соблюдал закон, по которому его грамоты и указы по делам Литвы и Западной России писались на русском языке. Этот же закон соблюдал и сын его Сигизмунд II, когда еще при жизни отца стал государем Литвы и Западной России, хотя и под верховной властью отца. Правда, долго живя в Польше, сам он поотвык от русского языка и свыкся с польским. Но в Литве надеялись, что, теперь, заживя в Вильне, он склонится на сторону своего литовско-русского государства и народа. И он стал склоняться. Зато и поляки надеялись со временем опять перетянуть его на свою сторону. И вот, когда скончался его отец, поляки привезли его в Польшу и провозгласили своим королем. Так Сигизмунд II Август стал теперь общим государем Польши и Литвы и Западной России. Живал он то в Польше, то в Литве, и в первое время любил жить даже более в Литве, чем в Польше. Поляки не дозволяли ему долго заживаться в Литве, боясь, что он станет радеть о ней больше, чем о Польше. В это время созревал у них важный замысел. Дело в том, что Сигизмунд II был уже последний Ягеллон на состоявших в союзе государствах польском и литовско-русском. Он был три раза женат, но не имел детей и не было надежд, что будут у него дети наследники престола. Поляки стали более и более побаиваться, что с его смертью прекратится союз

Литвы и Западной Руси с Польшей. Поэтому они с удвоенными усилиями домогались закрепить этот союз при последнем Ягеллоне с помощью его власти. Всею силою стали они налегать на Сигизмунда Августа, чтобы он привлек и принудил литовцев и западно-русских к согласию на *унию,* то есть такое соединение Литвы и Западной России с Польшей, которое было бы уже не простым и временным союзом, а полным и вечным объединением, слиянием их в одно государство, государство именно польское. В этом государстве главное господство должно было бы уже принадлежать Польше, полякам и польской народности, а литовско-русские земли были бы только областями Польши, и литовско-русский народ был бы только частью польского народа и слился бы с ним. С своей стороны представители Литвы и Западной России продолжали противиться таким замыслам поляков. Много раз заходили большие споры по этому делу между польскими панами и литовско-русскими представителями на разных съездах то в Польше, то в Литве и Западной России. Король Сигизмунд II был человек непостоянный. Он склонялся то на ту, то на другую сторону, стараясь угодить той и другой. Но запугиваемый поляками, боясь также, чтобы Западная Русь не перешла под власть московского государя, он стал мало по малу, но все более и более поддаваться на сторону поляков и Польши. На варшавском сейме 1564 г. он в своем потворстве

полякам дошел уже до крайней степени: объявил, что он, как государь Ягеллонова дома, отрекается от своих наследственных прав на литовское-русское государство в пользу польского государства. Горько было это литовцам и русским. Один из литовцев еще во время сейма писал своему другу: „паны ляхи давними и разными способами хотят записать Литву в кабалу и взять нас в полную неволю". А после сейма Николай Радзивилл писал самому королю: „теперь Литве грозит двоякая беда: с одной стороны меч неприятельский (от войны с Москвой) и с другой (от Польши) — аркан живой и вечной неволи". Король успокаивал Радзивилла ответом: „я веду Литву не к неволе, а (будто бы) к большей свободе и к братскому согласию с Польшей". Чтоб польстить этой свободой и русских православных, король еще прежде на Виленском съезде (1563 г.) издал грамоту, которой литовско-русские православные дворяне уравнивались в правах с дворянами королевства римско-католического исповедания. Однако же ни теперь, ни после король не изволил уравнять православных епископов в правах с римско-католическими епископами литовскими и польскими. Когда на съезде в Гродне (1568 г.) просил о том короля киевский митрополит Иона Протасович, то король отвечал, что это дело он „отлагает на инший час". Этого иншого часу и не дождались от короля православные епископы. Видно, что о правах их и вообще о правах православной

церкви не особенно радели и те литовские паны, которые не принадлежали к православной церкви, а между тем были наиболее сильны при короле. А все это показывало, что в борьбе с поляками по делу замышляемой ими унии не будет полного согласия между литовцами и русскими. Понимали это поляки. Умели они воспользоваться и тем новым затруднением, в какое поставлена была Литва тогдашнею войной её с московским государством. Поляки, как-то бывало и прежде, поджигали литовцев к этой войне, но сами не помогали им. Они рассчитывали, что ослабев от войны, литовцы станут податливее на унию. „Война, говорили они, пригонит литовцев к унии с нами". И так, когда все было подготовлено, король и поляки задумали устроить большой съезд представителей из Польши, Литвы и Западной России, чтобы довершить дело об унии.

10. Люблинский съезд 1569 г. и состоявшаяся на нем политическая (гражданская) уния Литвы и Западной России с Польшей.

Съезд по делу унии открылся 10 января 1569 года в городе Люблине в присутствии самого короля Сигизмунда Августа. Поляки, наперед сговорившись по городам и уездам, собрались на съезд в весьма большом числе. В полном сборе

были польские сенаторы и во главе их латино-польские бискупы. Еще сильнее числом были послы из земельной шляхты, которой притом и легко было съезжаться в близкий ко всем польским землям Люблин. Хотя у поляков бывало вообще немного согласия и порядка на их съездах, но на этот раз съехавшиеся польские сенаторы и послы позаботились действовать в большем согласии, чтобы осилить представителей Литвы и Западной Руси. Эти представители собрались, сравнительно с поляками, в меньшем числе. Одни из них ехали неохотно и опаздывали; другие и совсем не являлись, потому что не желали унии, боялись, что их станут принуждать к ней, а иные просто затруднялись ехать из русских земель в далекий Люблин. К сожалению, между литовско-русскими представителями не было крепкого согласия. Виною были преимущественно литовские знатные паны. Они держали себя гордо с меньшим русским дворянством, затрагивали под час и знатных панов коренных русских земель, как Волынской, Киевской областей и др., потому и сами не встречали сильной поддержки со стороны последних. Не было на съезде и западнорусских православных епископов, тогда как латино-польские бискупы были и могли говорить, сколько им хотелось. Выгоды поляков на съезде довершались важнейшей —; уверенностью, что король на их стороне. По всему этому они надеялись, что дело унии пойдет на съезде легко и скоро. Но они

ошиблись. С первых же дней съезда открылось, что не смотря на красные речи поляков и громкие похвалы их съезду и унии, литовцы не рады ему, не хотят унии. Один из польских епископов пустился винить тут и короля, говоря ему в глаза: „причиной, почему литовцы не хотят унии с нами,—наше дурное управление и то, что, по их словам, у нас нет ничего надёжного". Поляки стали даже опасаться, что непостоянный король, как скоро заметит неудачу и трудность дела унии, то сам ускользнет от дела, и потому постановили, чтобы переговоры с литовцами об унии велись в присутствии короля, чтобы, значит, он не убежал из Люблина, и король оставался на все время съезда. Начались затем самые переговоры польских сенаторов с литовскими об унии. Первые требовали признать полное слияние Литвы с Польшей; последние соглашались только на братский союз, но с сохранением независимости и прав литовско-русского государства. Пошли споры, пререкания, а затем попреки и угрозы с обеих сторон. Литовские сенаторы и послы перестали и являться на заседания с польскими сенаторами и послами. Прошел слух, что литовцев хотят силою забирать по домам и тащить в заседания. По этому поводу, при свидании с королем, смелый литовский пан Иван Ходкевич сказал: „если бы до того дошло, то и мы будем защищаться силою в наших домах". Бедный король не знал, что делать. Прошло два месяца (январь и февраль) в заседаниях и спорах, а дело

не двигалось вперед. Наконец литовцы решили совсем прервать это дело. Ночью на 1 марта литовские сенаторы Радзивилл Рыжий, Иван Ходкевич и многие другие уехали из Люблина, поручив немногим оставшимся просить извинения у короля в этом поступке своем.

Отъезд литовцев был плохо обдуман. Он раздразнил поляков, но смутил их ненадолго. В руках их был король, повторивший теперь, что отдает Польше русско-литовские области. Поляки ободрились и задумали самым отбытием литовцев воспользоваться для своего дела. Именно: задумали они присоединить к Польше сперва ближайшие русские области и притом каждую по одиночке. Повели они дело хитро, пуская в ход и лесть, и угрозу и даже неправду. Начали с самой малой и слабой области Подлесья. Послы с Подлесья русские православные дворяне были на съезде. На них то налегли теперь поляки, требуя присяги на унию. Чтоб уклониться от неё, одни из подлесян спешили уехать из Люблина. Другие, хотя и остались, но не соглашались на требования поляков. Согласились на присягу только трое. Даже из этих троих один раздумал и бежал (некто Ижикович); но его догнали и воротили в Люблин. Итак эти три подлесяне начали за свое Подлесье присягу на унию его с Польшей. Жалкое начало дела! Но оно громко восхвалялось польскими говорунами, как дело великое. Присягнувшим даны

или обещаны награды, а уклоняющимся высказаны угрозы, чтобы со временем и их привлечь к присяге. От Подлесья перешли к Волыни, потом к восточной Подолии или Брацлавскому воеводству. Присягу по Волыни начал не кто-либо из коренных русских Волынцев, а один польский пан (Альберт Ласский), недавно пред тем с великой неправдой захвативший большое имение на Волыни. Его то присягу и сочли началом присоединения Волыни! Конечно, нашлись затем и между коренными русскими волынцами, готовые покориться воле короля и присягнуть на унию. Но их было мало в Люблине и еще менее осталось. И вот король строгим указом по уездам Подлесья, Волыни и Подолии требовал, чтобы съезжались в Люблин по делу унии. Волей-неволей стали съезжаться подлесяне, волыняне и подоляне. После не малых пререканий возобновилась присяга их на унию. Пришлось, скрепя сердце, присягать и таким знатным людям, как князь Константин Константинович Острожский, князья Вишневецкие, Черторыжский, Сангушко и другие. Над ними была власть короля. Одни просто не хотели ослушаться его; другие опасались, что властью короля поляки лишат их должностей и имений.

Дошла очередь до Киева и Киевской области. Опять начались споры. Но при помощи короля и они кончились объявлением и присоединением их к Польше. После того, как в Люблине удалось

привлечь к присяге на унию бывших там знатных русских людей, король уже смело разослал своих чиновников по городам и уездам присоединенных русских областей с указами о том, чтобы все присягали на унию с Польшей, грозя в этих указах, что несогласные на унию и присягу будут лишены должностей и имений. Так и пошла вольная и невольная присяга по городам и уездам. Между тем шел уже шестой месяц от начала Люблинского съезда, а он еще не кончался. Не кончилось дело с литовцами, уехавшими из Люблина. Горько было слышать им, что в отсутствие их поляки присоединяют одну за другою русские области, пред тем принадлежавшие к литовско - русскому государству. „Никогда еще не было столь тяжелых ударов нашему отечеству: видно, за грехи Бог карает Литву!“ так писал тогда в Литву один из литовских панов, оставшихся в Люблине, чтобы следить за делом унии и сообщать землякам. Подобные скорбные голоса слышались и от других в Литве. Они и понятны. После отделения от Литвы Подлесья, Волыни, Подолии и Киевской области и присоединения их к Польше, Литва оказывалась слабой и беспомощной. Бороться с поляками литовцам было уже не в моготу. Понимая это, польские паны уже грозились силой усмирять их, как бунтовщиков. Терпеливее был король, но и он давал им понять свою немилость к ним за несговорчивость на унию. Итак волей-неволей литовские сенаторы и послы стали прибывать в

Люблин. Тут прежде всего они высказали горькие упреки полякам за отнятие от литовского государства упомянутых русских областей, считая это величайшей неправдой со стороны поляков. „Бог такой неправды с нами не попустит: рано или поздно, но расчет будет!“ Так, от имени литовско-русских собратий своих, говорил смелейший из них Иван Ходкевич, неустанно ратовавший за независимость Литвы от Польши. Поляки озлились на литовцев и донесли слова их королю. Король сказал, что и сам порицает поступок литовцев, но добавил: „сказать правду, литовцы не могут не огорчаться; невзгоды их велики; у них оборваны крылья[5]), но вы, папы, добивайтесь своего “. Паны польские и добивались. Отбиваться от них литовцы были уже не в силах. Они решились сдаться на унию, но так, чтобы и при унии спасти долю независимости бывшего литовско-русского государства. Собрались они в заседание сейма, где был и король, и здесь Ходкевич держал длинную речь, которую закончил так: „нам уже не к кому обратиться за помощью, разве только к Богу и к Вам, всемилостивейший Государь наш, как защитнику наших прав и Божию помазаннику. Нижайше просим мы Вас привести дело к концу так, чтобы оно не влекло за собой порабощения и позора нам и потомкам нашим. Мы теперь доведены до того,

[5] То есть, отняты русские земли, составлявшие главную силу Литвы.

что должны с покорной просьбой пасть к ногам Вашего Величества". Все литовцы с плачем пали на колена, и Ходкевич продолжал: „именем Бога умоляем тебя, Государь, помнить нашу службу, нашу верность тебе и нашу кровь, которую мы проливали для твоей славы. Благоволи так устроить нас, чтоб всем нам была честь, а не посмеяние и унижение, чтобы сохранены были наше доброе имя и твоя государева честь". Король, надо правду сказать, отвечал литовцам милостиво, обещая не дать их в обиду и устроить унию в духе любви и братства. 1-го июля последовала и присяга литовцев на унию. А вскоре затем наступил и конец сейма. Польские папы ликовали. Много и красно говорили они о своей Люблинской унии. С великими похвальбами говорили о ней, как о таком единении, которое состоялось свободно, непринужденно, на правах равенства и братства соединившихся народов польского и литовско-русского, и которое обещает мир, могущество, славу и счастье обоим народам. Такой была эта уния на словах, но не такой на деле. На деле она велась лестью и насилием, с угрозами отнятия должностей и имений тем, кто не соглашался бы на унию.

В заключение следует сказать, что литовцы и православные Западной России, волей неволей соглашаясь на унию с Польшей, делали все, что могли, в ограждение своей веры и народности. Не раз они напоминали о том во время съезда.

Так, например, когда шла речь о присоединении Волыни, то один из знатнейших православных русских князей Константин Вишневецкий говорил польским панам: „Мы люди иной с вами веры, особенно мы, люди восточной церкви: просим, чтобы нас не унижали за веру, и чтобы никого не принуждали к другой вере“. А когда составлялись так называемые *привилегии* (особые постановления) на унию по каждой из областей, то во все эти привилегии занесено было и то, чтобы и православные имели одинаковые права с римско-католиками, и чтобы русский язык, как знамя народности, оставался языком государственным во всех литовско-русских землях. Но после Люблинской унии уже труднее станет православным Западной Руси отстаивать права своей веры и народности. А между тем открылись пред ними новые опасности.

ГЛАВА V.

Новые опасности вере и народности православных западно-руссов, возникшие при последних Ягеллонах и первых королях польского избирательного правления.

1. Реформация и сектантство в Польше, Литве и соседних с ними областях Западной России.

К опасным сторонам союза Западной России с римско-католической Польшей и Литвой принадлежало и то, что разные, возникшие там, смуты и нестроения могли, как поветрие, заноситься в Западную Россию. Таковы были *смуты религиозные,* появившиеся в Польше и Литве при последних Ягеллонах, усилившиеся особенно при самом последнем из них, Сигизмунде Августе. Эти смуты начались впрочем не в Польше, а далее в Западной Европе, составлявшей область римской церкви, подвластной папам. А там произошли они по вине прежде всего самих же римских пап и их римской церкви. Старое лжеучение римское, будто папа есть глава

всей христианской церкви, верховный владыка всего христианства, единый наместник Божий и Христов на земле, это учение принесло свои плоды. Власть пап, как духовное иго, стала в тягость многим и среди западных христиан, то есть римско-католиков или латинян. А между тем в римской церкви наплодилось много злоупотреблений. Выдающимся из них была продажа *индульгенций,* то есть папских грамот на отпуск грехов. Папские монахи расхаживали по разным римско-католическим странам и торговали этими грачатами, уверяя, что кто заплатит и купит их, тот избавит себя от вины за грехи, или же высвободит из какого-то чистилища своих умерших родителей, родных и тому подобных. Легковерные покупали такие грамоты. Но нашлись и такие, которые стали поговаривать, что это дело неразумное, что папы уже слишком забылись от своей непомерной власти. Самовластием стали называть и то, что в римской церкви богослужение совершается не на понятном народу языке, как в церкви восточной, а на латинском, далеко не всем понятном, что на этом же языке читается и само Слово Божие, которое поэтому недоступно народу, незнающему по латыни. Все это и многое другое вызвало у многих римских католиков недовольство, потом ропот, наконец и восстание против папы, Рима и римской церкви, как церкви папистической, а не подлинной христианской церкви. Вожаками восстания стали более отважные из среды самих

латинских ксендзов и монахов, каковы: немец *Лютер,* француз *Кальвин* и многие другие. Сторону их приняли и многие сильные люди из князей и владетелей, особенно германских или немецких, а потом и других. Но были, конечно, и защитники пап и римской церкви, и во главе их стоял тогдашний германский император. А из этого возникли великие споры, смуты и кровавые войны на много лет. Кончилось это тем, что многие страны с своими князьями и государями отпали от папской или римской церкви и образовали свои *христианские общества или исповедания.* Это дело свое они назвали *реформой, реформацией,* то есть пре*образованием* бывшей у них дотоле римской церкви, исправлением её от злоупотреблений и ложных учений. Называли они свое дело и *протестантством,* а себя *протестантами,* то есть противниками, обличителями неправд римской церкви. К величайшему сожалению, эти вожаки-реформаторы и протестанты и сами впали в тяжкую ошибку. Они не подумали, что кроме Западной или римской церкви, есть Восточная православная церковь, которая верно сохранила истинное учение Господа Иисуса Христа, святых Апостолов и святых отцов, изъяснённое и определенное на святых вселенских соборах в те светлые времена, когда в единении с ней была римская церковь, уже потом отпавшая от неё. Правда, некоторые из протестантских учителей начали было сноситься с архипастырями Восточной церкви,

желая разъяснить свои споры с римской церковью и свои собственные недоразумения в учении веры. Но уже было поздно, и ничего из этого не вышло. А не вышло особенно потому, что эти протестантские учителя и сами-то, по наследию от Рима, свысока смотрели на Восточную церковь и слишком уже увлеклись своими успехами в борьбе с Римом, слишком доверяли своему уму-разуму и не умели с должным вниманием и смирением выслушать голос старейшей Восточной церкви. Вместо разума древней, христианской церкви, которому они могли бы научиться у верной наследницы её Православной церкви Восточной, пришлось им пробавляться своим разумом в выработке вероучения для своих новых протестантских обществ. Правда, они думали держаться при этом слова Божия, евангелия, почему называли себя еще и *евангеликами.* И то хорошо, что они, по подобию Восточной церкви и в противность римской, старались распространить в народе знание Слова Божия, перевели его на народные языки, ввели и богослужение на народных языках. Но то забыли они, что Слово Божие предано Богом Его святой церкви, которая, как говорит и само Слово Божие, есть *столп и утверждение истины,* что истинное толкование Слова Божия, а потому и истинное, православное определение содержащегося в нем учения веры утверждается на священном предании и разуме Вселенской церкви, а не на разуме всякого умствователя и

самозваного учителя. Иначе всякий станет толковать, судить, мудрить и рядить по-своему. Так и вышло у реформаторов, протестантов или мнимых евангеликов. По различию учителей, явились у них и разные толки и секты, на которые и распались новые христианские общины на западе. От Лютера пошли *лютеране* и *лютеранское* вероисповедание; от Кальвина—*кальвинисты* и кальвинское исповедание; от Социна (в Италии) *социниане,* которых называл также *арианами,* потому что, подобно древнему еретику Арию, они (страшно сказать!) отвергали таинство Святой Троицы и Божество Господа нашего Иисуса Христа. Из общего омута сект возникли еще анабаптисты или *перекрещенцы,* дерзнувшие перекрещивать своих последователей. Были и другие секты, перечислять которые нет надобности. А то надобно сказать, что дух реформации, поветрие сектантства не замедлили проникнуть в Польшу и Литву. Из разных стран Западной Европы понаходили в Польшу и Литву учителя и проповедники новых учений и толков. Нашлись здесь у них слушатели и последователи среди поляков и литовцев, принадлежавших дотоле к римской или латинской церкви. А нашлись потому, что и в Польше многим стали в тягость иго папской власти и соблазн злоупотреблений римской церкви. Иные же увлекались новыми учениями и толками просто по их новости и заманчивой вольности, льстившей панской вольности. Все это зачалось еще при

Сигизмунде I, но особенно усилилось при сыне его Сигизмунде II Августе, который в молодости и сам дружил с протестантами. Как в Западной Европе, так в Польше и Литве протестантство оказалось в разных толках или сектах. Сильнее всех был кальвинисткий толк. К нему пристали многие из польских и литовских панов, бывших латинян. Знатнейшие паны Радзивиллы (Николай Черный и Николай Рыжий) были главными покровителями кальвинизма в Литве и Вильне. Выли в Польше и Литве и лютеране, преимущественно среди городских мещан. Был еще особый толк Морав*ских братьев,* выходцев из Чехии и Моравии. Были социниане или ариане, также имевшие последователей и покровителей среди польских и литовских панов, а рядом с ними появились *перекрещенцы* и даже *полу-жидовствующие.* Польско-литовское сектантство представляло собою опасный соблазн и для православных соседней Западной России. Правда, сами же поляки, поминая то бурное время, замечают, что русские православные с благородной твёрдостью стояли при своей праотцовской вере и не поддавались соблазну с такою лёгкостью, как римско-католики польские и литовские. Но надо сознаться, что и между русскими православными панами нашлись соблазнившиеся, хотя их было и не много. Так например, в Литве знатный пап Ян Ходкевич, внук основателя православного Супрасльскаго монастыря, дал себя увлечь в кальвинизм. А на Волыни нашлись и

такие легкомысленные паны из русских, которые пристали даже к арианству, по примеру своих польских знакомцев. Прискорбны были для церкви православной такие отпадения от неё хотя бы и немногих панов. Но в связи с польско-литовским сектантством возникли для неё еще другие беды и напасти.

2. Иезуиты в Польше, Литве и Западной России. Борьба их с сектантами; замыслы против церкви православной.

В то время как в Западной Европе была в самом разгаре борьба между римскими папами и их римско-католическою церковью с одной стороны, и с реформаторами или протестантами с другой, на помощь папам и римской церкви в этой борьбе выступил новый римско-католический монашеский *орден иезуитов.* Орденами в Западном латинском монашестве назывались такие монашеские сообщества, которые, кроме общих монашеских обетов, одинаково свойственных и восточному и западному монашеству, поставляли для себя еще особенные обеты и правила. Назывались они обыкновенно по именам основателей ордена, каковы, например: францисканцы от Франциска, доминиканцы от Доминика и тому подобное. Орден иезуитов основан (в 1540 г.) испанцем *Игнатием Лойолой.* Но он и его последователи усвоили себе

название *иезуитов* в той горделивой мысли, будто они какие-то особенные общинники или товарищи Христа Иисуса (по латыни Iezusa). Главным обетом их было бороться за папу и римскую церковь по всему свету, распространять и растить по всему свету их власть, а с тем вместе и могущество своего ордена. Они любили говорить, что подвизаются *для большей славы Божией.* Но слава Божия сливалась для них с славой и величием папства и их ордена. Между тем, прикрываясь своей поговоркой „для большей славы Божией", иезуиты приняли в свою орденскую веру ту страшную мысль, что можно не разбирать средств в достижении той цели, какой задались они, что тут позволительны и добрые и худые средства. Рядом с такими, по виду добрыми средствами, как наука, проповедь, благотворительность и тому подобное, допускались у них всякие хитрые происки, проделки, обольщения, насилия. Они говорили „цель освящает, оправдывает средства". Скоро римские папы и многие латинские епископы приметили, что в иезуитах римская церковь приобретает сильное и искусное воинство для борьбы с отпадшими от неё протестантами и для новых завоеваний в среде православных, других христианских и нехристианских народов в мире.

К помощи иезуитов прибегли папа и латинские епископы в своей борьбе и с польско-литовским разноверием и сектантством.

Устрашаемый слухами об этом сектантстве, папа прислал в Польшу чрезвычайного посла (нунция), одного из своих кардиналов, то есть старших епископов, числившихся при папском дворе. Этот посол сперва напугал короля Сигизмунда-Августа за его потворство разноверцам. „От них, говорил он королю, пойдут мятежи и войны, а отсюда великие беды государству". Король испугался, стал чуждаться разноверцев-протестантов и обещал стоять за восстановление в его государствах господства единой римской церкви. Это было в 1564 году. А в 1569 году, в последний день Люблинского съезда, король в своей речи на закрытии съезда сказал: „теперь, когда на съезде утверждена политическая уния, то есть государственное единство наших стран, хочу я подумать о восстановлении и единства веры, единства религиозного, то есть господства единой римской церкви". В эти же годы состоялся вызов и иезуитов в Польшу и Литву. В Польше, по совету с тем же папским послом, вызвал иезуитов в свою епархию один из польских бискупов (Осия епископ Варминский), отличавшийся наибольшею ревностью в борьбе с разноверием и в защите папы и римской церкви. Примеру его стали следовать и другие польские бискупы. А в 1569 г., ровно через месяц после Люблинского съезда, по совету того же польского бискупа, вызвал иезуитов в Литву, в Вильну Виленский латинский епископ (Валерьян Протасович). Тот же польский бискуп и прислал ему

первых пятерых иезуитов. На встречу им Виленский бискуп послал свою крытую телегу и отряд вооруженных слуг, боясь, чтобы Виленские сектанты не учинили нападения на неприятных им пришельцев. Так иезуиты и въехали в Вильну и смиренно явились к бискупу. С радостью приняв их, бискуп дал им на житье свой большой дом, а потом и другие два дома с разными доходами к ним. Затем, по их просьбе, отнял у своих местных ксендзов и отдал иезуитам костел святого Яна, один из важнейших костелов в Вильне[6]). Вскоре к первым иезуитам, бывшим большей частью из иностранцев, присоединились и другие, уже из поляков, — ксендзов, приставших к ордену иезуитов в Польше.

Так устроившись, иезуиты начали свои подвиги. Надобно правду сказать, что и между Виленскими иезуитами были люди весьма ученые, речистые, искусные, и все были горячие ревнители своего дела. Завели они торжественные службы костёльные, привлекавшие народ. В проповедях на этих службах сейчас принялись они громить сектантов, как заблудших и отступников, и защищать римское вероучение и папство. Смело выступали они и на устные прения (диспуты) с сектантами. Заметили сектанты, что не легко препираться с иезуитами и стали

[6] Все эти дары утвердил за иезуитами и король Сигизмунд-Август.

уклоняться от прений. Тогда иезуиты устраивали подобие этих прений. Делалось это так: один иезуит представлял собою лютеранина, другой кальвиниста, третий социнианина или арианина, а четвертый—римско-католика или паписта. Прения велись пред толпой любопытных, и выходило так, что иезуит римско-католик-папист побеждал и лютеранина и кальвиниста и социнианина. Оно и не трудно было побеждать. Ибо в сектантстве было много заблуждений и неправды. А в учении римской церкви было и есть больше истины, оставшейся в нем от учения древней, вселенской православной церкви и после отпадения её от последней. Жаль только, что не вся эта истина сохранилась в римской церкви, что защищая ту часть истины, которую она унаследовала от древней вселенской и православной церкви, иезуиты еще с большим усердием ратовали за новоизмышленные учения римской церкви, каково например учение о главенстве папы. Но как скоро иезуиты на подобных лицедейных прениях казались толпе победителями в одном, в чем были они правы, то толпа думала, что они правы и во всем остальном. Так стали они слыть победителями и посрамителями сектантов. Еще более сильное оружие нашли иезуиты в своих школах, которые назывались *коллегиями,* то есть сотовариществами. Были уже такие коллегии в Польше. Основали иезуиты свою коллегию и в Вильне. Будучи сами хорошо обеспечены,

они принимали в нее даром. Впрочем они старались заманивать в нее детей особенно из знатных и богатых фамилий, которые и без просьбы хорошо вознаграждали за учение своих детей. Притом они и задались мыслью овладеть чрез свое учение детьми, а чрез них и родителями знатных и богатых панов, чтобы чрез все это увеличить свою силу в обществе. Они умели льстить своим питомцам из знати, давали им первые места в школе, делали потачки в шалостях, чтобы те больше любили их. Учили же они разным наукам, особенно латыни, которая считалась тогда великой мудростью, учили красно говорить, тонко и хитро рассуждать и спорить. А все это годилось тогда для блеска в свете, для успеха на службе, в собраниях панов на сеймах, судах и тому подобное. Само собой разумеется, что в своих питомцах иезуиты старались и умели воспитать неприязнь к иноверцам и ревность к римской церкви и папству. Так приобретали они в своих питомцах будущих союзников себе, а некоторых из них, более способных, заманивали прямо в свой орден, так что к старым иезуитам прибавилось немало молодых. Умели также иезуиты действовать чрез исповедь, как искусные духовники. Умели проникать в семьи и как духовники и как вообще учителя и советники, и пользовались этим для возбуждения неприязни к разноверцам и ревности по вере своей римской церкви. Так укрепившись в римско-католическом обществе, иезуиты могли уже смелее,

решительнее направить свои силы и на польско-литовских разноверцев, сектантов. И тут начали они прежде всего с знатных фамилий, чтобы отнять у сектантов сильных покровителей. Одной из первых блестящих удач их было приобретение старшей линии из фамилии Радзивиллов. После старшего из Радзивиллов Николая Черного, бывшего главного патрона кальвинистов, остались четыре молодых сына, которым отец перед смертью завещал твердо держаться кальвинистов. Теперь, по внушению иезуитов, они один за другим отреклись от кальвинизма, стали ревнителями римской церкви и папства, а один из них (Юрий) стал со временем латинским бискупом и кардиналом и жестоко преследовал своих прежних единоверцев. Подобную удачу имели иезуиты и с несколькими другими из знатных сектантов. Пример и успехи иезуитов оживили ревность к борьбе с сектантами и в прочих польско-литовских, латинских ксендзах, монахах с бискупами во главе. А ко всем им стали более и более примыкать паны и шляхта. Одновременно с этим более и более редели ряды польско-литовских разноверцев. Правда, их оставалось еще много, и борьба с ними иезуитов и их пособников затянулась на многие десятилетия. Но надеясь со временем осилить и остальных польско-литовских разноверцев, иезуиты и союзные с ними польско-литовские ксендзы, монахи и бискупы, направили свои сплоченные силы и на православных Западной

России, чтобы и их привести под власть римской церкви, а чрез это сильнее прикрепить к Польше.

Сильной помощью им в этом замысле была уже сама Люблинская государственная уния, открывшая пути к усилению власти Польши и поляков в Литве и Западной России. А вскоре затем на подмогу замыслам их явилось новое обстоятельство. Когда последний из Ягеллонов Сигизмунд Август скончался (1572 г.) бездетным, то после полугодичного бескоролевья, настало в Польше избирательное правление. Оно состояло в том, что в Польше уже не было одного королевского рода, как прежде род Ягеллонов, не было королей по праву законного наследства, а были короли избираемые на сеймах, которые могли брать таких королей из разных родов чужих и своих польских. Понятно, что когда, после Люблинской унии, Польша считала себя главной властительницей в соединенных с ней землях, то и само избрание королей происходило уже в Польше и зависело главным образом от польских панов, бискупов с польской шляхтой и польскими сеймами. Понятно, что и самой властью таких избираемых королей польские паны и бискупы могли заправлять, как хотели, и потому могли пользоваться ею для выполнения иезуитских и своих собственных замыслов против православной веры и русской народности в Западной России. Правда, на сеймах, бывших во

время бескоролевья, в виду еще сильного числа разноверцев, ради мира и спокойствия постановлено было для выборных королей, в числе других обязательств, и то обязательство, что они будут уважать свободу вероисповедания и права всех жителей своего государства. Это могло бы быть полезно и православным. Но дело в том, что латино-польские бискупы и союзные с ними паны умели не дозволять королям исполнять такое обязательство, или же избирать таких королей, которые и сами в угоду им не захотят исполнять его. Так и сталось.

Первого избранного короля польские бискупы и паны в сговоре с папским послом добыли себе из Франции в лице брата тогдашнего короля французского. Устроили они это дело, как сами говорили, во славу *римско-католической церкви.* Ибо тогда во Франции, в Париже, при дворе короля верховодили иезуиты и паписты, и еще недавно с его ведома устроили страшную резню протестантов будто бы для защиты и во славу римской церкви[7]). Надеялись поэтому, что и брат французского короля покажет себя в Польше рьяным ревнителем римско-

[7] Была в Париже придворная свадьба, на которую съехалось много протестантов. И вот, во время свадебных празднеств, в ночь пред днем святого Варфоломея (25 авт. 1572 г.), паписты внезапно кинулись на ничего не подозревавших протестантов и перебили множество их. Когда слух о кровавом подвиге изуверов дошел в Рим, то во славу его устроили иллюминацию.

католической церкви и врагом несогласных с нею. Новый король и прибыл в Польшу, в её столицу Краков. Оказался он ветреником. Да и побыл недолго—не более полгода. Узнав о смерти своего брата короля в Париже, он ночью тайком бежал туда из Кракова на посмех польским панам и бискупам (1574 г.). Пришлось теперь искать другого короля. Нашелся охотник и был избран в короли князь небольшой страны Семиградья или Трансильвании (принадлежащей теперь Австрии). То был *Стефан Баторий* (1575—1587 Г.). Был он способный король. Поляки рады были ему. Не могли радоваться ему русские православные. Ибо он благоволил гораздо более полякам, чем русским и готов был потакать замыслам папы и латино-польских бискупов, ксендзов и панов против церкви Православной. Был он усердным покровителем и польских и литовских иезуитов. При нем они стали так сильны, что сам, он не то в шутку, не то в правду, говаривал: „если бы я не был королем, то был-бы иезуитом". Много обогатил и возвысил он Виленских иезуитов и их коллегии. А в Полоцке, тогда чисто русском городе, насильно отнял у православных и отдал иезуитам большую часть церквей и монастырей с их имениями. Это была вопиющая несправедливость, но иезуиты воспользовались ею ради пользы и славы римско-католической церкви, держась своего правила: цель оправдывает средства.

После Стефана Батория († 1587 г.) стал королем Сигизмунд III (1587—1632), избранный из шведских королевичей. То был уже прямо питомец иезуитов; они же орудовали им, как польским королем, имея опору в его духовнике иезуите. С ним советовался король во всем, и без его совета не предпринимал ничего, даже в делах общественных. Ревнуя о господстве и славе римско-католической церкви в землях своего государства, Сигизмунд III готов был всячески стеснять свободу и права христиан других исповеданий, особенно православных, и готов был вообще на всякие средства к тому, чтобы привлечь их под власть папы и римской церкви. При этом то короле созрел у иезуитов замысел о *церковной унии,* о чем они стали высказываться еще при Стефане Батории.

Мысль об этой унии была старою мыслью римских пап. Образец её имелся у них в известной уже нам Флорентийской унии, бывшей за полтораста лет пред сим. Не удалась им тогда эта уния ни на Востоке, ни в России. Но они не забывали о ней. Теперь она казалась им особенно желанной и возможной. Реформация отняла у пап и у римской церкви целые народы и страны в Западной Европе. Несмотря на все усилия пап и иезуитов не чуялась надежда на скорое возвращение этих потерь. И вот возникло усиленное желание пополнить эти потери новыми завоеваниями в среде

православного мира. Чаще прежнего стали появляться от папы или союзных с ним государей послы и миссионеры в России Восточной и Западной. В Восточной или Московской Руси пытались они действовать на самих царей, склоняя их на унию, то есть на признание главенства папы и римской церкви. Чрез царей надеялись они привлечь в унию и весь народ. Некоторые из таких послов, возвратясь из Московской России, говаривали между своими: „если бы папам удалось привлечь под свою власть такую великую страну и такой многочисленный и набожный народ, то они могли бы не жалеть о своих потерях среди народов Западной Европы“. Но надежды на подчинение папе Восточной Руси оказались напрасными. В этом имел случай убедиться даже самый искусный иезуит Антоний Поссевин, бывший папским послом у царя Ивана Васильевича Грозного. Задумал он повести с царем речь о вере. Сначала царь совсем не хотел и говорить с ним о вере. Но иезуит усиленно напрашивался, и царь позволил ему повести речь о вере. Сейчас услышал царь от него старые и подновлённые речи о Флорентийской унии, которую будто бы приняли и греки, о главенстве папы, как наместника Христова по преемству от святого апостола Петра, бывшего будто бы единым верховным наместником Христа в церкви Божией. Царь сперва терпел, потом заговорил сильно против речей иезуита. Про Флорентийскую унию сказал: „знаем мы про ту

унию и про тот собор неправый, который отвергли и греки и наши предки. А хотя бы и были некоторые греки когда ни будь принявшие ту унию, то мы верим Христу и Евангелию, а не тем грекам. Знаем мы и то, что были в Риме и папы— епископы правоверующие, благочестивые и даже святые; тех и мы почитаем. Но потом папы с своей римской церковью отпали от единой православной Вселенской церкви, стали выситься и самовластвовать, ввели разные свои новые учения, противные вере православной. Этих пап мы не признаем истинными наместниками святого апостола Петра, власти их не подчинимся". Иезуит позволил себе криво толковать некоторые из благочестивых обычаев, замеченные им в Москве. Царь сказал ему: „называешься ты ученым, а теперь вижу, что ты невежа. Если бы ты читал наши церковные книги, то нашел бы там истинное толкование этих обычаев". После всего царь сказал иезуиту: „Антоний! побывай ты завтра в нашей соборной церкви Успения Божией Матери. Там увидишь ты, как мы молимся по православному. Там будешь иметь утешение видеть чудотворную икону Божией Матери". Иезуит обещал побывать, но не был. Так ни с чем он и уехал из Москвы. На пути из неё в Рим, он остановился в Вильне и тут держал совет с другими иезуитами о том, чтобы унию ввести пока только в Западной России. Он говорил: „нечего теперь думать об унии в Восточной или Московской России. Там царь и народ одной

веры. Надежнее эта уния в Западной России. Она подвластна польскому королю, который сам принадлежит к римско-католической церкви, и потому его властью и можно воспользоваться для этой цели; нужно еще действовать на русских князей и господ, чтобы их склонить к унии. А для этого нужно усиленно издавать и пускать в оборот книжки с наставлениями о римской церкви, как единой истинной и об унии с нею." Такие книжки польско-литовские иезуиты начали издавать еще и прежде. Один из славнейших в Польше и Литве иезуитов Петр Скарга, издал (в 1577 г.) такую книжку под заглавием „о единств» *церкви Божией",* доказывая, будто единая истинная церковь есть только римско-католическая, что соединиться с нею, то есть принять унию, должны и русские православные. Эту книжку он посвятил славнейшему из православных князей Константину Константиновичу Острожскому, надеясь совратить его в унию, а именем его подействовать и на других; но это ему не удалось! Теперь по общему совету и дружной работой иезуитов пущены в оборот уже многие книжки с речами об унии, о которой усиленнее стали голосить они и в своих проповедях. Будущую унию они описывали так, что это будет только братское единение с римской церковью под главенством или властью паны, что затем и при унии в западно-русской церкви останется все по прежнему: останутся свои русские епископы, священники, церкви, монастыри,

обряды, таинства и все богослужение на церковно-славянском языке. А про себя говорили: „уния эта будет только мостом *к латинству,* средством к переводу, то есть к превращению русских православных в латинян таких же, как и поляки“. Это-то и было особенно угодно папе, бискупам, ксендзам и панам. Поэтому они вместе с королями и оказывали всякую поддержку иезуитам в их замысле об унии. Впрочем иезуиты не опускали случая теперь же, не дожидаясь унии, совращать отдельных лиц из русских панов прямо в латинство, и это еще более нравилось полякам, потому что такие совращенные уже становились поляками.

3. Опасности для православной веры от умножения беспорядков в церковном управлении.

Велики были те опасности, которые грозили вере и народности западно-руссов от чужих, то есть от польско-литовских разноверцев и от иезуитов, поддерживаемых польскими бискупами и королями. Но к опасностям от чужих присоединились беды *от сродник,* от своих русских той же Западной Руси. При последних Ягеллонах и первых королях избирательного правления множились в ней нарушители церковного порядка и нерадивцы о благочестии. От этого

множился и беспорядок в церкви, это же грозило умалить духовные силы её, так нужные ей для борьбы с соблазнами и напастями отвне. Святое дело правда. И вот, по этой правде, надо сказать, что были нарушители церковного порядка и нерадивцы о церкви и между теми русскими панами, которые считались ктиторами и патронами церквей и монастырей. Бывало например, так: начальный ктитор построит или обновит церковь, монастырь, заботится о благосостоянии их и о добром порядке в них, старается, чтобы при церквах были добрые священники, в монастырях добрые настоятели. А затем дети, потомки или родичи его начинают нерадеть о своих обязанностях, а больше думают о своих правах, даже злоупотребляют ими. Они расхищают церковное имущество, захватывают церковные или монастырские земли, отдают их в аренду, закладывают, и тому подобное. Они отдают настоятельские места в церквах и монастырях людям не по вниманию к их достоинству, а за плату и как бы в аренду. Бывало еще и так, что паны выпрашивали или покупали себе у короля право ктиторства и патронатства на тот или другой монастырь. Хотя, и между такими бывали лучшие люди, исполнявшие свои обязанности ктиторства, но бывали и худшие, которые только для того и приобретали право ктиторства над церквами и монастырями, чтобы пользоваться доходами с принадлежавших им земель и угодий. Подобные злоупотребления

начались давно: с жалостью указывал на них, как мы говорили, еще митрополит Иосиф Солтан на Виленском Соборе 1509 г. Но к концу правления Ягеллонов, особенно при последнем из них Сигизмунде Августе и его преемниках, такие злоупотребления видимо умножились. И это потому еще, что Сигизмунд Август, хотя и король, нуждался в деньгах, никогда не выходил из долгов, и потому рад был продавать криторские и патронатския права на церкви и монастыри, то есть на их имения. Это несколько извиняет русских панов, но отнюдь не оправдывает. Но было еще нечто худшее. Бывало так, что бывшие русские имения, в которых находились православные церкви или монастыри, попадали в руки польско-литовских разноверцев или римско-католиков, чрез покупку или чрез брак с русскими. Понятно, что такие владельцы уже совсем не радели о православных церквах и монастырях, а то и обращали их в свои костелы и кирки.

Та же святая правда обязывает сказать, что были нарушители церковного порядка, бесчинники и нерадивцы о церкви и благочестии даже среди епископов, архимандритов, игуменов, монахов и вообще духовных лиц. Тут надо прежде всего помнить, что в появлении таких лиц на служении церкви не сама она была виновата. Уставы церкви святы; образ истинного порядка и благочестия есть в ней всегда, охраняемый духом веры, при помощи благодати

Божией. Виноваты люди и та мирская среда, из которой выходили они на служение церкви. В епископы и настоятели монастырей поступали большей частью миряне из дворян, чиновников и других лиц, и притом таких, которые часто почти совсем не были приготовлены к церковному служению, мало и думали о нем. Епископства и настоятельства привлекали их только большими имениями, которые в течении многого времени накопились при кафедрах и монастырях от пожертвований людей благочестивых. Понятно, что такие люди достигали епископств и настоятельств не по церковному порядку, не по церковном испытании и не по церковному избранию, а путем искательств, платежей, подкупов. Но такой вредный обычай еще более усилился чрез вмешательство польских королей и придворных. Короли усвоили себе неограниченное право раздавать епископства и настоятельства; в этом смысле они называли себя „верховными подателями столищ духовных и всех хлебов духовных". Короли стали раздавать епископии и монастыри своим служилым дворянам и чиновникам вместо награды за бывшую военную или гражданскую службу их, или же за службу их детей и родичей. Между получившими таким путем епископства и настоятельства могли еще попадаться и люди недурные, даже достойные, но чаще попадались просто искатели покойной и беспечной жизни в богатых имениях церковных. Но было гораздо хуже. Завелся при

королевском дворе настоящий торг епископиями и настоятельствами. При предпоследнем Ягеллоне Сигизмунде I широко торговала ими его жена, королева Бона, жадная на деньги. Торговал потом и сын их Сигизмунд II Август, который из-за своей расточительности, как было уже сказало, всегда был в долгах и потому нуждался в деньгах. Держался этот торг и потом. И вот бывало так, что светские лица, желавшие захватить имения епископии, отправлялись к королю, упрашивали сенаторов, платили деньги и получали право вступить в управление епархией еще при жизни старого епископа. До посвящения они назывались *нареченными* епископами. Точно также и богатые монастыри, по воле короля и по ходатайству придворных, сенаторов, за деньги же, отдавались мирянам шляхетского сословия, будущим якобы игуменам, архимандритам. Такие же раздачи епископий и монастырей делались и по смерти епископов и настоятелей. Бывало и так, что получившие, то есть купившие право на епископию или монастырь, перепродавали его другим; бывало и так, что короли продавали право на одну епископию или один монастырь двум лицам в одно и то же время. Тогда эти лица вели тяжбы, а то и драки и настоящие военные бои между собою за епископию или монастырь. Понятно затем, каковы были все подобные епископы и настоятели монастырей по своим нравам и делам. Они прежде всего старались нажиться с епископий и

монастырей, обогатить свою родню и приятелей, раздавая им церковные земли и доходы; о церковных делах, о добром воспитании и поведении духовенства, о школах, о добром назидании народа они не думали, да и неспособны были думать. Иные из них жили просто как буйные и распущенные паны, какими они были прежде до епископства и настоятельства. Понятно, каково было духовенство и монашество при таких епископах и настоятелях. Лучшие из духовенства и монашества страдали и болели душами: другие, глядя на своих начальников, старших, и сами распускались. Надобно прибавить, что все это в свое время было и в римско-католической церкви и в римско-католическом или латинском духовенстве, как и в других странах, так и в Польше и Литве. Но теперь, в виду опасностей от разноверцев и укоров благомыслящих людей из своих же духовных и мирян, римско-католическое духовенство в Польше и Литве старалось исправиться, восстановить церковный порядок. Думали и у нас о том лучшие люди, ревнители веры и церкви. Но рядом с этим, сторона замышлявшая овладеть Западнорусской церковью, подчинить ее римской церкви, выдвигала разные стеснения и обиды православным, в числе их епископам, с тем расчетом, что они вместо того чтобы опомниться, исправиться, трудиться над восстановлением церковного порядка, предпочтут поддаться римской церкви ради новых каких-либо

выгод. Этот расчет отчасти оправдался, но далеко не так, как надеялись искусители. Ряд опасностей, угрожавших вере, церкви и народности русской, вызывал лучших русских людей православных на новые усилия и мероприятия к охранению и защите своей веры и церкви, а чрез них и народности.

ГЛАВА VI.

Новые мероприятия со стороны православных Западной России к охранению и защите своей веры и церкви.

1. Труды для предостережения от соблазнов сектантских и иезуитских и для обличения неправославных учении.

Между первыми ревнителями православия, принявшими на себя подвиг предостерегать православных собратий от сектантских соблазнов и иезуитских обольщений, были московские пришельцы в Западную Русь.

Труды старца Артемия.

Таков прежде всего старец инок *Артемии.* Жил он теперь в городе Слуцке в Троицком монастыре, ктиторами и патронами которого были сильные князья Олельковичи, потомки бывших киевских князей Олельковичей,

благотворителей и Киево-Печерской лавры. Был он старец книжный и благочестивый, пользовался великим уважением у тогдашнего Слуцкого князя Юрия Олельковича и у многих знавших его. Возскорбел благочестивый старец о соблазнах польско-литовского сектантства, заражавших и его собратий по вере и племени, православных Западной Руси. Сильное послание написал он самым сеятелям соблазна, учителям сектантов и тем, которые слушали их. Слезной молитвою начинает свое послание: „Укрепи мя, Боже, в том, что даровал Ты нам верующим по неизреченной глубине судеб твоих! Подателю истинной премудрости христианам! вразуми меня, даруй устам моим словеса истинныя, ради братий моих и ближних моих! Услыши молитву мою, слез моих не премолчи!" Обращаясь к разноверческим учителям, воображавшим себя умными, он говорит: „хотя я по вашим словам груб, но думаю, что могу предложить вам нечто в научение, ибо не на себя полагаюсь, а на Бога, в Нем полагаю довольство мое в учении, собираю учение из апостолов, пророков и богоносных отцов. А вы, други мои, неправо разумеете Священное писание, божественное учение извращаете своими помыслами, не приемлете толкований богоносных отцов“. Обращаясь далее и ко всем добрым христианам, он взывает: „Увы мне, окаянному! Кто даст главе моей воду и очам моим источник слез! Или кто поставил бы меня в месте безмолвном, где нет

мятежей, ни кликов, ни голосов людских, а где только тишина! И плакал бы я к Богу моему в горести души моей и рек бы Ему со слезами: Ты, Господи, по великому милосердию Твоему, смирил и уничижил Себя до образа раба. Ты, будучи сиянием славы Отчей, благоволил низойти на землю, чтобы Собою совершить очищение грехов наших. Ты не только словом, но и делом показал нам образ любви и смирения. А мы, неблагодарные, не чувствующие Твоих благодеяний, уклоняемся в превратные учения. Дай мне, Христе, слезы умиления, чтобы мне вдоволь оплакать отпадение любимых моих". После таких молитвенных и скорбных воззваний, благочестивый старец переходит к обличению одного за другим лжеучений и заблуждений разноверцев сектантов, указывая им прежде всего на самое разногласие их толков, как знак их неправды, „ибо истина веры Христовой—одна хранится Святою церковью по писаниям и преданиям от святых апостолов и святых отцов и учителей церкви". Было бы долго излагать здесь мудрые и сильные обличения и вразумления старца. Прибавим только, что он же писал послания к отдельным лицам из князей и панов, обращавшимся к нему с вопросами и недоразумениями по поводу сектантских учений. И вразумлялись они и многие другие наставлениями мудрого старца. И памятен был этот подвиг старца Артемия в Западной Руси. Близкий к его времени свидетель писал о нем:

„преподобный инок, споспешествующу ему Господу, в Литве от ереси арианской и лютеранской многих отвратил, а чрез него Бог соделал то, что и весь народ русский в Литве не испортился от этих ересей".

Труды князя Курбского.

Другом старца Артемия и Слуцкого князя был другой москвич, князь Андрей Курбский, поселившийся на Волыни. Артемий ратовал главным образом против сектантского разноверия. А Курбский ревновал оградить православных как от сектантских соблазнов, так и от иезуитских обольщений. Он писывал дружеские, увещательные письма к разным Волынским русским панам, которые знавались с сектантами, или даже увлекались их учениями, и своим знакомым в Волыни, где сильны были замыслы обольщения со стороны иезуитов. Он имел радость видеть, что увлекавшиеся сектантским учением вразумлялись и возвращались к православию. Одному из таких (пану Феодору Бокею), писавшему ему о своем раскаянии и возвращении к православным, Курбский отвечал так: „пишешь мне, возлюбленный брат, с доброю и благоприятною вестию: оставил ты горшее, возлюбил наилучшее. Оставил ты новые вымыслы еретических бредней, оставил нынешнюю, никем не освидетельствованную, многословную ересь и опять

возлюбил священные догматы (истины православного учения), преданные от святых апостолов и от семи великих вселенских соборов Святой церкви. Этим порадовал ты не только своего родителя, мужа доблестного и знатного, но и всех нас, которые дышим прововерием к Богу. Ты порадовал и небесных ангелов; ибо Сам Сын Божий сказал: *радость бывает на небеси о едином грешнике кающемся* (Лук. 15, 17). Но и теперь надлежит тебе старательно остерегаться от козней тёмного врага, который обольстил и наших праотцев в раю, а ныне силится уловить правоверных чрез лживые учения. А как остерегаться? Надобно читать священные книги и писания великих учителей наших, как учит и Господь: *испытайте Писания, яко в них обрящете живот вечный* (Иоан. 5, 39); надо молиться, да отверзет тебе Господь сердечные очи, чтоб уразуметь глубину священных Писаний. Надо следовать за благочестивыми мужами, искусными в писаниях святых и делать все это со смиренномудрием, ибо и сам Христос дал нам образ смирения. Не надобно вдаваться в разглагольство с людьми нечестивыми, дышащими еретичеством, ибо *худые сообщества* развращают добрые нравы (1 Кор. 15,33)... Блюдись, возлюбленный брат, от сектантов, раскольников, разноверников, хулителей истины Божией; а люби, по Боге, друзей Божиих, как сказал и пророк: *зело честна была мне друзи Твои, Боже* (Пс. 148,17). А кто эти други Божия? Это святые

избранные, которых души на небесах, у престола Божия: они непрестанно молятся о нас Христу Богу нашему, а нам оставили на память образ святого жития своего, а некоторые из них сверх того оставили нам и книги, ими написанные. В их учении пребывай, в них полагай основание твоей веры, соединяя ее с добрыми делами. Прошу тебя, посещай и меня, твоего приятеля, в доме моем, чтобы найти некое утешение от чтения священных книг, имеющихся у меня для твоего утверждения в вере". Друзья продолжали и потом переписываться для общего назидания себе и другим; ибо делились тогда православные ревнители подобными письмами ради общего назидания и утверждения в вере своих знакомых и друзей. Предостерегая Виленских православных от иезуитских соблазнов, князь Андрей писал к почтенному и разумному мещанину виленскому Кузьме Мамоничу: „Господину и брату моему милому, пану Кузьме, обычное и доброхотное поздравление, с женою, с чадами и со всем домом. Слыхал я от нескольких почтенных людей, также и от твоей милости об иезуите, который много и ядовито говорил на нашу святую, непорочную веру, называя нас схизматиками. Нет! сами-то они сущие схизматики, напившиеся от мутных источников, истекающих от их новомудренных пап: ибо они явные преступники и противники седми вселенских соборов, которых держались не только восточные епископы, но и западные, и сами папы древние и

святые. Но об этом, даст Бог, поговорим шире потом не только с своими, но и с ихними. А теперь упомяну лишь о том, чем они устрашают наших, несовершенно ведующих священные писания. Они говорят: „не могут надеяться на спасение те, которые не повинуются римскому папе". Но это не более, как лживое пугалище, которое легко изобличается. Еще: они смешивают нас с лютеранами, цвинглиянами, кальвинами и другими разноверцами. Но это только их хитрость: чрез нее они хотят нас правоверных, утвержденных на апостольских догматах и вселенских соборах, отвесть к своему полуверию, к своему новоизмышленному богословию от нашего истинного богословия. Хорошо навыкать словесному искусству, чтоб оборонять правду. А в их богословии — красноглаголание, смешанное с хитрым умничаньем. Они хвалят и превозносят своего грозного и вельможного папу, препоясаннаго оружием и окружающего себя полками вооруженных воинов; и хулят наших убогих патриархов, по Божию попущению, мученически страдающих среди безбожных турок, но твердо хранящих вероучение и благочестие... Впрочем прошу и вторично прошу вашу милость, советуйте своим, чтоб не хаживали слушать их казаний (проповедей), не вдавались в прения с ними, ибо и Апостол сказал: *худые беседы развращают добрые нравы.* А мы, если Бог восхощет, поспешим к вам с тремя свидетелями, святыми Дионисием Ареопагитом, святым Иоанном Златоустом,

святым Иоанном Дамаскиным и другими древними святыми учителями, которые ясно обличают их новоизмышленные догматы о происхождении Святого Духа, о папе и прочее[8]).

Если заблагорассудите, ваша милость, то прочтите это мое писанийце в доме пана Зарецкого[9]) и всем в правоверии стоящим Виленским мещанам; а меня многогрешного в любви и в молитве пред Богом не забывайте!" В другом письме к тому же Кузьме Мамоничу князь Андрей, упомянув о книжке, которую иезуит написал в похвалу новых римских учений и для привлечения православных под власть папы, продолжает: „о, Благодать Божия! как раз в это яге время подана на помощь нам книга, принесенная от святой Афонской горы, которую, получивший ее князь Константин Острожский дал на перепись и мне; она уже и переписана у меня." Эта книга заключала в себе творение славных православных учителей Григория и Нила, митрополитов Солунских, писанныя в обличение латинян-папистов, особенно их ложного учения о происхождении Святого Духа. Об этой книге князь Андрей справедливо говорит, что в ней явно и сильно изобличены и теперешние и прежние вымыслы и хитрые доводы и

[8] Разумеются творения этих святых отцов и учителей, полученные недавно пред тем князем Курбским с Афона.

[9] Зиновий Зарецкий был тогда Виленским бурмистром.

рассуждения пап, кардиналов и пресловутых латинских богословов. „И так, говорит он далее, прочтите это мое письмо всему Виленскому собранию православных, да возревнуют они ревностью Божией по родном праотеческом правоверии, да наймут добраго писаря, который бы переписал эту книгу. А когда будет переписана, то пусть читают ее трезвенно и со вниманием... Так, любимый мой, второй и третий раз напоминаю вам по духовной любви: не ужасайтесь хитросплетений иезуитских, не отчаивайтесь, не унывайте. Изберите себе добраго священника, а хотя бы и мирянина, но искуснаго в писании, и с ним, приняв в руки ту книгу, отражайте ею, как непреоборимым оружием; иезуитские полки, призывая на помощь Святую Троицу; ибо против неё грешат папы и иезуиты, полагая в Божестве два начала или два источника животворящаго Духа, вопреки учению Самого Господа и святых отцов церкви" [10]). Остерегал князь Андрей от иезуитских соблазнов и своих соседей на Волыни. Жила там тогда вдова княгиня Чарторыжская с своими детьми из старинного и славного рода русско-литовских православных

[10] Господь Иисус Христос говорит в Святом Писании о Святом Духе: Иже от Отца исходит (Иоан. 15, 26). Так учили и Святые Отцы, учила Вселенская Церковь, внесшая слова Господа и в символ веры, то есть, что Дух Святой исходит от Единаго Отца, как и Сын Божии раздается от Единаго Отца. А папы и паписты позже начали учить, что Дух Святой происходит от Отца и Сына, так что полагают в Боге два начала.

князей Чарторыжских. К этой княгине писывал и старец Артемий с предостережениями от латинских соблазнов. Теперь князь Андрей узнал от неё, что её молодой сын, получивший доброе домашнее воспитание, утвержден в православии, что однако же княгиня хочет послать его в Вильну для некоторых наук в иезуитской школе. По этому поводу князь Андрей писал ей: „Честнейшей госпоже, вельможной и светлой в роде, а светлейшей в православии, сияющей чистотою вдовства,—покорное от нас поклонение твоей честности: да будешь здрава с возлюбленными чадами своими. Много благодарим тебе за то, что твоя честность писала нам о своем сыне: что он утвержден в страхе Божием и праотеческом православии и охоту имеет к священным писаниям. Прекрасно видеть, что в ионом возрасте он слушает Христа: *испытайте писаний, яко вы мните в них имети живот вечный* (Иоан. 5, 39). Те, в ком с молодости под наитием священных писаний вселится благодать Божия, бывают великими и знатными в совершенном возрасте. Господи Иисусе Христе, Боже наш! соверши это в Твоем младенце! Но вот твоя милость пишет мне, что хочешь послать его в Вильну, в школу отцов иезуитов. Похваляю и это. Но, как слуга и приятель твой, со всем благожелательством, не хочу утаить от тебя следующее: многие родители из княжеских, дворянских и горожанских родов отдавали туда своих деток. Но те отцы иезуиты, еще и неучи, прежде всего силятся

почти всех детей, как малоразумеющих, заговаривать хитростью, чтоб отлучить их от правоверия и перекрестить в свое полуверие. Были уже и совращенные ими. Поэтому многие родители опять поотнимали своих детей от иезуитов. Ибо иезуиты называют нас схизматиками, будучи сами схизматиками с их папою и кардиналами. Пишу я это опять не по ненависти и не по зависти к ним, а пишу в правду, остерегая вашу честность. Я знаю, что великие святые учителя Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст посылаемы были из своих родительских домов в Афины слушать свободные мирские пауки у поганских (языческих) философов, но правоты душевной и отеческого правоверия они не утеряли, а возвратились чистыми, с запасом полезных знаний, подобно кораблям из дальних плаваний. Впрочем, отдаю это на мудрое рассуждение вашей милости и ваших приятелей. А пока посылаю мои листы, писанные одному из собратий в обличение иезуитов. Затем прошу вашу милость не забывать меня в святых молитвах своих."

Были ревнители и среди самых западнорусских православных, предостерегавшие близких себе от соблазнов сектантских и иезуитских. Один из волынских знатных панов, Василий Загоровский, был ранен в битве с татарами и уведен был ими в плен (1576 г.). Опасаясь там за свою жизнь, он написал духовное завещание, в

котором между прочим делает распоряжения и о сыновьях, еще недорослей. Наказав, чтобы они сперва учились дома по церковному у дьяка, а потом, если можно, были бы отданы и в Виленскую школу, он однако прибавляет: „но мои сыновья никогда не должны забывать и пренебрегать своего русского письма и своей русской речи, а также добрых и покорных обычаев русских. Особенно же святой веры своей, в которой призвал их Бог на свет, и богослужения нашего церковного никогда не должны они опускать; должны они также хранить священное писание и заповеди, описанные в святом Евангелии, молиться Богу, своему Творцу, любить каждого ближнего, как самих себя, а всякой ереси, как заразы телесной и душевной, крепко остерегаться и отвращаться от неё. Именем Бога, единого в Троице и милосердного, обязываю их не иметь общения с теми людьми, которые, отступивши достойных преданий церковных, своевольно вдались в ереси; и тем более не входить в приязнь с ними и не держать их в доме своем никогда, исключая разве какие-либо крайне вынужденные случаи".

К наиболее знаменитым ревнителям и защитникам православия принадлежал тогда, по наследию от своего отца, князь Константин Константинович Острожский. Он в своем городе Остроге собирал разумным и книжных мужей духовных и светских и поручал им писать листы

и книжки в защиту православия и в обличение сектантства и латинства или папства. И было издано в городе Остроге несколько таких книг. Запомним здесь одну из них.

Труд Острожского священника Василия.

Это книжка Острожского священника *Василия.* Ея заглавие краткое: о *единой вере,*—полное: *о единой истинной православной вере и о святой соборной апостольской церкви, откуда начало приняла и как повсюду распространилась.* В предисловии к своей книге Василий так заявляет о её цели: „те из нас, которые, по милости благаго Бога, по благодати Господа нашего Иисуса Христа и по действу Святого Духа, сами избегли лукавых сетей и лестей еретических, должны предостерегать от них и других, несведущих или малосведущих. Потому и предлагаем эту книгу". Защищая в этой книге учение православной веры и церкви, писатель обличает ложные учения и толки сперва латинян-папистов. Тут указывает он особенно на те книжки иезуита Скарги о единстве церкви, и других иезуитов, которые пущены ими были в оборот на обольщение православных. Потом обличает и те учения протестантских или сектантских толков, которые были тогда более ходячими у них на соблазн православным. Книга Василия весьма обширная, разумная и основательная,

ибо хорошо знал он и Священное Писание и писания святых Отцов, церковных учителей и повествователей. Приведем здесь лишь два—три примера на то, как рассуждает этот ревнитель православной веры и церкви и обличитель противников её.

Начиная свое рассуждение *о единой вере и церкви,* он говорил так: „апостол глаголет: *един Господ, едина вера, едино крещение, един Бог и Отец всех, Иже над всеми, и о всех и во всех нас* (Ефес. 4, 5—6). Если так, если един Господь, едина вера, то значит все другие веры или ложные, вымышленные или с примесью обмана. Ложных вер много между неверными. Но есть неправые веры и между именуемыми христианами. Теперь нам нужно показать единую истинную веру и изобличить неправые, чтобы нам, по слову Апостола, избавиться от беспорядочных и лукавых человеков; *ибо не во всех вера, но верен Господ* (2 Солун. 2, 2—3)“. Единая истинная вера есть вера той церкви христианской, которая основана начально на Востоке в Иерусалиме, Сионе святом. Там основал ее Сам Господь Иисус Христос, образно называемый камнем церкви. О таком основании предрек Сам Он чрез пророка: *се Аз полагаю в основание Сиону камень многоценен, избран, честен, краеуголен в основание ему, и веруяй в он не постыдится* (Исаия 28, 16). Но вот римские учителя толкуют, будто камень веры и церкви есть блаженный,

верховный апостол Петр, ссылаясь на слова к нему Господа: *ты еси Петр, и на сем камени созижду церковь мою* (Матф. 16, 18). Так толкуют они для того, чтобы возвысить свою римскую церковь, которую, как уверяют они, основал апостол Петр во главу всем церквам. Но такое толкование их похоже на то плотское (то есть от человеческого недомыслия) мудрование, которое обличал святой апостол Павел в коринфских христианах, когда узнал, что у них говорят: я Павлов, я Аполлосов, я Кифин, а я Христов (1 Корине. 3, 10—11; 4, 1). Господь не сказал: на тебе, Петр, а сказал: *на сем камени,* то есть на том исповедании веры, которое пред тем от лица всех апостолов произнес святой Петр, сказав: *Ты еси Христос Сын Бога живаго.* Это то исповедание, о котором говорит и святой Иоанн Евангелист: *иже аще исповест, яко Иисус есть Сын Божий, Бог в Нем пребывает и Он в Боге* (Иоан. 4, 15). Римских мудрователей обличает сам святой апостол Петр, который воспоминая пророчество о камне в Сионе, называет камнем только Самого Господа: *вы вкусили, что благ Господ. Приступая к Нему, камню живому, человеками отверженному, но Богом избранному, драгоценному, и сами, как живые камни, устройте из себя дом духовный* (1 Петр. 2, 3—5). Обличает их и святой Павел, когда говорит, что все апостолы только *слуги* и *строители тайн Божиих,* и что *иного основания никто не может положит, паче лежащаго, еже есть Иисус*

Христос (1 Корине. 4, 1, 10—11). Основанная Господом на Востоке, в Иерусалиме, церковь, начиная от Иерусалима (Лук. 24, 47) распространилась по всему миру. И по этому-то единому основанию и началу своему она прежде всего и есть единая. Ближайшая к этому началу Восточная церковь была и осталась хранительницею единой истинной веры. С ней и мы пребывали и пребываем в единении. В единении с ней была и римская церковь, доколе не отделилась от неё, усвоив себе некоторые новые учения. Таково особенно учение о главенстве римского епископа или папы над всею церковью, наразлучное с упомянутым уже учением о святом апостоле Петре, как камне веры и церкви. Иезуиты, по обычаю и прочих латинян или папистов, говорили: апостол Петр глава и князь апостолов; основав римскую церковь, он передал римскому епископу главенство или власть над всею церковью, потому и римский папа, как преемник того епископа и последующих епископов есть глава всей церкви. Обширно изобличает это ложное учение наш Василий. А мы здесь передадим его мысли кратко. „Первый епископ, говорит он, был в Иерусалиме,—блаженный апостол Иаков, с которым вначале пребывали апостол Петр и прочие апостолы. Прежде чем в Риме, явились епископы и в других городах, поставляемые апостолами. Святой верховный апостол Петр называется так по первенству в лике двенадцати апостолов, а не по главенству и не

по власти. Ибо все святые апостолы были равны по благодати и власти апостольства, дарованным им Господом. Потому, когда требовалось делать важные определения в Церкви, то они делали это соборно, говоря: *изволися Духу Святому и нам* (Деян. 15, 25, 27, 28). Потому и все епископы равны по благодати и власти, переходящим к ним по преемству от апостолов. И после апостолов, в первые века христианства также были соборы, на которых и решались важнейшие дела церкви. Зачем бы и быть таким соборам, если бы римский епископ имел власть решать такие дела своей властью для всей церкви, как её глава? Если некоторые епископы получили потом старшинство между собратьями, то это ради чести и старшинства тех городов, где они епископствовали. Но это старшинство не было главенством над всею церковью, а только главенством или вернее первенством между епископскими престолами в странах. Так римский епископ был старейший и первенствующий на Западе ради столицы тогдашнего римского царства— Рима. Это признал и первый Вселенский Собор при царе Константине, признавший тогда же старшими и других епископов великих городов, как Антиохия, Александрия. А второй Вселенский Собор, бывший в Константинополе, признал такое старшинство за епископом Константинополя или Царьграда, ставшего новой столицею царства при святом Константине. Но соборы имели власть над всеми епископами

и всеми старейшими из них; судили и низлагали их, когда они оказывались в чем виновными. Судили они и римских епископов или пап. Как могли бы они судить их, если бы папы были главами, верховными владыками всей церкви? Чтобы быть такими главами, римские епископы должны бы быть непогрешимыми. Но то, что соборы судили и пап, впадавших в ереси, что между папами были и недостойные—то уже показывает, что по в них верховное главенство над всею церковью. Единая Глава церкви Сам Основатель её Господь Иисус Христос, как учил и святой апостол, говоря: *того даде главу выше всех церкви* (Ефес. 1, 22). Паписты хвалятся мирским господством и величием пап, подобным царскому и княжескому; но Сам Господь заповедал и апостолам не искать такого величия мирского: *вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними и вельможи их властвуют ими, но между вами да не будет так; а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою* (Марк. 10, 42—43).

Величаясь могуществом своих пап, латинские учителя укоряют патриархов и епископов Восточной церкви тем, что они находятся под властью неверных турок. Но епископы церкви христианской в первые века её также находились под властью неверных языческих царей. А были они истинные епископы, как истинна была и тогдашняя церковь христианская. *Царство*

Мое, сказал Господь, *не от мира сего.* Не мирским величием и могуществом измеряется достоинство церкви и её представителей, а благодатью Божией, чистотой учения и святостью жизни. Восточные патриархи и епископы и под властью турок сохранили чистоту веры древней Вселенской церкви. Впрочем, есть православные церкви, дщери Восточной церкви и не под властью неверных, а в странах христианских, в свободных государствах. Судьбы Божии неисповедимы. Попустил Господь восточным святителям страдать от неверных, терпеть убожество, бывать иногда и мучениками. Но могущие и богатые папы латинские и епископы грешат, когда укоряют их и пренебрегают ими за это. Помнить бы им слова Господа: *горе вам богатые! ибо вы уже получили свое утешение* (Лук. 6, 14). *Блаженны изгнанные правды ради, яко тех есть царство небесное* (Матф. 5, 10), еже буди получити и всем нам о Христе Иисусе Господе нашем. Аминь“. Впрочем, изобличая учение о главенстве папы и другие учения римские в предостережение от них своих единоверцев православных, Василий говорит, что православные рады были бы миру и единению с римской церковью, если бы она желала истинного единения веры и любви, а не власти и господства с принуждением принять новоизмышленныя её учения. Ибо православная церковь всегда молится о мире всего мира и соединении всех церквей.

Из рассуждений и обличений Василия на лютеран кальвинистов и других сектантов, передадим кратко лишь то, что говорил он в защиту почитания святых икон и святых Божиих, которое они отвергли. „В Ветхом Завете Господь повелел пророку Моисею устроить скинию и в ней образы двух херувимов, которых и в Новом Завете святой апостол Павел благоговейно называет *херувимами славы* (Евр. 9, 5). Уже этим он осуждает суемудров, хулящих святые образа. Хулители называют святые иконы идолами, кумирами, говоря, что Бог в десятословии запретил творить их и служить им. Но то были кумиры чужих, ложных богов, какими считались у язычников вымышленные чудища, как Ваал и тому подобное, и даже животные, как например телец. Евреи, соблазняясь язычниками, впадали в такое кумирослужение, как например устроили для себя золотого тельца. Потому Господь и предостерегал их и запрещал им такое кумирослужение. А наши святые образа совсем иное. У нас образа Господа, явившегося на земли во плоти, в образе человеческом. У нас его Крест святой, на котором Он распят и умер ради нашего спасения. У нас образ Пресвятой Богородицы, честнейший херувим, достойной *величания и ублажения от всех родов* (Лук. 1, 48). У нас образа Святых Божиих, о которых говорит слово Божие: *дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев* (Пс. 67, 36). Чрез своих Святых Он творил чудеса. Святой пророк Илия своей молитвой

разделил Иордан и прошел по нему, как но суху (4 царств 2, 8). Кости пророка Елисея единым прикосновением оживили мёртвого (4 Царств 13, 21). Убрусцы с лица святого апостола Павла оживляли мертвых и изгоняли духов нечистых (Деян. 19, 12). Неисчислимы чудеса и других святых. Нам ли не почитать их, когда Сам Бог прославляет их? Потому и пишутся у нас образа их, и мы почитаем их. Почитаем в святых образах или иконах не дерево или камень, как-то было у язычников идолопоклонников, а тех невидимых святых, которые изображены на них. Ибо честь воздаваемая образу святого восходит на первообраз, как говорит святой Василий Великий. Сильны у Бога молитвы Божией Матери и святых Его, потому мы и молимся им, призывая их на помощь нашим молитвам к Богу. Образ Господа нашего Иисуса Христа напоминает нам о Самом Господе, Его учении, о тайнах спасения нашего. Образа святых напоминают нам о их житии, чтобы мы подражали им. Образа Господа и святых были издревле в церкви Божией. Есть святочтимое предание, что Господь Сам послал на убрусе изображение лица Своего Авгарю, царю Едесскому. Если в первые века церкви мало было образов, то потому, что тогда бывшие везде во множестве язычники могли бы смешивать их с кумирами, или простецы из христиан могли бы не разуметь истинного почитания святых икон. Но потом церковь по всему свету стала украшать свои храмы святыми иконами во славу

святых и в помощь и назидание верующим. А на святом Никейском, седьмом Вселенском Соборе, она осудила нечестивых иконоборцев, которым подобны и нынешние образоборцы—сектанты. А если они говорят, что об иконах не написано в Евангелии, то надо помнить следующее: в церкви святой есть многое, служащее к устроению церкви, которое не описано в Евангелии, а дошло к ней чрез предание. Не все святые апостолы предали в письмена, а многое и устно в живой проповеди и учении. Это-то и разумеет святой апостол Павел, когда говорит: *хвалю вас, братие, что вы все мое помните и держите предания так, как я предал вам* (1 Корине. 11, 2). И еще: *братие! стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим* (2 Сол. 2, 15).

Заканчивает наш Василий все свое писание следующим смиренным обращением к тем, в наставление и предостережение которых он потрудился в сем писании: „надеюсь от вашей любви, что не погневаетесь на мое писание, а примете его с благодушною милостью, и, если бы в чем я погрешил, исправите духом кротости. Не от своих умышлений написал я вашей любви, а то написал, что собрал от святых писаний. Сам же Господь наш Иисус Христос да просветит вас и поспешит всякому желающему спасения, и ноги ваши направит на путь мирен. Многогрешный и худший в христианах, убогий Василий “.

Книгу убогого Василия читал и велел напечатать и князь Константин Константинович Острожский; читали ее и другие, и была она в помощь им против соблазнов разноверия и папизма. Кроме нарочитых посланий и книг в предостережение от таких соблазнов и на помощь церкви Православной, ревнители её принимали другие духовные меры и средства.

2. Средства к оживлению и подъёму общего просвещения и в особенности просвещения духовного или образования религиозного.

Таковы средства к умножению и распространению книг священного писания, книг святоотеческих и церковно-учительных, чрез их списывание, а потом и печатание. Одни из православных помогали этому делу своими жертвами, другие и сами трудились в этом деле. Приведем несколько примеров на это. Уже известный нам волынский дворянин, кастелян Брацлавский, Василий Загоровский, в своем духовном завещании, в числе многих пожертвований на церкви, занес пожертвование и на переписку книг.

Списывание книг.

Он назначил особое содержание дьяку при своей ктиторской церкви святого Илии пророка, чтобы он не только читал и пел в ней, учил детей в церковной школе, но и переписывал книги по три тетради каждую неделю, а переписывал бы с добрых „изводов", то есть—списков, и старательно, без ошибок. Над перепиской священных книг трудились и лица княжеского рода. Так Слуцкий князь Юрий Юрьевич Олелькович переписал собственноручно, красивым почерком, напрестольное Евангелие и пожертвовал его в Троицкую церковь Слуцкого монастыря—„для вечного богомолья и спасения души своей, во незабытную память своих прародителей, родителей и самого себя". Были уже и такие трудолюбцы, которые при переписке книг трудились над переложением древнего церковно-славянского языка на новую того-временную южнорусскую речь.

Пересопицкое четвероевангелие.

Таков был Григорий, архимандрит Пересопицкого монастыря (на Волыни), трудившийся с сыном одного протопопа Михаилом Васильевичем. Трудами их было переложено и переписано четвероевангелие. Пять лет трудились они. Григорий посвящал этому труду не дни только, но и

ночи. Предназначали они свой труд „для чтания в церквах Божиих и для науки люда христианского". Разноверцы хвалились, что имеют и священные книги в новых переводах на свои народные языки. Они могли хвалиться этим пред папистами, у которых употреблялись священные книги на латинском языке, а не на народных. Пред православными им нечего было хвалиться, ибо у них исстари имелись и читались священные книги на славянском языке, родном всем народам славянским. Но все же было полезно приблизить древнюю славянскую речь к живой народной речи, чтобы могли понимать священные книги и простые люди, для большего просвещения себя в учении веры. Для этих то особенно людей и потрудились пересопицкие трудники. А помогала им в издержках потребных в труде одна знатная княгиня (Анастасия Юрьевна Гольшанская), являющая собою пример покровительства книжному делу среди тогдашней знати женского пола. Были тогда и другие подобные ревнительницы.

Книгопечатание.

Но кроме книгописания, настало в Западной Руси уже и *книгопечатание.* То было новое, но существенное средство к умножению и распространению книг и чрез сие и к оживлению просвещения. Началось книгопечатание в одной из

немецких стран и быстро распространилось и по другим христианским странам. Назидательно то, что первые труды по книгопечатанию повсюду посвящались именно священным и богослужебным книгам, как первый дар Богу и людям от этого великого искусства. А первые книгопечатники понесли в святом деле великие труды, а иногда беды и огорчения от трудности самого дела, как нового, и от неразумения и зависти невежд. Их поддерживала ревность к святому делу, надежда на Бога и на участие к ним лучших и разумных людей. Как было повсюду, так было и у нас. Но славянское книгопечатание явилось сперва не у нас, а у родственных нам славян: чехов, черногорцев, сербов. Заведено было печатание наших славянских богослужебных книг и в польском Кракове (в 1491 г.), где были тогда и православные жители и храмы, и откуда приобретали потом эти книги и православные Западной России.

Труд Григория Скорины по книгопечатанию.

Наконец явился книгопечатник и в Западной Руси. Это был Григорий Скорина, родом русский, из Полоцка, из купеческой семьи. Был изначала православным; но потом, когда учился в высших школах заграницею, особенно в Праге, то стал римским католиком с именем Франциска. Однако же он сохранил память о православии и

любовь к родному отечеству и родному русскому народу. И это один из примеров на то, что до Люблинской унии и до иезуитов, литовские или западнорусские римско-католики, были ли они такими издавна (это собственно в Литве) или становились ими по каким-либо особенным обстоятельствам,— все еще сохраняли любовь к своей русской народности. Трудился он над книгопечатанием сперва в Праге, потом в Вильне. В Праге напечатал он *„Русскую Библию",* собственно книги Ветхого Завета, а в Вильне *Апостол* и *Подорожник,* то есть—следованную Псалтирь с молитвословом. Церковнославянский язык печатаемых книг он приближал к народной речи тогдашней Западной России. Все это он делал „для пользы своего отечества, для науки своему родному русскому народу". Но тут надобно прибавить, что он имел добрых покровителей и пособников его трудам. Это были виленские купцы, мещане, люди важные: старший бургомистр Яков Бобин и член магистрата Богдан Оньков. Они своими средствами помогали его трудам и в Праге, и потом в Вильне, где в доме Бобина была и книгопечатня и живал сам Скорина. Оба эти честные мужи были православные и члены Виленского братства; очевидно сами они были прежде всего ревнителями веры и народности русской, духовных благ церкви и народа русского, потому и помогали труженику Скорине.

Но вот явились на помощь Западной Руси труженики печатного дела из москвичей, явились и покровители им уже из западнорусской знати православного исповедания. Московский царь Иоанн Грозный с митрополитом Макарием учредил типографию (книгопечатню) в Москве.

Книгопечатники Иван Федоров и Петр Мстиславцев.

Первыми книгопечатниками были здесь диакон Иван Федоров и мирянин Петр Мстиславцев. С великим усердием и тщанием напечатали они (в 1563— 1564 гг.) книгу Апостол, а потом *Часослов.* Но восстали на них невежи и завистники, особенно из тех, которые занимались книгописанием не столько из усердия к делу, сколько ради промысла и заработка. Труженики, как печатники, должны были бежать в Литву и прибыли в Вильну. Здесь принял их под свое покровительство литовский гетман Григорий Ходкевич, сын основателя Супрасльского монастыря Александра Ходкевича. Подобно отцу, он был усерден к православной церкви и к благу и чести своей русской народности.

Типография графа Ходкевича в Заблудове; Учительное Евангелие.

Трудами Федорова и Мстиславцева, а своим иждивением, учредил он в своем имении Заблудове (близ Белостока, в Гродненской губернии) типографию для печатания книг духовного содержания. Здесь Федоров и Мстиславцев напечатали *Евангелие учительное* (1568—1569), то есть избранные из святых отцов и учителей церкви поучения на евангельские чтения воскресных и праздничных дней. Какое сердечное участие принимал сам Ходкевич в этом издании, это дают нам видеть слова из предисловия его к изданию. „Восхотел я, говорит он, чтобы Слово Божие размножалось, и чтобы ширилось научение людям нашего православного закона; ибо оскудели учительные книги во многих местах у нас. Не пощадил я богодарованных мне сокровищ на это дело. К тому же нашел я людей наученных в книгопечатном деле, Ивана Федоровича Москвитина, да Петра Тимофеевича Мстиславцева. И повелел я им устроить книгопечатный станок и напечатать это учительное евангелие: во-первых—на честь и похвалу Господу Богу в Троице единому, и во-вторых—в научение христианам нашего православного закона. Хотел было я эту книгу, для большего разумения людей простых, переложить на простую речь и много старался о том. Но потом люди мудрые, ученые в письме, посоветовали мне, что при переложении давних речений на новые бывают иногда ошибки, как-то и видится в некоторых книгах нового перевода. Поэтому я велел

печатать эту книгу так, как она издавна писана. Да и в этом давнем языке своем, она не закрыта и не трудна к уразумению, а к чтению полезна. Те, которые с прилежанием и со вниманием будут искать в ней научения себе, найдут искомое. И вы, любимые собратья, примите эту книгу с любовью. Я же, с помощью Божиею, буду промышлять об издании других книг, потребных церкви Божией, не жалея на это средств. Благодать Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да будет посреди всех нас ныне и в день века. Аминь Сами же книгопечатники обращаются к православным с такими смиренными словами: „мы, трудившиеся, недостойные и худые, молим вас, которые будете читать или переписывать эту книгу, будьте милостивы к нам и не зазрите немощи и недостатку нашего ума: ибо и сами вы—человеки и подлежите человеческим немощам. И как сами требуете милости от Бога и прощения от человеков, так сподобите и нас прощения''. По отпечатании Евангелия учительного, один из трудников, П. Мстиславцев перешел в Вильну. А Федоров еще остался, напечатал *Псалтырь* (1569—1570). В начальном листе этого издания благочестивый книгопечатник воздает славу, честь и поклонение Богу, давшему ему начать и совершить этот труд; признательно поминает покровителя своего Григория Ходкевича, а затем говорит: „трудившийся многогрешный и непотребный раб Иван Федорович Московитин молю всякого

благочестивого православного христианина из читающих сию книгу псалтырь: если окажется что либо погрешное в ней, по моему небрежению, то, Бога ради, исправляйте, благословите, а не кляните; ибо печатал сие не Дух Святой, и не ангел, а рука грешная и бренная. Да и сами вы обрящете такое же благословение от Бога ныне и присно и во веки веков. Аминь".

Но то был уже последний труд Федорова в Заблудове у Ходкевича. Старость, болезнь, огорчения по случаю крайне противной Ходкевичу Люблинской унии, приблизили этого ревнителя веры и народности русской к могиле. С скорбью сказал он Федорову закрыть книгопечатню, но в награду за бывшие труды его подарил ему малую весь (сельцо с землею) близ Заблудова, говоря, что он может теперь отдохнуть от усиленных трудов книгопечатания и спокойно отдаться трудам земледелия в этой веси. И Федоров был уже не молод, имел при себе и детей. Казалось бы ему и в пору теперь отдохнуть и спокойно зажить, занимаясь земледелием в собственном сельце. Не то было на душе трудника Федорова. „Подумал я, говорит он, что мое призвание трудиться не ралом пахотным, а своим художеством книгопечатника, и не житные семена сеять, а духовные семена рассевать во вселенной чрез книгопечатание". Итак, поблагодарив своего покровителя за милость, он, по его кончине, оставляет Заблудов и данное ему

сельцо и отправляется в город Львов (в Галицкой Руси), чтобы там взяться за свое излюбленное дело.

Книгопечатник Федоров в Львове.

Труден был путь его. Много бед и скорбей потерпел он на этом долгом пути; но в начале 1573 г. был уже во Львове. Не легко далось ему здесь приступить к своему делу. Стал он с мольбою и поклонами обращаться к разным лицам, чтобы помогли ему устроить книгопечатню. Но в одних встречал равнодушие, невнимание, у других и недоброжелательство. Наконец нашлись добрые люди — не из знатных и богатых, говорит Федоров, а из простых (между ними был и иерей), которые помогли ему. Итак устроил он свою книгопечатню. Как рад был он, когда в 1573 — 1574 г. напечатал первую книгу—Апостол, точь-в-точь такой, какой за десять лет пред сим напечатал он в Москве! Печатал затем и другие книги. Разрослось его печатное дело, хотя и в борьбе с затруднениями и невзгодами.

Типография в городе Остроге, основанная князем Константином. Федоров и другие сотрудники. Острожская Библия.

Князь Константин Константинович Острожский, ревнуя помочь церкви православной в деле просвещения духовного, задумал основать в своем городе Остроге типографию и в ней печатать священные, богослужебные и учительные книги. Призвал он Федорова к себе на Волынь и поручил ему устроить типографию в городе Остроге. Первою мыслью князя было издать в печати всю Библию, то есть все книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в одном объёме, притом на церковно-славянском языке, на каком имеются и читаются они в православной русской церкви. То была великая мысль, но и нелегкая к исполнению. Ибо такой полной *печатной* Библии до того времени еще не было у нас. Великие старания приложил просвещенный и благочестивый князь, чтобы задуманное новое дело исполнить с наибольшею исправностью. Помощь в этом деле дана ему из той же православной Москвы, откуда имел он уже у себя и книгопечатника. По просьбе князя, царь московский Иван Васильевич, по совету с митрополитом, прислал ему полный список Библии. Посылал он и в разные места православного Востока и в самый Константинополь к патриарху, чтобы приобрести оттуда и списки священных книг и людей, могущих быть пособниками ему в святом деле. Когда все было приготовлено, князь и сотрудники его с молитвою приступили к делу, и трудились с величайшим усердием. Сперва издан был ими *Новый Завет с*

Псалтирью при нем (1580 года), а потом издана и вся *Библия.* (1580—1581 годов). Выпуск её в свет, они напутствовали „Предисловием к благоверному православному всякого чина, возраста и сана читателю". Здесь они мудро и благоговейно размышляют о том, как полезно и спасительно чтение священных книг; ибо оно служит к духовному просвещению, к утверждению нас в вере и благочестии и к предохранению от ложных учений сектантских, еретических, чуждых церкви Божией. А что чувствовал и думал главный виновник дела сам князь Константин, когда трудился над ним и увидел совершение его,—о том сказывают его молитвы к Богу и его обращение к православным русским христианам. „Боже Отче, Вседержителю, превечный, пребезпечальный, всесильный, един имея бессмертие, во свете живый неприступнем, ведущий вся прежде бытия его... Ты веси, Господи Боже мой, яко в Твое пресвятое имя я умыслил и начал сие пречестное дело, которое ныне, благоволением и щедротами Твоего милосердия, сподобился я увидеть совершенным. Сего ради благодарю и величаю Твое пресвятое имя и, воздевая руце мои, преклоняю колена к подножию престола страшныя Твоея власти. Предлагаю теперь сие дело величию Твоея неизреченныя славы. Ибо дерзнул я на сие дело, уповая на Твое милосердие, и ведая, что невозможно человеку спастись иначе, токмо верою и хранением Твоих заповедей, которые благоволил Ты возвестить роду

человеческому в Своем божественном Писании. Благоволи же ныне приять его от меня грешнаго и умаленнаго раба Твоего: Твое бо от Твоих воистину Тебе приносится. Ибо и все, что дал Ты мне, Боже мой,— Твое, как и я Твой. А если по немощи моих прегрешений или по недоумению трудившихся при мне в сем деле, что ни будь оказалось бы неисправным, сам исправи Твоим благоволением, действом Пресвятаго Духа Твоего и чрез тех людей, которые сподобились от Тебя больших дарований: да всеми согласно славится Твое великолепное и пречистое имя, купно с единородным Сыном Твоим и Всесвятым, Благим и Животворящим Духом Твоим. Аминь".

„Вам же о Христе избранным в народе русском сыном церкви Восточной и всем согласующимся в славянском языке и соединенным в православии той же церкви, всякого чина христоименитым людям, братии моей возлюбленной не только во плоти, но и по духу святыни, я, Константин, нареченный во святом крещении Василий, благостию Божией князь Острожский, воевода киевский, маршалов земли волынской, — с любовью извещаю сие: благоволением, щедротами и человеколюбием Божиим сподобился я положить начало и видеть совершение сего великого дела, которое теперь и предлагается вам, то есть книги Ветхого и Нового Завета, называемыя по гречески Библия. Приимите их

не как вещь человеческую, но как свыше сходящее дарование. Обретайте в них правый путь к спасению, а Богу, изволившему даровать вам ведать сие, воздавайте хвалу и благодарение. Я же, ради любви и душевной пользы вашей, хочу еще, чтобы вы уразумели и мое особенное намерение в сем деле. Помянул я слова Господа и Спаса нашего Иисуса Христа: *ищите прежде царствия Божия и правды его, и сия вся приложатся вам* (Матф. 6, 33). Потому возжелал я, прежде чем отойду от сей жизни, оставить вам некое дарование духовное, в котором можете обрести царствие Божие и правду Его, если восхощете. Видел я, что церковь Христова, искупленная честною Кровию Его, отовсюду наветуется врагами, противящимися ей, угрожается волками, пришедшими пожирать ее. Вспомнил я слова пророческия, которые произнес некогда и Сам Христос: *жалость дому твоею снесть мя* (Иоан. 2, 17). Ибо кто из правоверных и благоразумных не подвигнется к жалости, видя церковь Христову клонящуюся долу, видя Богом насажденный виноград, обступаемый пришельцами, хотящими разорить ограды его? Кто не умилится сердцем и не восплачется, видя, что тяжкие волки силятся распудить и расхитить овчее стадо Христово? Потому и возревновал я совершить сие дело, то есть издать для всех в печати книги Священного Писания, чтобы от них свет Божий воссиял в сердцах ваших к просвещению разума вашего, и к ограде вас от врагов

церкви Божией. Но не я, раб Господа моего, соделал сие, а соделал сие Сам Господь Бог своей благодатию, даровав вам сие сокровище, ценнейшее из всех сокровищ мира[11]. А к этим словам князя один из главных сотрудников его приложил и свое воззвание к православным. Он призывает молиться о князе за его добрый подвиг, „да напишется имя его в книгах живота вечного, купно с его благочестиво усопшими родителями и прародителями'[1]; просит читать священные книги с усердием и размышлением и, утверждаясь чрез них в вере и добрых делах, показать свет их еретикам и неверующим, чтоб и они, видя наши добрые дела, прославили Отца Небеснаго. А в конце Библии приложил свою благодарственную слезную молитву к Богу и свое смиренное слово к христианам и сам книгопечатник москвич Федоров.

С такою ревностью, любовью, смирением и благоговением трудились над изданием первой печатной церковно-славянской Библии лучшие люди Западной Руси! На всем труде их видно пламенное желание— послужить просвещению собратий и помочь им в борьбе с удручавшими их и церковь Божию напастями от её противников, соблазнителей и обольстителей православного народа. Много и других книг издано было им в городе Остроге в той же типографии на пользу церкви Божией.

Трудились в этом же деле и другие ревнители, особенно в Львове и Вильне. В Львове трудились в этом деле люди из львовского братства и Львовский епископ Гедеон Балабан. Там же в Львове, после своих трудов в Остроге, поселился опять и Иван Федоров, трудился до конца жизни, но умер в бедности, ибо думал не о земных приобретениях, а о духовной пользе собратий по вере и племени. Его типографию, которая попала было в руки жида, выкупил с помощью львовских братчиков и других православных архипастырь Гедеон и заново устроил, благодарно поминая при этом почившего основателя её. А в Вильне основали типографию тоже члены тамошнего братства Мамоничи, у которых приютился и трудился бывший сподвижник Федорова Иван Тимофеевич Мстиславцев. Да будет дорога нам память всех этих тружеников, ревнителей духовного просвещения, веры и благочестия! Издательскими трудами их умножились священные, церковные и учительные книги в тогдашней Западной России, и дана великая помощь ей в то трудное для неё время.

3. Новые училища.

На помощь православной церкви и обществу в деле духовного просвещения и борьбы с разноверием явились в Западной Руси *новые*

училища. Простые начальные училища были в ней, как и во всей Руси, издавна, и не прекращались. Поучившиеся в таких училищах сами потом восполняли и ширили свое образование чтением книг, размышлением, беседами с книжными людьми. То было образование *грамотеев и начетчиков,* между которыми могли быть и бывали люди очень сведущие и разумные, умевшие, с Божией помощью, воспитать в себе и высшее благочестие, как мы все это видим на многих из древних русских архипастырей, священников, иноков и мирян. Но теперь чувствовалась потребность в новых, лучше и прочнее устроенных училищах, чтобы чрез них множилось и высилось образование и просвещение. Нужны были им свои добрые училища, чтобы не нуждались они в училищах чужих, иезуитских и сектантских, чтобы умалить соблазны православных от таких училищ. Нужно было, чтобы в новых лучших училищах воспитались более сильные учителя, проповедники, защитники веры. Множились книги, но нужно было, чтобы множились и люди, способные разумно и благомысленно пользоваться ими для себя И других. Понимали это лучшие люди Западной Руси и позаботились об училищах.

Острожское училище.

Первый основал такое училище тот же князь Константин Острожский в своем городе Остроге. То было правильно устроенное

училище, имевшее нескольких учителей с начальником училища во главе и .с несколькими классами учащихся. Подобное, хотя и меньшее училище основал в городе Слуцке тогдашний князь Слуцкий Юрий Олелькович. А в Львове и Вильне основаны училища усердием тамошних братств, которые устраивали школьные дома, приискивали учителей, содержали их и училища, то на счет братской скрыпки (кружки), то платою от родителей за обучение детей их. Во всех этих училищах предметы и порядок обучения были сходны, а всего лучше поставлено было дело учения в училищах Острожском и Львовском, помогавших и другим училищам. Обучение начиналось с букваря и молитв. Потом учили твердому и разумному чтению, доброму письму, начаткам православно - христианского учения, или катехизиса, упражняли в чтении церковнославянских священных, богослужебных и других книг; учили также языкам греческому, как такому, на котором начально писаны наши священные, богослужебные и святительские книги, а в некоторых школах учили и латинскому, который был тогда в силе в польском обществе, и в иноверческих школах и у иноверческих учителей, и мог годиться ученым православным при защите своей веры от толков иноверческих. А учителями в новых школах были и русские, и греки. Русские—из тех, которые, научившись в прежних начальных школах, потом сами дополнили и расширили свои

знания усиленным трудом, или же учились заграницею в греческих школах, а хотя бы и в других иностранных школах, но пребыли твердыми в своей вере и народности. Греки-учителя были как из оседлых в России, каковы были особенно во Львове, так и из пришлых. В львовской братской школе был учителем даже один греческий архиерей, пришедший за милостынею в Россию, но удержанный львовским братством для учительства в школе. Следует еще сказать, что в школах, особенно братских, старались приучать учащихся к чтению и пению в церкви, так что явились потом и братские певческие хоры и стало славиться братское пение; само собой понятно, что начальники и учителя школ старались воспитать в детях благонравие и благочестие. Новые школы только начинали свое благое дело в последние десятилетия XVI столетия. Но уже видно было, что они дадут, как уже и начинали давать, церкви людей с большим образованием, просвещением, способных и к церковному учительству, проповедничеству, могущих защищать православную веру и церковь от соблазнов иезуитских и сектантских. Это заметили даже иезуиты. С досадою проговорился о том славившийся между ними Антоний Поссевин, тот самый, который так неудачно спорил о вере с царем Иоанном Васильевичем в Москве, и потом сеял замыслы об унии в Литве. Он говорил: „некоторые из русских, особенно князья Острожский и Слуцкий, имеют свои типографии и

школы, в которых широко и далеко поддерживается схизма". А схизмой этот злоумный иезуит называл наше святое православие. Досадно и завистно было ему, что оно подкрепляется просвещением, которое стало подниматься в Западной Руси, благодаря типографиям и школам.

4. Заботы православных об ограждении благоустройства церквей.

Но для подкрепления православия требовалось еще оградить благоустройство церкви, много пострадавшее от беспорядков и злоупотреблений. Заботились православные и об этом. И теперь, как прежде, лучшие из знатных православных мирян помогали митрополитам и епископам испрашивать королевские гранаты или указы против тех своевольных нарушителей церковного порядка, которые самоуправно распоряжались церквами и монастырями, вмешивались в церковные суды, расхищали церковное добро и тому подобное. Но как теперь чаще прежнего являлись нарушители церковного порядка и среди духовных лиц и даже епископов, то православные миряне в совете с лучшими из духовных лиц, ревновали напоминать и самим духовным лицам, даже епископам и митрополитам, о их духовных обязанностях и их пастырском долге. Так например, подольско-галицкие

православные дворяне в своем послании к митрополиту Онисифору (1579—1588), указав на разные беспорядки и бесчиния в епископских епархиях его митрополии, закапчивают свое послание следующим почтительным, по сильным увещанием: „Мы, по своему долгу, предостерегаем вашу милость, и молим и просим: Бога ради осмотрись, вспомни святых твоих предместников, митрополитов киевских и возревнуй их благочестию. Не прогневайся на нас: нам жаль души твоей. Ты за все должен дать ответ Господу Богу“. Еще пример: православные перемышльской епархии в Галиции узнали, что некий тиун (приказчик) знатного пана Перемышльского, по ходатайству его, получил от польского короля грамоту на право быть епископом Перемышльским, И вот они пишут к митрополиту Онисифору: „Перемышльская епископия отдана некоему тиуну Стефану Брылинскому, подданному пана старосты Перемышльского. Пан-староста, взяв в свою власть это епископство и привилегию на монастырь святого Спаса в Горах, распоряжается церковными имениями, как ему угодно; а тот негодный нареченный епископ не смеет против него ничего сказать, ни сделать, как подданный... А что тот тиун не годен к епископскому служению, как человек неученый в Слове Божием, и по другим причинам, об этом мы все знаем и даем свидетельство, посему и просим усердно, чтобы твоя милость не производил его в епископский сан до другого сейма,

на котором обыватели земли Перемышльской и Сомборской покажут пред королем и панами радами о негодности того тиуна. Если бы даже твоя милость имел о том негодном нареченном епископе листы от короля и панов рад, не спеши производить его во епископа...“ Но, правду сказать, от такого митрополита, каким был Онисифор, мало было надежды православным. Требовалась помощь высшей иерархической (священно-начальной) власти для восстановления порядка церковного управления, расстроенного в Западной Руси. А такою властью была для неё власть константинопольского патриарха, которую в свое время благоразумно удержала для себя Западная Русь, чтобы с помощью её устранять попытки королей на подчинение Западно-русской церкви своей римской власти, а также оберегать и порядок церковный. И вот в теперешнее тяжкое время для Западнорусской церкви действительно явилась для неё помощь от константинопольского патриарха и вообще православного Востока.

5. Посещение Западной России восточными патриархами.

В 1586 году посетил Западную Россию антиохийский патриарх Иоаким, а в 1588 и 1589 годах константинопольский патриарх Иеремия II. Оба

они ездили в Москву для испрошения пособий своим патриархиям, ограбленным турками. Но на пути в Москву и обратно останавливались в Западной России и здесь, по просьбе православных, потрудились для благоустройства Православной церкви.

Патриарх Иеремия.

Особенно потрудился патриарх Иеремия, как имевший высшую духовную власть в ней. При содействии патриархов, последовало новое, лучшее устройство и умножение православных братств. Патриарх Иоаким и Иеремия утвердили устав львовского Успенского братства, а патриарх Иеремия утвердил устав вновь устроенного Виленского Свято - Троицкого братства, благословил учреждать по примеру этих братств и другие братства в пределах Западной Руси.

Новые церковные братства в Вильне, Львове и др.

Новые братства эти были уже в подлинном смысле *церковные братства.* Сохраняя в своих уставах и на деле лучшие обычаи и порядки братств прежнего времени, они, по духу тех же уставов, имели теперь главной целью духовную помощь церкви, содействие её благосостоянию,

духовному просвещению чрез упомянутые уже братские типографии, училища, оживление церковной проповеди и вообще церковного учительства, для чего старались иметь при братствах просвещенных учителей и проповедников. Сообразно с таким духом новых братств, в самых собраниях их усилен обычай духовных, назидательных бесед, введено чтение священных и учительных книг. Более прежнего обращено внимания на поддержание благочестия и христианского благоповедения в среде братств. Расширилась и христианская благотворительность братств чрез более прочное устройство *шпиталей* (то есть богаделен—больниц) и другие способы помощи собратьям и бедным. По благословению патриархов, старшие братства (особенно львовское) получили право и приняли обязанность заботиться об охранении христианского благочестия и церковного благочиния не только в среде своих членов, но и посторонних лиц из православного общества, обличать нарушителей христианского закона, подвергать их духовному суду властью братских пресвитеров или епископа. Такой духовный подъём новых братств, имевших опору в высшей патриаршей власти, привлек к ним уважение среди православных. Состав братств возрастал. Притом, кроме горожан из мещан и купцов, в составе их умножилось число духовных лиц, поступали в братства и православные дворяне Западной Руси и нередко самые знатные из них. Так в

виленское Свято-Троицкое братство в ближайшие годы вписались лица из рода Скуминов-Тышкевичей, Сапег, Сангушек, Мстиславских, Соколинских, Полубенских, Масальских и множество других, так что к 1594 году число братчиков простиралось уже до 368. В дружеском общении с братствами бывал и князь Острожский. Благодаря всему этому, братства, особенно старшие, могли теперь участвовать в церковных соборах, ходатайствовать пред королем по делам не только своим, но и всей церкви, а главное—теперь могли они выступить сильными защитниками и поборниками .православия, угрожаемого замыслами папистов и соблазнами сектантов.

Действия патриарха Иеремии для благоустройства Западно-Русской церкви.

Оказав услугу Западно-Русской церкви в деле лучшего устройства братств, патриарх Иеремия, по просьбе православных, озаботился восстановлением общего благоустройства в ней. Небрежный митрополит Онисифор был устранен от власти. На его место патриарх посвятил нового митрополита, бывшего архимандрита Михаила Рагозу, которого представили ему православные, как мужа достойного. „Если вы уверяете, сказал патриарх, что он достоин, то да будет он достоин “. Так говорил патриарх,

потому что не знал Михаила и опасался поставить недостойного. Это было в Вильне, куда собрались к патриарху почти все западнорусские епископы и много православных из мирян. Здесь в Вильне патриарх держал собор с новым митрополитом и епископами, а потом переехал в Брест-Литовский, держат такой же собор и здесь, а также совершил и соборное служение в день Преображения Господня (в августе 1589 года). На этих соборах патриарх производил духовный суд, касавшийся и епископов, которые старались очиститься пред ним, обещали исправление, и патриарх простил. Он издал несколько гранат с обличением беспорядков, заведшихся в жизни духовенства и народа, и наказал исправить их, а митрополитам и епископам заповедал устраивать церковные соборы и порадеть на них о благоустройстве церкви.

6. Брестский собор 1590 года.

По отбытии патриарха в свой путь, новый митрополит Михаил Рагоза и епископы действительно озаботились мероприятиями к восстановлению благоустройства в церкви. В июне 1590 года собрались они с этою целью на собор в Бресте. Здесь епископы говорили о великих беспорядках и нестроениях, заведшихся в духовенстве и народе, о бедах и напастях, терпимых

церковью от сторонних недругов и своих бесчинников, выражали глубокую скорбь свою о таком плачевном положении дел, свое желание исправить его и все привести в стародавний порядок. Они постановили позаботиться о правильном избрании лиц на церковные служения, о недопущении к церковному служению людей недостойных; о защите церкви и её достояния от своевольников и обидчиков; об исправлении нравов духовенства и народа; похвалили учреждение братств, школ, типографий, госпиталей; говорили и о поднятии церковного учительства. Наконец собором постановлено, чтобы все епископы ежегодно собирались на церковные соборы в Бресте, под строгою ответственностью и карою для тех епископов, которые вознерадели бы о такой обязанности. А на соборы епископы обязывались брать с собою архимандритов, игуменов, протопопов и священников, в письме Божием наученных: а если кто из них не явится на собор, тот немедленно будет лишен сана. На Брестском соборе присутствовали и представители от некоторых братств и другие православные миряне. Оставалось бы теперь радоваться в надежде, что митрополиты и епископы, в союзе с православными мирянами, возревновали о благоустройстве церкви. Но увы! Этой надежде не дано было сбыться. Видя, что в православной Западно-Русской церкви началось движение к лучшему благоустройству, имевшему укрепить духовные силы православия,

недруги его, особенно иезуиты и их пособники, удвоили свои усилия к тому, чтобы помешать благим намерениям православных, а чрез это успешнее привести в исполнение свой давний замысел об унии. Союзником иезуитов и пособников их был сам король Сигизмунд III.

ГЛАВА VII.

Уния и отвержение её православными всей Западной России.

1. Усиление преследований православных, особенно епископов, после Брестского собора 1590 г.

На Брестском соборе 1590 г. митрополит и епископы постановили занести королю жалобы на обиды и притеснения православным от римско-католических панов и чиновников, и поручили это исполнить от их имени Кириллу Терлецкому, епископу Луцкому и Острожскому. И вот, как бы в ответ на их жалобы и просьбы, начались усиленные преследования и обиды православным, обрушившиеся прежде всего на Кирилла Терлецкого. Приведем лишь несколько примеров на это. Был тогда луцким старостой (т.- е. правителем) дворянин Александр Семашко, потомок древнего русского православного рода, но совратившийся в латинство и возымевший теперь жестокую неприязнь к

православию. Этот Семашко, в отсутствие Кирилла из Луцка, поставил у ворот Луцкого замка, в котором находились православная соборная церковь и архиерейский дом, своего привратника с гайдуками и приказал им брать по грошу и по два со всех православных, духовных и мирян, идущих в церковь, а иначе никого не пропускать. Когда возвратился епископ, то гайдуки пропустили в замковые ворота только его одного с мальчиком, а всех прочих слуг и всего имущества его не пропустили, от чего оно, находясь под дождем целую ночь, частью перепортилось, частью же было расхищено. В Страстную Субботу и Светлое Воскресение, 20 и 21 апреля, в соборной церкви не было богослужения, потому что некому было служить. Все духовенство Луцка, в эти дни, толпилось у ворот замка, но никто из духовных не был пропущен ни в церковь, ни к епископу. Сам епископ в оба дня сидел в заключении, не ел и не пил, иззяб от холода и отощал, потому что к нему не пропускали ни съестных припасов, ни слуг, а иных даже вытолкали из замка. Между тем Семашко, потешаясь над епископом, в оба дня приходил в его соборную церковь и в притворе её заводил танцы и другие игры с музыкой, приказывал своим гайдукам стрелять из своей комнаты в золоченый крест и купол собора, потом и в церковные стены, и гайдуки отбили от креста две цепи, повредили купол и, на стене церковной, образ святого Иоанна Богослова, во имя которого был

освящен собор. Напрасно владыка Кирилл обращался в суды низшие и высшие: обидчик остался ненаказанным и не унялся. Напротив, сам он, как староста, найдя предлог, позвал епископа на суд и здесь обходился с ним грубо, а епископского поверенного из русских назвал презренным псом русином. Тот же Семашко сделал нападение и на владение Львовского епископа Гедеона Болобана—Жидиминский монастырь. Во время происходившей при монастыре ярмарки сюда прибыл, по приказанию Семашко, Луцкий подстароста с отрядом вооруженных людей, насильно вторгнулся в Жидиминский монастырь и, поселившись в нем, рассылал по ярмарке своих слуг и гайдуков собирать, от имени Луцкого старосты и в его пользу, торговые пошлины и все прочие доходы, какие до того времени собирались на монастырь, приблизительно на тысячу польских злотых. Земяне князя Альбрехта Николаевича Радзивила, литовского маршалка, два раза нападали на церковное имение Радиловичи, принадлежавшее Пинскому и Туровскому владыке Леонтию Пельчицкому, и каждый раз разгоняли из того села всех жителей, угоняли их скот и разграбляли все их имущество. А когда епископ принес на это жалобу и в назначенное время лично явился на суд в Городецкий замок Радзивила, то наместник князя, без всякой причины, не захотел производить суд в назначенный день, так - что епископ отъехал ни с чем. Бесчинники из польских панов

не останавливались пред оскорблениями святого православия в имениях даже таких лиц, как князь Острожский. В конце декабря 1590 г. два ротмистра королевские, с отрядом конных и пеших вооруженных людей, напали на имение князя Острожского, село Крупное. Прежде всего они бросились в церковь, выбили церковные двери, разграбили церковную утварь, посвященную службе Божией, ограбили алтарь и, выбросив из чаши святое тело Христово на землю, топтали его ногами. Разграбив церковь и наругавшись над святыней, ротмистры королевские напали на жителей, ограбили их и все награбленное имущество отправили в Луцк, на руки тому же злому старосте Александру Семашко. А вот еще пример наглого оскорбления Львовскому братству и ученикам его школы. В 1592 г. король, по ходатайству князя Константина Острожского и Новогрудского воеводы Скумина-Тышкевича, дал братству грамоту, которою утверждал его права и в частности право содержать типографию и школу. Озлился за это на братство ректор львовской иезуитской школы. По его приказанию ученики его толпами нападали на учеников братской школы, собиравших себе по городу милостыню, отнимали у лих собранную милостыню, а самих подвергали тяжким побоям; иных же увлекали в свою школу и бесчеловечно секли, или заключали в железные оковы и продерживали целые ночи. Братство принуждено было два раза приносить на

это, чрез своих уполномоченных и ректора своей школы Стефана, жалобы в Львовский замковый суд; но суд ни к чему не привел. Подчас трудно было православным найти защиту даже от обид со стороны жидов. В 1590 г. Мелетий Хребтович, епископ Владимирский и Брестский, совершал крестный ход в городе Владимире, со всем собором и духовенством Владимирским. Когда процессия дошла до церкви св. Николая, на Жидовской улице, то два жида бахурчика (то - есть молодые жидки) начали бросать камнями в епископа и прочее духовенство. Священники и прихожане соборной церкви от имени епископа Мелетия подали жалобу в суд. Но позванные на суд жиды заперлись, принеся свою присягу в своей будто-бы невинности, и суд оправдал их.

2. Усиление обольщений.

Одновременно с усилением преследований усилились и обольщения православным со стороны иезуитов, латино-польских бискупов и самого короля. В самый год Брестского собора (1590) иезуит Петр Скарга вторично издал свою книжку „О *единстве церкви Божией*". Здесь он с особенным усилием твердил, что церкви западно-русской не удастся восстановить свое благоустройство; что не помогут ей в том ни патриарх, ни свои епископы, ни миряне; что единственное спасение её в унии с римской церковью. Ее, по обычаю, превозносил он, обещая от

унии с ней разные блага Западно-Русской церкви, как-то: -лучший порядок, просвещение, спокойствие от притеснений и тому подобное. О том же стали усиленнее голосить и другие иезуиты и бискупы латино-польские, заводя сношения с епископами православными. Между прочим некоторые из них вели с ними такие искусительные и обольстительные речи: „вот вы зависите от восточных патриархов, убогих и подвластных туркам: не приличнее ли зависеть от папы сильного и славного? У вас патриархи дали слишком много воли мирянам в делах церковных, а у нас римских католиков не так, у нас власть церковная в руках бискупов и ксендзов. Вы теперь терпите разные нападки и стеснения, а соединясь с нами, избавитесь от них. Да притом король и папа придадут вам почестей и богатств. Так например митрополиту отдадут Киево-Печерскую лавру с её богатыми имениями". Сам король Сигизмунд III, в первое время после Брестского собора 1590 года, казался, надо правду сказать, как будто готовым уважить жалобы и просьбы собора по поводу притеснений православной церкви и епископам её. Он даже издал грамоту в ограждение прав их. Но не было пользы от этой грамоты, нисколько не страшной обидчикам и своевольникам. Да вскоре затем и сам король, чрез своих иезуитов и бискупов, давал знать русским епископам, что лучше им принять унию; тогда-то они избавятся от бед и преследований и заслужат уже настоящую милость

от него. Епископов король льстил надеждою даже на такой почет, что они, приняв унию, будут заседать в сенате наравне с латино-польскими бискупами. Итак, положение западнорусских епископов было теперь очень трудное: с одной стороны обиды и преследования, с другой искушения и обольщения. Конечно, если бы все они были на высоте своего священного звания, были сильны духом веры и благочестия, то, с помощью Божией, могли бы устоять в преданности своей вере и церкви. Но мы уже знаем, что тогдашние епископы большей частью выходили из панов и панков, без должного приготовления к духовной жизни, мало помышляли о ней и о сане епископском, более радея о мирских выгодах и почестях, чем о подвигах своего духовного служения; а про некоторых из них шла и худая слава. И вот невмоготу стало им тяжелое положение их. Настало для них время колебания между верностью православию и предательством на унию, кончившееся -для большей части их печальным отпадением в эту унию.

3. Тайные и явные соглашения некоторых епископов на унию, при понуждениях со стороны короля Сигизмунда III.

Согласно постановлению Брестского собора 1590 года митрополит Михаил Рагоза созывал

соборы в ближайшие за сим годы в том же Бресте. Таких соборов было еще три (в 1591, 1593 и 1594 г.). Но на эти соборы собирались уже не все епископы. Здесь еще поднимались речи о защите и благоустройстве церкви, о братствах, о школах и тому подобное. Но мало пользы было от таких речей, притом уже и неискренних. Видимее заботился о всем этом митрополит: он благоволил к братствам, списывался и с патриархом; обличал недобрых священников, но от них послышался такой отзыв: „пусть прежде епископы послушают закона, тогда и мы послушаем". И действительно, епископы в большинстве уже не слушали ни митрополита, ни закона, не думали о восстановлении благоустройства церкви собственными силами, теряя, по малодушию, надежду на эти силы. Вместо этого они во время соборов и между соборами стали устраивать тайные соглашения на унию. Вожаками в этом темном деле стали два из них: Кирилл Терлецкий, епископ Куцкий и Острожский, и Ипатий Поцей, недавно из пана ставший епископом Владимирским и Брестским (на место умершего Мелетия Хребтовича). Они-то и сносились и сговаривались с латино-польскими бискупами о том, как лучше оборудовать это дело. Они втягивали в это предательское дело и других епископов. В первое время велось это дело тайком. Епископы списывались на унию не все разом, а по-частично—то одни, то другие, собираясь для сего то в том, то в другом месте, чтобы скрыть свой

предательский замысел от православных. Труднее было втянуть в дело митрополита Михаила. Как голова между ними по своему сану, он тревожился, чувствуя, что он-то прежде всех будет в ответе за это темное дело пред Богом и церковью. А между тем король, которому главные вожаки доносили о ходе дела, не умедлил хвалить и поощрять их, обещал милости и награды в виде богатых монастырей и тому подобное, обещал защищать их своей властью на тот случай, если бы восточные патриархи и ревнители православия в самой Западно-Русской церкви призвали предателей к суду, или приняли какие-либо другие меры против них. Но, прибавлял король, необходимо, чтобы на унию согласился еще митрополит с остальными епископами. Тяжко было митрополиту. Под час он говорил, что готов лучше отказаться от митрополии, чем быть отступником от своей церкви на соблазн православным и пагубу своей душе: „если весь мир приобрету, а душу свою погублю, чем выкуплю?" Он даже прятался от главных вожаков дела. Но они сильней и сильней налегали на него, смущая то страхами, то льстивыми обещаниями от короля, латино-польских бискупов и панов. Изнемог несчастный и дал согласие на унию. Это было уже в 1594 г. Но требовалось еще обдумать, какова-то будет сама эта уния, на каких условиях принять ее? Рядили и так, и сяк. Но к чести митрополита и лучших из епископов надо сказать, что они отнюдь не желали чрез

унию олатиниться и ополячиться, а желали и в унии сохранить многое из того, что было в православии и в русской православной церкви. Потому постановили, между прочим, следующие условия унии: литургии святого Василия Великого, Иоанна Златоуста и преждеосвященная и все церковные службы, таинства, священнодействия, обряды и праздники и богослужебные книги останутся и в унии, как было в православии; останется у ней и православный символ веры; епископы и все священнослужители будут всегда из русских; римские католики не должны забирать себе русских монастырей и церквей, ни совращать будущих русских униатов в латинство; русские братства и школы останутся неприкосновенными и в унии, если примут ее, и тому подобное. С своей стороны епископы соглашались признавать власть римского папы, как главы церкви, римскую церковь—истинною церковью, пребыть в союзе с нею, отвергши союз с Восточной православною церковью, как будто-бы схизматической. За это они требовали, чтобы униатской церкви даны были все права и льготы, чтобы за ними, епископами, удержаны были и все кафедры и имения их, чтобы они во всем уравнены были с латино-польскими бискупами и, подобно им, заседали в королевской раде или сенате. Написали епископы свое послание и к папе с изъявлением готовности на унию. Обо всем этом доносилось королю и папскому послу в Кракове, куда ездили Кирилл Терлецкий и

Ипатий Поцей, предназначенные ехать в Рим с определением об унии и посланием к папе. Король и папский посол одобрили все это в надежде, что прочее сделается само собою; король же поощрял епископов новыми милостями, а митрополиту прислал уже и грамоту, которою отдавал ему во власть Киево-Печерскую лавру с её богатыми имениями. Между тем слухи о подготовлениях к унии уже давно разошлись между православными. Некоторые из них, особенно же князь Константин Острожский, не раз допрашивали митрополита и епископов о начатом ими деле унии. Они то отпирались, то заговаривали, что ничего противного православной церкви не будет в ихней унии и тому подобное. Так хитря, главные вожаки дела надеялись исподволь, с помощью того же короля, завлечь в свое согласие и знатнейших представителей из православного общества. Но не так вышло. Чем более оглашалось униатское дело, тем более росла тревога в среде православных. Началось в среде их сильное движение против согласников на унию, как предателей церкви. Отстали от них два епископа, колебался митрополит. Король, боясь, что может пропасть дело, погнал Кирилла Терлецкого и Ипатия Поцея в Рим к папе; а сам издал манифест (объявление) с оповещением, что митрополит и епископы согласились на унию, что два из них уже отправляются по этому делу в послах к римскому папе, что это дело великое и благое, и что все его русские

подданные должны последовать голосу и примеру своих архипастырей.

4. Поездка двух епископов в Рим по делу унии и объявление её в Риме.

В половине ноября 1595 г. Поцей и Терлецкий прибыли в Рим. Здесь они смиренно представились папе и объявили, с чем прибыли. Понятно, что папа был рад и принял послов милостиво; а на отпуске сказал: „отдохните получше с такой дороги". Им отвели отличное помещение, дали всего в изобилии и жилось им хорошо. За день до Рождества Христова во дворце папы состоялось торжественное собрание по делу унии. Папа Климент VIII сидел на высоком троне в пышном облачении, под балдахином. Поодаль заседало 33 его кардинала, а далее стояли арцибискупы и бискупы и многие мирские знатные люди из Рима и других стран, в том числе из Польши и Литвы. Введены были владыки: Терлецкий и Поцей с бывшею при них свитою духовных и мирян из Западной Руси. Свита осталась позади, а владыки, три раза припав на колена, подошли к папе, повалились ему в ноги и целовали их, а потом, стоя на коленах, опять сказали о своем деле и подали декрет (определение) западно-русских владык об унии и послание их к папе. Он приказал прочитать декрет, и послание и они были громко прочитаны по-русски и по-латыни.

Затем, по приказу папы, секретарь его сказал от имени папы речь послам, в которой красно изображал радость папы и похвалу унии и западнорусским владыкам, принявшим ее. „А теперь, заключил секретарь, произнесите еще исповедание римско-католической веры". Пред владыками поставили Евангелие, дали в руки готовое написанное и очень длинное исповедание. Поцей прочел его сперва по-латыни, а затем ксендз из Литвы, знавший русский язык, прочел его по-русски, а латинский ксендз— по-латыни. В оба раза владыки по прочтении исповедания клали обе руки на Евангелие и клялись. Потом опять целовали ноги папы. Папа сказал в утешение им несколько слов, закончив: „я не хочу господствовать над вами, хочу носить на себе тягости ваши". Как же то иначе и говорить было папе на радости? Затем папа громко объявил, что принимает в лоно католической церкви всех русских владык, всех духовных и всех православных, живущих в державе короля польского, и разрешает их от всех епитимий и наказаний, каким они могли подвергнуться за бывшую схизму. Скоро затем и кончилось торжество объявления унии пред папой. Много неправды было во всем этом деле! Владыки Поцей и Терлецкий дурно исполнили свое поручение: приняли унию не на тех условиях, какие постановлены были митрополитом и прочими епископами. Они произнесли такое исповедание, по которому совсем отреклись от православия, во всем приняли учение

римской церкви со всеми его новшествами и вымыслами. Правда, папа обещал им сохранить для унии все бывшие в православии церковные службы и обряды, но с оговоркой, что сохранит их настолько, насколько это будет не противно римской церкви. А это значит, что в Риме оставили за собою право изменять эти службы и обряды и навязывать латинские (как и было потом). Погрешил против правды и сам папа, когда говорил, что принимает в лоно римской церкви всех православных Западной Руси: как будто они просили его о том! Еще хуже то, что он, не прошенный ими, разрешал их от наказания за схизму: так-то называл он наше святое православие! Да! после таких папских непрошенных милостей нельзя было православным Западной Руси ждать мира и добра от унии. Тяжко обойдутся им и эти милости, и эта уния! Но предатели Поцей и Терлецкий в своих письмах из Рима в Западную Русь превозносили папские милости, кое-что и прилагая на обольщение православных. Около двух месяцев их ублажали в Риме, наконец отпустили, а в марте они уже были в Западной Руси. Прибыли они с целой кипой папских посланий к митрополиту и епископам и православным Западной Руси, к королю и многим латино-польским бискупам и панам, которых папа увещевал оказывать всякую поддержку в деле насаждения и утверждения унии во всей Западной Руси. Но не так приняла она привезенную из Рима унию, как на то надеялся

папа и как сулили ему и себе предательские зачинщики её.

5. Усилия православных Западной Руси не допустит введения унии.

Еще при первых слухах о тайных соглашениях владык на унию началось среди православных Западной Руси движение против этого предательского дела и в защиту православия. Во главе движения выступили ревнители православия из знатных людей, каков особенно князь Константин Острожский, а также церковные братства с своим священством, каковы особенно Львовское и Виленское. Могли они выступить против владык потому, что имели за собою власть «православных восточных патриархов, а также и всю православную церковь с её святителями в разных странах, в том числе и единоверной Восточной России. Князь Константин Острожский, когда узнал о затеях унии, писал одному из западнорусских владык (Ипатию Поцею): „дело единения церквей само по себе дело доброе и желанное, но вместе с тем дело великое и важное. Нельзя вести его легко и в одиночку, то есть одной Западной Руси и её владыкам. Это дело Вселенской церкви. Нужно наперед снестись с патриархами и патриаршими церквами, церквами и святителями других православных стран, с церковью и святителями

Восточной России. Надо бы дело вести чисто и свято, чтобы единение церквей было истинным единением веры и любви, с сохранением православного учения Вселенской церкви". Когда тот владыка и его сообщники не послушали благого совета и повели дело сами одни и по-своему в сообществе только с пособниками их из римской церкви: то, еще раз скажем, наши ревнители православия имели полное право выступить против такого дела их. Они хорошо знали волю о том Восточных патриархов, ибо уже не один раз писывали к старейшим из них о делах западнорусских владык, а некоторые и сами помчались на Восток просить совета и помощи в тяжких затруднениях по этим делам. Впрочем, пока действия владык были еще не совсем явны, православные Западной Руси сдерживались открыто выступать против них, старались лучше разведать об этих действиях у них же самих, уважая духовную власть их. Но когда владыки стали уклоняться от прямых ответов, а между тем предательские действия их стали уже совсем явными; тогда православные духовные и миряне, памятуя заветы прежних православных святителей, зная волю православных патриархов Востока, движимые любовью к праотеческой вере, ревновали единодушно возвысить свои голоса на защиту православия и против унии. Из первых возвысил свой мощный голос благочестивый князь Константин Острожский. Он обратился (24 июня 1595 года) с следующим

воззванием ко всем православным Литвы и Западной Руси, духовным и светским: „С молодости моей я воспитан моими преименитыми благочестивыми родителями в истинной вере, в которой, с Божией помощью, и доселе пребываю, и надеюсь непоколебимо пребывать до конца жизни. Я научен и убежден благодатью Божией, что кроме единой истинной веры, насажденной в Иерусалиме, нет другой веры истинной. Но в нынешние времена, злохитрыми кознями вселукавого дьявола, сами главные начальники нашей истинной веры, прельстившись славой света сего и помрачившись тьмою сластолюбия, наши мнимые пастыри, митрополит с епископами, претворились в волков и, отвервшись единой истинной веры святой Восточной церкви, отступили от наших вселенских пастырей и учителей, и приложились к западным, прикрывая только в себе внутреннего волка кожей своего лицемерия, как овчиной, они тайно согласились между собою, окаянные, как христопродавец Иуда с жидами, отторгнуть благочестивых христиан здешней области, без их ведома, и вринуть с собою в погибель, как и самые сокровенные писания их объявляют. Но человеколюбец Бог не попустит в конец лукавому умыслу их совершиться, если только ваша милость постараетесь пребыть в христианской любви и повинности. Дело идет не о тленном имении и погибающем богатстве, но о вечной жизни, о бессмертной душе, которой дороже ничего быть не

может. Весьма многие из обитателей нашей страны, особенно православные, считают меня за начальника православия в здешнем крае, хотя сам я признаю себя не большим, но равным каждому, стоящему в правоверии. Потому, опасаясь, как бы не остаться виновным пред Богом и пред вами, и узнав достоверно о таких отступниках и явных предателях церкви Христовой, извещаю о них всех вас, как возлюбленную мою о Христе братию, и хочу вместе с вами стоять за одно против врагов нашего спасения, чтобы, с Божией помощью и вашим ревностным старанием, они сами впали в те сети, которые скрытно на нас готовили... Что может быть бесстыднее и беззаконнее? Шесть или семь злонравных человек злодейски согласились между собою, и, отвергшись пастырей своих, святейших патриархов, от которых поставлены, осмеливаются властно, по своей воле, отторгнуть всех нас, правоверных, будто бессловесных, от истины и низвергнуть с собою в пагубу. Какая нам может быть от них польза? Вместо того, чтобы быть светом миру, они сделались тьмою и соблазном для всех... Если татарам, жидам, армянам и другим в нашем государстве сохраняются, без всякого нарушения, их законы: не тем ли более нам, истинным христианам, будет сохраняться наш закон, если только все мы соединимся вместе и за одно усердно стоять будем? А я, как доселе, во все время моей жизни, служил трудом и именем моим непорочному закону святой

Восточной церкви, в размножении священных писаний и книг и в прочих благочестивых вещах, так и до конца, при помощи Божией, обещаюсь служить всеми моими силами на пользу моих братий, правоверных христиан, и хочу, вместе со всеми вами, правоверными, стоять в благочестии, пока достанет сил". Чрез шесть дней после сего, к радости православных, послышался голос и лучшего из западнорусских владык Гедеона, епископа Львовского. Явившись в городской уряд города Владимира на Волыни, в присутствии князя Острожского и многих других православных русских вельмож, он подал запись, что непричастен делу унии: постановление о ней, говорил епископ Гедеон, составлено в противность правилам и обычаям нашей православной веры, нашим правам и вольностям, без ведома и дозволения патриархов, наших духовных начальников, без совещаний духовного собора, а также без воли светских сословий, как знатных старожитных фамилий, так и простых людей православной веры, без согласия которых мы ничего делать и решать не желаем “. По примеру Гедеона отрекся потом от участия в деле унии и другой владыка Михаил, епископ Перемышльский. Послышались голоса против унии от православного священства, церковных братств и других ревнителей в Вильне, Новогрудке, Львове и проч. Так например, виленское духовенство писало новогрудскому воеводе Скумину-Тышкевичу: „мы—все православное

виленское духовенство— протестовали пред Богом и всем христианским народом, как в книгах наших духовных, так и во всех урядах светских, что мы о таком отступлении от наших святейших патриархов не мыслили и не знали, и на то не соизволяли, и обязуемся непоколебимо стоять при всем благочестии святой Восточной соборной церкви. Извещая об этом вашу милость, мы просим тебя быть, вместе с иными многими православными, защитником и поборником нашей благочестивой веры". Все эти и подобные голоса против унии раздались по Западной Руси еще до поездки и во время поездки Поцея и Терлецкого в Рим. А когда Поцей и Терлецкий возвратились из Рима с папским посланием об унии, то движение против неё и её зачинщиков проявилось еще шире и настойчивее. Русские православные князья и дворяне на своих съездах в воеводствах киевском, волынском, минском, новогрудском, полоцком и других постановили подать чрез послов от всех этих воеводств на варшавском сейме просьбы королю, чтобы Поцей и Терлецкий лишены были духовного сана, так как они, без ведома православных патриархов, ездили в Рим и самовольно отдались под власть папы и привезли оттуда великие перемены в вере. Послы это и сделали. Король Сигизмунд III не внял этим просьбам. Тогда послы от православных во главе с князем Константином Острожским к концу сейма торжественно объявили, что они и весь русский народ

не будут признавать Поцея и Терлецкого своими епископами и не потерпят их духовной власти в своих имениях. Свои записи они, по тогдашнему обычаю, внесли в городские книги и копии (противни) таких записей разослали по воеводствам. Подобные протесты (заявления) против унии и поддавшихся на нее владык учинили старшие горожане в Вильне, Киеве и других городах. Страх напал на зачинщиков унии; но король обнадежил их новыми грамотами на то, что они и в унии сохранят свои епископские кафедры с их имениями, ободрял их новыми милостями. Но требовалось дело унии, как дело церковное, решить церковным порядком, то есть церковным собором. Созыва собора требовал и папа в своем послании об унии с тою, конечно, мыслью, что она будет принята собором. Но еще с самого начала требовали, а теперь еще более желали созыва православные Западной Руси, с мыслью обсудить на соборе дело унии по сущей правде, по настоящей церковной истине. Итак, король, издав новый манифест о состоявшейся будто-бы унии, поручил митрополиту Михаилу Рагозе созвать церковный собор. Этот издал окружное послание с призывом на собор в Брест на 6 октября 1596 г.

6. Брестский собор и г. Отвержение православным собором унии, принятой небольшим латино-униатским собором.

Православные Западной Руси заранее озаботились, чтобы собор по делу унии был истинным церковным собором. Ко времени собора, по их старанию, прибыли в Западную Русь экзархи, то есть уполномоченные, от двух старейших патриархов: константинопольского—Никифор и александрийского — Кирилл. Оба эти духовные сановники, мужи ученые, просвещенные, прибыли с православными и на собор в Брест, чтобы здесь действовать, по благословению и уполномочию от патриархов. Чрез них патриархи прислали свое благословение и всем православным Западной Руси с похвалою их ревности по вере православной и увещанием твердо стоять в ней, не взирая на беды и напасти от противников. Прибыли на собор и другие лица с православного Юго-Востока, как-то: Лука, епископ белградский (из Сербии), два архимандрита от горы афонской, имевшие полномочия от епископов молдо-влахийских. Из православных Западной Руси прибыли на собор Гедеон, епископ львовский, и Мелетий, епископ перемышльский, архимандриты и игумены от разных монастырей, начиная со старейшего из них—Киево-Печерской лавры, протоиереи и священники из многих городов и областей, всего свыше ста лиц духовного сапа. Из мирян, во главе с князем Константином

Острожским, прибыли на собор многие знатные сановники и дворяне, как послы от воеводств и поветов (уездов) литовского, киевского, галицкого, перемышльского, волынского, подольского, новогрудского, пинского, луцкого, владимирского и других, также послы от городов: Вильны, Киева, Львова, Бельска, Пинска, Бреста, Каменца-Подольского, Минска, Слуцка и других, и особые послы от церковных братств—Львовского, Виленского и других. Прибыли в Брест и сообщники унии митрополит Михаил Рагоза с пятью владыками и несколькими духовными лицами при них. Как пособники их, прибыли сюда же три латинские бискупа, да четыре иезуита, а потом еще три королевских комиссара из латино-польских панов.

Приближался день, назначенный к открытию собора. Православные все еще не хотели считать митрополита отпадшим от православия и, уважая его сан, посылали избранных лиц приветствовать его и узнать о времени, месте и порядке дел на предстоящем соборе. Но прямого ответа от него не получили. Пред самым днем собора послали приветствовать митрополита и бывших с ним владык уже сами патриаршие экзархи и приглашали их явиться к ним для совещания о соборе. Но те дали ответ: „подумаем, если следует явиться, явимся",—и не явились. Была впрочем молва, что сам-то митрополит готов был и даже хотел видеться с

патриаршими экзархами, посовещаться и порадеть с ними об ограждении православия на соборе. Но главные зачинщики унии с своими пособниками иезуитами и бискупами, в ночь пред днем собора, так налегли на митрополита, что не в мочь было ему исполнить свое желание.

Настал и день собора, 6-е октября в среду. Православные хотели собраться в какой-нибудь церкви, чтобы ожидать уже от самого митрополита приглашения на собор. Но все церкви в Бресте оказались запертыми. Запер их Поцей, имевший тут власть как местный владыка. Это было уже явное насилие православным. Будучи здесь в великом числе, они могли бы силою занять и открыть для себя какую-либо церковь; но, как добрые христиане, не хотели прибегать к силе. Спокойно собрались они в одном большом доме, чтобы здесь ждать вести от митрополита. Проходили часы за часами, а вести не было. Тогда патриаршие экзархи послали к митрополиту шесть лиц из старших духовных уже с настоящим, по церковному обычаю, *письменным извещением,* что они ждут митрополита для открытия собора в том месте, какое укажет он сам. Посланные долго искали и не нашли митрополита и вручили извещение одному из бывших с ним владык для передачи ему. Но еще не возвратились посланные, как дошла к православным весть, что митрополит с сообщниками уже открыл собор. А сделал это так: отслужил

литургию в церкви святого Николая, прочитал молитвы обычные пред открытием собора и сказал записать это, как первое деяние собора. То, конечно, хорошо, что он помолился пред началом собора; но хорош ли был самый собор? Устроился он тайком от православных, в небольшом кружке сообщников, уже принявших унию, уже отдавшихся в волю римского папы так, что они уже не имели своей воли рассуждать ни об унии, ни о православии. Не смутились православные от такого неправого униатского собора и приступили к открытию своего православного собора. И теперь, по христианскому благоразумию, не хотели они силой врываться в какую-либо из запертых церквей. Открыли собор в большой зале того же дома, где собрались: освятили ее по - церковному, как молельню, поставили аналой с святым евангелием, а епископы с священниками прочитали молитвы, обычные пред открытием собора. То был величественный собор: во главе его были два патриаршие экзарха, принесшие благословение собору; епископы и уполномоченные епископов с сонмом священства, собравшегося из всех концов Западной России. То был состав собственно духовного собора. Миряне же составили особое собрание, на подобие братских церковных собраний, чтобы засвидетельствовать пред духовным собором свою верность православию и быть свидетелями деяний духовного собора. Избраны были должностные лица для

заведывания порядком соборных деяний. Когда все было благоустроено, возвысил голос просвещенный Гедеон, епископ львовский. Он засвидетельствовал о непоколебимой верности святой Восточной церкви всех собравшихся на собор, осуждал митрополита Рагозу и владык, не пожелавших явиться пред лице патриарших экзархов, и предложил рассмотреть дело унии. Все изъявили на то согласие. А миряне с своей стороны заявили, что имеют наказы от своих собратий по областям и городам, и готовы прочесть их во свидетельство верности их православию. Но как уже наступил вечер, то на этом и закончились деяния первого дня и были записаны.

На следующий день, 7-го октября в четверг, православные опять собрались и решили все еще пождать, не будет ли к ним послов от митрополита с объяснением вчерашнего поступка его и с приглашением их на совещания. Ждали, ждали и ничего не дождались. Тогда сербский белградский митрополит, став пред собором, сказал: „ваша святыня ясно изволите видеть, что митрополит с владыками сам себя осуждает; он, очевидно, не осмеливается предстать пред собор вследствие дел, им затеянных“. Все признали справедливость этих слов, но удержались произнести соборное осуждение митрополиту. Председатель собора, патриарший экзарх Никифор предложил отправить к нему новое посольство из новых шести духовных лиц со вторым

увещанием чрез грамоту. В грамоте члены православного собора высказывали сожаление, что митрополит пристал к латинянам, составил с ними собор без совещания с православными, отвергали этот неправый собор и призывали митрополита раскаяться, под угрозой церковного суда. На этот раз послам, хотя и нескоро, удалось найти митрополита. Но он принял их сердито и сказал, что ответа на грамоту не будет. Так поступил он потому, что теперь вмешались в дело прибывшие в Брест три королевские комиссара, польские паны, взяли его под свою защиту и сказали вести собор без участия православных. Когда послы их возвратились от митрополита и сообщили им отзыв его, то было уже поздно, и пришлось на этом закончить дневное дело собора.

Настал и третий день собора, пятница 8-го октября. Лишь только открылось соборное заседание, как поднялись сильные голоса против митрополита и владык за то, что оставили без внимания два соборные приглашения. Но председатель собора предложил послать митрополиту и владыкам еще третий призыв на собор, как того требуют церковные правила. Избраны шесть старших духовных лиц и посланы к митрополиту с этим призывом. На этот раз они уже скоро нашли митрополита, скоро возвратились, но принесли от него такой ответ: „что сделано, то сделано, и иначе быть или переделаться не может; хорошо или худо мы поступили, только

мы отдались Западной церкви". То был голос скорбной души! Скорбел митрополит, когда его лестью и силою втягивали в унию; скорбел еще более, когда увидел, что Поцей и Терлецкий привезли из Рима не ту унию, какую допускал он, оберегая остатки православия, а ту, какую дал им в Риме папа по всей воле своей. Не пустили его видеться с православными в день пред собором, томили его в ночь пред днем собора, не давали ему опомниться; а теперь, когда к льстецам и насильникам из вожаков и их советников— иезуитов и бискупов, присоединились паны комиссары, у митрополита отнята была последняя воля. И вот дал он послам православных свой печальный ответ, последние слова которого показывали, что несчастный митрополит уже не знал, что творит: „хорошо или худо поступили мы, только мы отдались Западной церкви!" После такого ответа православному собору оставалось не ждать ничего более. Председатель собора, патриарший экзарх, обратился к нему с обширною речью. Он осуждал митрополита и предавшихся на унию владык за их отступничество и те смуты, которые произвели они своим отступничеством; хвалил православных духовных и светских за их твердость в православии; предостерегал тех русских панов, которые ради земных выгод и почестей или же из боязни вдались бы потом в измену вере своих отцов, и наконец спросил: „когда и каким образом митрополит и владыки стали сговариваться на унию?" В ответ

на это Киево-Печерский архимандрит Никифор Тур объяснил пред собором, когда и как началось и как велось это темное дело, а в заключение сказал: „но все мы православные, не только находящиеся здесь на соборе, но и оставшиеся по домам, решительно не желаем унии. Об этом могут засвидетельствовать и миряне, послы от областей и городов, имеющие инструкции (наказы) от своих собратий". Стали слушать эти инструкции, которых было несколько десятков. Все они сходились в следующих мыслях: 1) духовные, отступившие от власти патриархов, должны быть наказаны лишением сана, какой имели до подчинения их папской власти; 2) поместный собор в Бресте не в праве постановить решение о соединении с римской церковью без согласия патриархов и всей Восточной церкви, без основательного соглашения всех разностей по вере между обеими церквами, и только на основании, положенном двумя владыками, желавшими, чрез отступничество в унию, прикрыть свои преступления и приобрести себе выгоды и почести; напротив, древнее христианское вероисповедание, переданное нашим предкам от церкви Восточной и содержимое доселе, подтвержденное законами, привилегиями и присягами королевскими, должно быть оставлено в целости и подтверждено, без перемены обрядов и прежней патриаршей власти. По выслушании таких инструкций тот же Киево-Печерский архимандрит от лица членов духовного

собора сказал, что с отступниками следует поступить по правилам святых отцов. Председатель собора признал это справедливым. Но тут соборные рассуждения были прерваны. Доложено было, что от королевских комиссаров принесено собору предложение выслать к ним послов для выслушания королевской воли. В числе принесших предложение был иезуит Скарга, тот самый, который слыл у своих великим мудрецом и первый пустил мысль об унии. Пока выбирали послов, хитрый иезуит успел заманить бывших на соборе князя Константина Острожского и его сына в особую комнату, и здесь в тайной беседе пытался соблазнить их в унию. Но он потерпел полную неудачу. Между тем выбраны и отправлены к королевским комиссарам послы из духовных лиц и во главе их епископы львовский Гедеон и перемышльский Михаил. Длинную речь повели к ним комиссары, именем короля склоняя на унию. Тут же явились Скарга и другой иезуит, чтобы вызывать послов на спор о вере. Но послы благоразумно сказали: „мы пришли не для спора с иезуитами и обязаны прежде всего передать собору то, что говорили здесь комиссары от имени короля, чтобы собор дал на это свой ответ". Перед вечером комиссары получили от членов православного собора следующий ответ: „мы принимаем, с великой признательностью и благодарностью, попечение короля о водворении ненарушимого согласия между его подданными и весьма рады

приступить к тому, как по христианскому долгу, так и по желанию исполнить волю его королевской милости. Но мы видим из истории, что святое соединение церквей уже несколько раз было установляемо и столько же раз было расторгаемо, потому что не были устраняемы все к нему препятствия. Не желая более напрасно воздвигать такого непрочного здания, мы желаем, чтобы к соединению церквей приступлено было с возможною осмотрительностью, и избраны были надлежащие пути и средства, и чтобы единение, созданное на прочном основании, могло существовать долго и, дай Боже, вечно. Но зная, какие люди, в настоящее время, подали повод к переговорам о соединении церквей, зная, что нет на это согласия всей Восточной церкви и особенно патриархов, что переговоры об унии поручено вести владыкам, большей частью, подозрительным, и что разности в членах веры между обоими исповеданиями не могут быть примирены здесь, мы не видим ныне доброго основания для соединения церквей. А чтобы наше несогласие на унию не было объяснено королевскими послами в дурную сторону и не навлекло на нас королевской немилости, мы объявляем, что охотно приступим к соединению с римским костелом, когда согласится на то вся Восточная церковь и особенно патриархи, когда для этого избраны будут законные пути и приняты надлежащие меры, когда соглашены будут, в самом основании, все разности в догматах

и обрядах между Восточной и Западной церковью, и когда, таким образом, проложится дорога к прочному и неразрывному их соединению“. То был добрый, христианский ответ! Православные не отвергали мысли о соединении церквей, памятуя, что и православная церковь всегда молится „о мире всего мира, о благостоянии святых церквей и о соединении всех. Но они видели, что та уния, к которой король хотел приневолить их, не есть истинное единение, что она дело неправое и нечистое; потому, отвергая такую унию, предоставляли дело истинного единения временам будущим и воле Божией. Наступивший вечер прекратил занятия собора за истекший день. Настал четвертый день собора, суббота 9-ое октября. Королевские комиссары сказали русским владыкам-униатам и латинским бискупам кончать дело унии. И вот оделись они в свои церковные облачения и с кучкою приневоленных на унию русских духовных, а также польских панов, на глазах глазевшей толпы народа, при колокольном звоне, двинулись в церковь святого Николая. Отслужили молебствие о соединении церквей. Потом уселись по одной стороне латинские бискупы и королевские комиссары с иезуитами, а по другой, насупротив них, митрополит и владыки униаты. Один из владык прочитал грамоту, по которой митрополит и владыки с клятвою обязываются принять унию и признать власть папы. Как только кончилось чтение грамоты, латинские бискупы кинулись лобызаться

с русскими владыками и затем все воспели хвалебную песнь Богу за унию. Пошли затем в латинский костел и там пропели. Но увы! лживыми окажутся эти знаки братанья латинян и униатов. Обещано было русским владыкам, что в унии они уравняются с латинскими бискупами и получат заодно с ними места в сенате. Но потом не исполнено это обещание, не допустили бискупы уравнять с собою русских владык, хотя и униатов. Обещано было, что не будут совращать русских униатов в латинство, не будут забирать русских униатских церквей на латинские костелы: далеко не сдержано и это обещание. Словом, обманули русских владык иезуиты, бискупы с папой и королем во главе. А между тем, окончательно предавшись на унию, митрополит и владыки принялись сейчас же в конце своего собора карать православных. Они объявили православных епископов и всех духовных лишенными: сана; изрекали на них проклятие, издали о том грамоты и послали свое решение на утверждение короля.

Решительны были и действия православного собора в этот последний день его. С утра открыв заседание, он приступил к суду над отступниками православия. Патриарший экзарх подробно изложил вины их, указывая при этом и постановления древних святых соборов, осуждающие такие вины. Выслушав это, собор потребовал, чтобы тотчас объявлен был приговор над

отступниками. Тогда экзарх, как представитель патриарха, встав на возвышении и держа в правой руке крест, а в левой Евангелие, громко произнес: „святая Божия Восточная церковь повелевает нам и настоящему собору, чтобы митрополит Михаил и сообщные с ним владыки лишены были архиерейского достоинства и служения, епископской власти и всякого духовного сана“. Приговор подписали все члены духовного собора и только они, как и следовало по правилам церкви. С своей стороны православные миряне, как свидетели и последователи решений духовного собора, в союзе с членами его составили и подписали следующее заявление: ;,мы даем обет веры, совести и чести, за себя и за наших потомков, не слушать этих, осужденных соборным приговором, митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами, напротив, сколько возможно, противиться их определениям, действиям и распоряжениям, и стоять твердо в нашей святой вере и при истинных пастырях нашей святой церкви, особенно при наших патриархах, тщательно сохраняя огражденное законами общее спокойствие и сопротивляясь всем притеснениям, насилиям и новизнам, которыми бы стали нарушать целость и свободу нашего богослужения, совершаемого по древнему обычаю. Объявляем об этом, прежде всего, пред Господом Богом, потом и всему свету и, в особенности, всем обитателям короны, великого княжества литовского

и русских областей, к короне присоединенных". Просьба к королю и была отправлена еще с собора чрез избранных им послов. Послам дан наказ, чтобы, явясь к королю, они от имени пославших засвидетельствовали о их верноподданности королю, и затем сказали так: „собравшиеся в Бресте на собор высшие сановники, дворяне и другие православные благодарят вашу королевскую милость за напоминание о соединении церквей. Они рады были бы пристать к этому соединению, если бы не видели из прошлых времен, что подобное соединение, часто замышляемое, потом рушилось, потому что не было построено на истинном и твердом основании. Они усматривают и теперь важные препятствия к признанию подобного непрочного и бесполезного соединения. Первое: они признают себя членами и частью православной Восточной церкви, в послушании которой пребывали шесть сот лет слишком, и без согласия же патриархов не могут входить в соединение с Западною церковью. Второе: они не могут признать того соединения, которое затеяли и устроили несколько владык, людей подозрительных; они не доверяют им, опасаясь, что это соединение построено ими на худом основании. Третье: римская церковь полагает в основе единения власть папы, как будто бы единого верховного и всеобщего пастыря, а они, православные, не признают таким пастырем никого, кроме Господа Иисуса Христа, которого и апостол Петр называет

пастыреначальником. К тому же православные опасаются, что за подчинением папе могут последовать и другие нарушения в догматах веры и обрядах православной церкви. По всему этому они, дав твердый обет стоять при своей вере и церкви, усердно и смиренно просят короля не допускать нарушения церковных и гражданских прав их, согласно обещаниям и присягам, данным на это его предместниками и им самим. Они покорно и усильно просят, чтобы митрополит и владыки, отдавшиеся на унию под власть папы, были, согласно решению православного духовного собора, устранены от их мест, и чтобы церкви православной дозволено было избрать и поставить на их место других пастырей, верных православию.

Так кончился Брестский собор, которым завершился первый свыше трехвековой период борьбы Западной Руси за свою веру православную и неразлучную с ней народность русскую. Не были уважены королем просьбы православного собора; напротив, следуя внушениям папы, иезуитов, латино-польских бискупов и панов, он всеми мерами старался поддержать отступников православия, помогать им распространить свою унию; а иезуиты и бискупы, в союзе с папами, примутся распространять и самое латинство среди православных Западной Руси. Таким образом со времени Брестского собора начнется для неё другой свыше двухсотлетий период

новой, более трудной и тяжкой борьбы за свою веру и народность. Много испытает она страданий и потерь, но проявит и великие подвиги веры и любви к своей народности. Милость Божия не оставит се. Придет ей на помощь единоверная и единоплеменная Восточная Россия.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА I.

Борьба Западной России за свою веру и народность после Брестского собора до восстановления в ней православной иерархии.

1. Бедственное положение православных после Брестского собора.

Со времени Брестского собора (6—10 октября 1596 г.) начался в жизни Западной Руси второй свыше двухсотлетний период борьбы за свою веру и народность— борьбы более трудной и тяжелой, чем та, которую пережила она в прежнее время. Умножились трудности и тягости этой борьбы с появлением в Западной Руси так-называемой унии, нам уже известной. На Брестском соборе, как мы знаем, православными из всей Западной Руси, с участием и представителей православного Востока, отвергнута была эта уния, принятая небольшим и неправедным собором из нескольких отпавших от православия западно-русских владык и их сообщников, при пособничестве латинских епископов, иезуитов и панов. Знаем также, что

православные, отвергнув унию, как дело неправедное, дали обет преданности своей св. православной вере и церкви, объявили отступников православия отлученными от церкви и лишенными их сана, а короля польского покорно просили дозволить православной церкви избрать и поставить, взамен их, других православных епископов и сохранить вообще права православной церкви в Западной Руси. Просьбы православного собора не были уважены королем. Напротив, следуя внушениям римского папы, иезуитов, латино-польских бискупов и панов, он не только оставил униатских владык на их прежних местах, но и старался всеми мерами поддерживать их незаконную власть, помогать им распространять свою унию, повелевая православным повиноваться этим отлученным пастырям. Понятно, что они с своими сообщниками принялись то лестью, то властью навязывать унию православным в своих епархиях, преследовать неповинующихся им, как духовных, так и мирян. По следам первых отступников пошли и их преемники. И вот в пределах Западной Руси, доселе составлявшей единую православную церковь, явилось церковное разделение. Подле православной церкви явилась униатская, своей унией внесшая рознь и неприязнь в среду братий по вере и народности, какими доселе чувствовали себя православные Западной Руси. Пользовались этой рознью латино-польские бискупы, иезуиты и ксендзы в союзе с панами и

королем и, не довольствуясь унией, стали настойчивее увлекать православных и в самое латинство. Чрез отторжение православных Западной Руси от их праотеческой веры, чрез завлечение их в унию и латинство, они думали упразднить в них чувство единства их по вере и народности с Северо-Восточною Россией, объединить в вере с Польшей, ополячить их и таким образом навсегда прикрепить Западную Русь к Польше, навсегда слить их в одно польское государство, в один польский народ, и таким образом довершить дело Люблинской унии 1569 года.

Итак настало теперь для Западной Руси время новых, больших, чем прежде, смут и бед, новых соблазнов и притеснений её веры и народности, почему и борьба её за это дорогое праотеческое наследие становилась сложнее, труднее и тяжелее. Эта борьба ознаменовалась сильным подъёмом духа у лучших людей Западной Руси, подвигами, трудами и страданиями их для защиты и блага родной веры и церкви, страданиями за права своей народности. В этой борьбе понесет Западная Русь и печальные утраты, увидит отпадение части русских людей от родной веры и народности, переход их в унию, перерождение в польских латинян, увидит в этих отпавших новых недругов и гонителей веры и народности своих бывших братий и своих предков. Но она будет сильна своей

правдой, упованием на эту правду, упованием на благой Промысл, в судьбах которого готовилась современен помощь и защита ей от единоверной и единоплеменной Руси Северо-Восточной. Западная Русь в новый свыше двухсотлетий!! период борьбы её за свою веру и народность переживала разные состояния, изменявшиеся по отдельным кругам времен. По этим кругам времен мы и поведем здесь наши рассказы о ней. Первым из них был около 25-ти-летний круг жизни её со времени Брестского собора до восстановления в ней отнятой у неё православной иерархии (епископов), которое совершилось в Киеве в 1620 г. Сосредоточим внимание на тех силах и средствах, какими в это время располагала и действовала она в борьбе за свою веру и народность, отметим тех достопамятных деятелей, мужей и трудников, которые особенно подвизались для защиты и блага церкви в то тяжелое время.

2. Нравственная поддержка со стороны православного Востока; послания и письма патриарха александрийского Мелетия.

В первое, самое тяжкое время борьбы Западной Руси за свою веру особенно важна была ей помощь православного Востока, с которым она целые века пребывала в союзе веры, признавая высшую церковную власть над собой

константинопольского патриарха, чтобы не оставаться в зависимости от иноверной власти польского короля. Еще на Брестском соборе православные Западной Руси в своей борьбе с отступниками православия и устроителями унии воспособлялись духовною силою православного Востока, особенно восточных патриархов. На соборе были послы патриархов: константинопольского—Никифор Протосинкелл, и александрийского—Кирилл Лукарис, уполномоченные действовать их духовной властью. Имея во главе собора такую власть, православные Западной Руси и могли на этом соборе объявить отлученными и лишенными сана тех западно-русских владык, которые отпали от православия в унию, в числе их и самого митрополита Михаила Рагозу. Силу такого приговора понимали и творцы унии и подняли гонение на патриарших послов, особенно Никифора Протосинкелла, который был главным из них на соборе, а после собора жил у князя Константина Острожского. Именем польского короля Сигизмунда III, иезуитского послушника, Никифор потребован был на суд на варшавском сейме 1597 г. Тут взвели на него разные обвинения и клеветы,—будто он самозванец, турецкий шпион, не имевший власти от патриарха. Никифор правдиво защищал себя. Защищал его пред королем и сам князь Острожский, защищая при этом и все дело Брестского собора. В трогательной речи он напомнил королю о его клятвенных обязательствах уважать

права православной церкви в Западной Руси, напоминал о своих заслугах королю и государству, просил справедливости для невинно судимого Никифора, напоминал о суде Божием за неправду. Но все было напрасно. Никифора осудили, заключили в крепость, где и загубили. И вот первая жертва латинопольской неправды, совершенной в обиду православному Востоку, а вместе с тем и Западной Руси, заручавшейся его помощью в своей борьбе с унией и латинством *). Между тем, чтоб устранить эту помощь, король Сигизмунд III издал указ, которым повелевалось не пропускать в Западную Русь пришельцев и посланцев с Востока, а тех, какие явятся— гнать и преследовать. К счастью, православные Западной Руси были еще настолько сильны, что могли сами поддерживать сношения с православным Востоком, а король, хотя бы и хотел, не мог пресечь эти сношения. Итак они посылали на Восток добрых и разумных иноков с вестями о бывшем соборе, с описанием деяний собора, с увериениями о своей преданности православной церкви, о чем занес вести туда и возвратившийся из Западной Руси Кирилл Лукарис. С Востока последовал ряд посланий и писем в утешение и ободрение православных Западной Руси. Особенно усердствовал в этом деле александрийский патриарх Мелетий, занявший на некоторое время место и константинопольского патриарха, оставшееся праздным. То был святитель мудрый, просвещенный и благочестивый,

пламенный ревнитель православия. Приведем здесь несколько слов из его посланий и писем в Западную Русь. В окружном послании ко всем православным Западной Руси он писал так: „благочестивым и православным Россам, живущим под державой польского королевича, возлюбленным о Господе сынам нашего смирения, благодать, милость и мир от Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. Мужи российские, воспитанники благочестия, защитники православия, а предъизволением уже и мученики, как противящиеся державным властям ради благочестия. Впрочем, вы не поднимаетесь против властей Богом установленных, но любовь Божию предпочитаете всему прочему. Нечто особенное произошло у вас. Те, которые учинены были властвовать над вами, как пастыри, стали волками, отступили от доброго стада Христова, но они не смогли расточить вас или погубить, напротив подвигли вас к большей ревности по вере. О, христоименитыя овчата Христова стада, от Христа научившиеся не слушать голоса чуждых пастырей и не следовать за ними! О, земные ангелы, подражающие небесным ангелам, не ниспадшим с Денницею! Великое чудо благодати Божией проявилось на вас в том, что она отвратила вас от бывших владык ваших, которые возлюбили нынешний век и отпали от благочестия и православия! Вы пребыли непоколебимыми в богопреданном учении веры, учении Христовом, апостольском, святоотеческом. Вы

вместе со св. отцами и увенчаетесь венцем правды, который, по слову св. Павла, воздаст Господь Бог в день праведного суда всем скончавшим свое течение и соблюдшим святую веру"-Далее мудрый святитель Мелетий дает ряд наставлений об истинной церковной власти в лице патриархов и епископов, верных православию, о порядке церковного управления, о церковных братствах, церковном проповедничестве и т. и., чтобы таким образом у православных все было сообразно с духом и чином православной церкви.

Писал он Гедеону Балабану, епископу львовскому, который вместе с Михаилом, епископом Перемышльским, не последовал за владыками-отступниками и особенно ревностно и мужественно защищал православие в своей епархии. Похваляя и укрепляя его ревность, патриарх облек его званием своего экзарха, т.-е. уполномоченного на церковную власть во всей Западной Руси, чтобы таким образом имелась в ней своя высшая церковная власть взамен отвергнутой власти митрополита, ставшего униатом. Еще чаще писал святитель Мелетий к славному князю и великому поборнику православия Константину Острожскому. Князь прежде всех известил патриарха о делах Западной Руси после Брестского собора чрез нарочитаго посланца, иеродиакона Киприана, о котором Мелетий в письме к князю выражается так: „Киприан,

будучи добр и горяч духом, бегом примчался от вас к нам, все рассказал, все сделал". А князю святитель говорил так: „слышим о подвигах твоей державной главы, совершаемых для благочестия и за благочестие православной церкви, украшаемой Божественною благодатью! О вас носится такая слава поборничества за православие, что по всей подсолнечной у всех воспевается ваше имя равное победоносному вождю, т.е. как бы имя некоего нового и великого Константина!

За такие подвиги да даруется вам неувядаемая старость от Бога, для Которого благочестие есть нечто свое и от Которого нам, людям, дано православие. Не уставай со Святым Духом подвизаться за православие Св. Духа. Победит, хорошо знаю, Голиафа малый в братиях Давид пращою духа и камнями истины. Мы еще из Египта всячески поощряли вас в этих святых подвигах, содействуя вам и споборая вашим оружием благочестия; потом опять из Фракии раз, два или же три[11]). И хотя нас гнетут страдания церкви, хотя мы терпим великие искушения и величайшие стеснения, так - что (видит Бог) самая жизнь наша едва держится; однако мы не забываем о благочестии и о тебе, подвизающемся за благочестие. Ночью и днем молимся о вас Человеколюбцу, воздевая свои грешные и как бы

[11] Из Фракии—разумеется именно—из Константинополя.

пособляющие вам руки и желая споборать вам, как только можно".

В другом письме святитель говорит: „часто писали мы к твоей светлости, то восхваляя твою боголюбивую ревность и твои подвиги за благочестие, то прося тебя, чтобы ты не оставлял своих предначинаний, взирая на венцы, обещанные в Евангелии. Теперь, посылая тебе письмо с возлюбленным сыном Киприаном, опять прошу держаться отце-преданного учения, основываясь на том самом здравом размышлении, что то, чему учит православная, т.-е. Восточная церковь, тому учила и церковь Западная, учило и все собрание верующих, утвержденное на семи вселенских соборах, как на семи столбах дома премудрости. И каких наград достигли оные столь многие и столь славные отцы, нисколько не уклонявшиеся от пути благочестия, таких сподобимся и мы. Те же, которые (о, несчастные дни!), услаждаясь новизнами, удаляются от отеческого учения, окажутся лишенными и отеческой славы". Зная мудрость и благочестие князя, патриарх Мелетий назвал его своим экзархом, впрочем не для управления церковью, а для защиты её от внешних напастей и для попечения о её благосостоянии. Писал патриарх и многим другим православным князьям и дворянам Западной Руси, также церковным братствам разных городов, похваляя твердость их в вере православной, обличая неправды унии и

папизма, объясняя истину и правду церкви православной. Из многих мудрых советов, какие давал он православным, замечательны особенно частые и настоятельные советы его о заведении и умножении добрых училищ, печатании и распространении добрых книг, чтобы чрез это росло и ширилось в среде православных просвещение, знание христианского православного учения, а с тем вместе росли и укреплялись добрые христианские нравы. А как патриарх, он своей духовною властью благословлял православных на то, чтобы они, собравшись с епископами, которые пребыли верными православию, избрали и поставили достойных мужей на место митрополита и епархиальных владык, отпавших в унию. Не скоро настанет время, когда православным Западной Руси посчастливится исполнить этот завет патриарха. Теперь не позволял им этого король Сигизмунд, слушаясь иезуитов, оберегая власть униатских митрополита и владык. Верховодил между ними владимиро-волынский епископ Ипатий Поцей, завзятый униат и папист. Святитель Мелетий попытался вразумить его, написал ему большое письмо, в котором отечески объяснял ему неправоту папства и унии, истину православия, и умолял покаяться и возвратиться к православию. Грубо отвечал патриарху этот гордец, нахвалился своей унией, насказал укоризн ему и всему православному Востоку. Но не мог он повредить чести патриарха, которого уважали не только православные,

но и многие из иноверцев. Зная это, король Сигизмунд III задумал склонить патриарха на сторону папы и унии, написал ему льстивое письмо, убеждая патриарха признать римского папу тем, чем признал себя сам папа и чем уже признали его униатские владыки, т.-е. главою всей вселенской церкви и наместником Христа, каким был апостол Петр, первый епископ римский. Патриарх отвечал почтительно, но объяснил, что такого учения о папе и св. апостоле Петре не знала древняя и единая вселенская церковь, не знали древние св. отцы и вселенские соборы, что нет такого учения и в слове Божием, и затем просил короля возвратить права церкви православной в Западной Руси и не преграждать ей сношений с православным Востоком. Король, душою которого владели иезуиты, остался глух к словам патриарха, но не мог, как уже сказано, помешать сношениям Западной Руси с православным Востоком.

3. Участие афонских старцев в скорбях и бедствии православных Западной России.

Из других мест православного Востока помощным ей оказался в это тяжкое время особенно Афон. Св. Афонская гора со времени преп. Антония и Феодосия Печерских не прерывала сношений с Россией. Теперь на Афоне находилась дружина и русских иноков. И вот, когда

принесена была на Афон весть о Брестском соборе, об отступлении митрополита и пяти западнорусских владык в унию, афонские иноки возгорелись ревностью по вере. От всего Афона написано было сильное послание к православным Западной Руси с увещанием быть твердыми в вере православной и с обличением на владык, отступивших в унию: „дошла к нам, писали афониты, плачевная весть об отступлении, совершившемся у вас. Как братолюбцы ваши, оплакиваем это падение, скорбим, болезнуем душою и телом. Сталось теперь у вас так, что от тех, которые должны были бы озарять церковь светом своего жития по Евангелию—от тех возникли мрак, прелесть, соблазн. Но не смущайтесь, благочестивые! Мужайтесь, будьте тверды и непоколебимы в вере, страха людского не ужасайтесь. Если и тело убиют, то соблюдите главу, т.-е. веру, и вы прославитесь крестом. Ибо мы чаем другой жизни, жизни вечной, а за временные скорби нам уготована от Христа радость, если пребудем Ему верны... Эту радость воспримут все подвижники—крестоносцы, исповедники, по слову св. апостола Павла: *течение скончах, веру соблюдох, прочее убо соблюдается мне венец правды, егоже воздаст ми Господ в день он, праведный Судия, не токмо же мне, но и всем возлюблшим явление Его* (2 Тим. IV, 7—8). Не смущайтесь тем, что некоторые пастыри ваши заблудили и отступили. Без таких пастырей можно вам быть. Сам Бог изгнал их из церкви, как

недостойных носить высокое имя пастырей. Они не были истинными пастырями и учителями; это были прелестники, занявшие престолы лестью и хитростью, чтобы владеть имениями, а не служить церкви. Дырою влезли они на церковные пастырства, а не дверьми, как говорил о таких Христос. Не светом чистого жития, не смирением и подвижничеством достигли они епископства... Где добродетели и христианские подвиги их?... Не все ли они от юности до старости упражнялись в ссорах, тяжбах, судах, и всяких житейских ухищрениях? Вчера воин, пан, сластолюбец, а на завтра епископ. Не для того искали они епископства, чтобы радеть о церкви Божией, а для того, чтобы иметь больше богатства, больше слуг, обильнее трапезы. На епископствах они богатят свою родню, отдают дочерей в богатые замужества, величаются и высятся. Потому-то они и отбегли в римскую церковь, чтобы не разделять тех скорбей, гонений и поруганий, какие терпят верные православные от латинян и польского панства. Они отбегли в латинский покой, сулимый им под силою и славой папской. Но вы, братия, нечистоте их не прикасайтеся, а лучше терпите скорби и поношения, по слову Христову: *блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол, на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех* (Матф. V, 11—12). В числе западнорусских иноков Афона славился особенно Иоанн Вишенский. Этот ревнитель написал

несколько посланий и учительных грамот в Русь. Сильное обличительное послание направил он к самому митрополиту Михаилу Рагозе и владыкам-униатам, и между прочим так говорит им: „покажите мне вы, згоду (унию) вяжущие, кто из вас соблюл веру и заповеди Христовы? Не вы ли еще прежде разорили веру своими злыми делами? Не вы ли воспитали в себе похоть лихоимства и мирского стяжания? Никак не можете насытиться, а все более и более болеете алчбою и жаждою прибытков. Покажите мне, кто из вас исполнил шесть заповедей Христовых: алчущего накормить, нищего одеть, больного посетить и проч.? Не вы ли заставляете алкать и голодать ваших бедных подданных, носящих тот же образ Божий, как и вы?... Не отнимаете ли вы у них коней, волов, овец, выжимаете от них дани, обнажаете их, мучите, томите во всякое время, зимою и летом, в непомерных трудах? А сами, как идолы, сидите на одном месте, и если понадобится вам перенести свое идолотворенное туловище на другое место, то переносите безскорбно на колеснице, как бы сидя дома, тогда как бедные подданные день и ночь на вас трудятся и мучатся... Где вы послужили больным? Не вы ли делаете здоровых больными, бьете их, мучите, убиваете? Постучись только в лысую свою голову, луцкий, сколько ты, во время своего священства, живых послал к Богу мертвыми, сколько изгнал бискуп из этой жизни, одних сечением, других потоплением,

третьих палением огненным! Вспомни и Филиппа маляра, многоденежного: кому достались его румяные золотые после его насильственной смерти, и в чьем кошельке ныне находятся?... Кого вы посещали в темницах? Не сами ли вы заключаете христиан в темницы за правду? Не ваша ли милость позаботилась заключить в темницу Никифора, чтобы вам беспечно панствовать и не слышать из уст его обличений за свое отступление с вашим папой?... Покажите мне, кто из вас отрекся мира и взял на себя крест Христов? Не больше ли вы имеете теперь, чем прежде имели в мире?... Вот его милость Потей, хотя и каштеляном был, но только по четыре слуги волочил за собою, а ныне, когда бискупом стал, то больше десяти насчитаешь. Так же и его милость арцибискуп, когда был простою рогозиной, не знаю, мог ли держать и двух слуг, а ныне больше десяти держит. Так же и Кирилл, когда был простым попом, только дьячка за собою волочил, а как стал бискупом, догоняет числом слуг двух первых владык"... Окончив свои обличения владыкам - отступникам, Иоанн опровергает разные толки их и отговорки, которыми они старались оправдать свое отступничество, и в заключение убеждает их образумиться и покаяться. В послании к князю Константину Острожскому и всем православным Южной и Западной Руси он прежде всего благодарит Бога за их твердость в православной вере, убеждает и впредь пребывать непоколебимыми в ней и не

бояться папы, его слуг, а надеяться на Бога, по только покаяться пред ним и исправиться. Затем преподает разные советы касательно наставления в вере, церковного благочестия, богослужения, избрания достойных пастырей, устроения иноческого общежития, искоренения в народе суеверий и дурных обычаев, чтоб таким образом оживить и поднять дух веры и церкви в народе. Пламенный ревнитель веры и благочестия написал еще общее обличение всему народу в пределах тогдашнего польского государства. „Тебе, в земле польской живущему, всякого возраста, чина и состояния народу русскому, литовскому и польскому, в разных сектах и верах пребывающему, сей глас в слух да достигнет", — так начинает свое третье послание инок Иоанн Вишенский, и затем продолжает: „извещаю вас, что земля, по которой ногами вашими ходите, плачет по вас пред Господом Богом и вопиет, да пошлет Он серп смертный на вас, как древле на содомлян, желая лучше стоять пустою в чистоте, нежели населенною вашим безбожием и осквернênною вашими беззаконными делами. Ибо где теперь в польской земле вера, где надежда, где любовь? Где правда и справедливость суда? Где непорочное священство, где крестоносное житие иноческое? Где простое благоговейное и благочестивое христианство? Зачем именем христианским называть себя бесстыдно дерзаете, когда силы того имени не храните? О, окаянная утроба, которая таких

сынов на погибель вечную породила! Ныне в польской земле все священники, как некогда иезавелины жрецы, чревом, а не духом совершают службу; папы же над своими подданными сделались богами, высшими Самого Бога. Вместо евангельской проповеди, апостольской науки и святого закона, ныне поганские учителя (Аристотели, Платоны и другие им подобные) во дворах Христа Бога владычествуют. Вместо суда и правды царствуют несправедливость, ложь, кривда; вместо веры, надежды и любви—безверие, отчаяние, ненависть; вместо целомудренного жития— скверная нечистота. Покайтесь же все, жители земли той, покайтесь, да не погибнете двоякою погибелью, вечною и временною. А если не хотите покаяться все, то вы, православные, будьте готовы отделиться от этого погибельного и содомского рода, чтоб быть истинно новым Израилем, а не язычниками. Ибо где, между язычниками, виданы такие плоды нечестия, как ныне в земле польской? Не скорбите: Господь с вамп; имейте веру и надежду на Него непоколебимую; на панов же ваших русского рода, на сынов человеческих, не надейтесь: в них нет спасения, они отступили от Бога к прелести еретической... Да будут прокляты владыки, архимандриты, игумены, которые монастыри запустошили и фольварки себе из мест святых поделали; сами, с слугами своими и приятелями, скотскую в них жизнь провождают, гроши сбирают и на доходы, назначенные

для богомольцев Христовых, дочерям своим приданое готовят, сыновей одевают, жен украшают, слуг умножают, приятелей обогащают, кареты устрояют... Владыки безбожные вместо правила, книжного чтения и поучения в законе Господнем, день и ночь над статутами сидят и во лжи весь век свой упражняются После других, столько же резких обличений, обращенных ко всей земле польской, послание оканчивается новыми воззваниями к покаянию, пока есть время. От Иоанна Вишенского и других ревнителей доходили в Западную Русь и другие писания в обличение униатского отступления и латинопольских соблазнов, в утешение и ободрение православным и в назидание им.

4. Ревность православных епископов Западной России в борьбе с унией.

Но, воспособляясь православным Востоком, Западная Русь находила и в себе самой силы и средства для защиты своей веры, имела и своих поборников её. Таковы были прежде всего епископы, оставшиеся верными православию. Всего было их два: Гедеон, епископ львовский, и Михаил, епископ перемышльский (оба в Галиции). Но тем дороже они были православным, после отпадения в унию остальных шести, в числе их и самого митрополита. Митрополит-униат с

владыками-униатами приговорил этих двух епископов к отлучению и удалению, и король подтвердил такой приговор. Но Гедеон и Михаил не убоялись этого неправедного приговора и удержали свои места и свою власть, дружно поддерживаемые своими паствами и другими сильными лицами из православных, каков особенно Константин Острожский. Оба эти епископа старались не допускать вторжения в их епархии власти униатских митрополитов Михаила Рагозы и его преемника Ипатия Потея. Особенно Гедеон львовский отличался силою духа, ревностью в борьбе с отступниками и попечением о церкви во всей Западной Руси, имея на то и право по званию экзарха, каким облек его патриарх Мелетий. Он поставлял диаконов, священников, игуменов, архимандритов не только для своей епархии, но и для других епархий, в которых епископами были униаты, непризнаваемые тамошними православными паствами. Безбоязненно он и сам посещал такие епархии, совершал освящение церквей, антиминсов, рукоположения в священные степени. Злобились на него униатские владыки. Особенно сильно восставал на него Ипатий Потей, сперва как епископ Владимиро - Волынский, а потом митрополит после Рагозы. Он вопил и жаловался на Гедеона то королю, то папе, то сильным бискупам и ксендзам; временами кидал проклятия на Гедеона. Но все было напрасно. Гедеон твердо стоял на своем месте и в своем

долге и устоял до конца. Как мудрый и ревностный пастырь, Гедеон назидал православных и своей и других епархий окружными посланиями; основал в своем епископском имении Стрятине высшую школу, устроил книгопечатню, издавал церковные и учительные книги, говоря, что делает это и по собственной ревности о духовной пользе православных и по наставлению от блаж. патриарха Мелетия. Когда в 1607 г. скончался ревностный архипастырь Гедеон Балабан, то латинский львовский архибискуп и король Сигизмунд задумали отнять у православных епископскую кафедру в Львове и посадить на нее униата. Но православные с великими усилиями отстояли ее и избрали преемником Гедеону верного, благочестивого Иеремию Тиссаровского, который по благословению константинопольского патриарха был посвящен во епископа в соседней Валахии. Возвратясь оттуда во Львов, он прежде всего утешил свою паству окружным посланием, в котором заявлял свою верность православию, увещал ее твердо стоять в вере православной, не смотря на беды и гонения от врагов её. Не так посчастливилось Перемышльской епархии. Когда в 1610 г. скончался православный архипастырь её Михаил Копыстенский, то король с униатским митрополитом Ипатием Поцеем насильно, против воли православных, посадил на - Перемышльскую кафедру униата, и притом человека негодного. Горевали православные Перемышльской епархии,

но не смогли избавиться от насильника и только чуждались его, как лживого пастыря. Горько было и всем православным Южной и Западной Руси, что теперь осталась у них только одна из восьми епископских кафедр и только один епископ, живший притом в далеком Львове. Чувствовали они, что церкви нельзя быть без епископов, и потому некоторые из православных князей и монастырей приючивали у себя епископов пришлых из Греции, Болгарии и Сербии, которые и совершали для них рукоположения в священные степени. Но понятно, что такими пришлыми и временными епископами нельзя было довольствоваться. Необходимы были свои и постоянные. Вздыхали о том православные. Слышались среди них слова скорби, но и надежды: „когда святой Бог даст нам епископов?" И даст им Бог епископов, как увидим потом.

5. Твердость православных монастырей; насильственный захват униатами некоторых православных обителей.

Кроме епископов, пребывших верными православию, сильными поборниками за веру явились монастыри с своими архимандритами, игуменами и братией. Когда митрополит Рагоза с пятью владыками отпали в унию, то к ним

пристали всего два-три игумена или архимандрита, и то более по принуждению, чем по доброй воле; все же прочие были непричастны этому неправедному делу. Теперь униатские митрополиты и владыки хотели прибрать к своим рукам православные монастыри, чтобы насадить в них свою унию и завладеть богатыми имениями, какие были у некоторых монастырей; требуя подчинения от монастырей, их игуменов и архимандритов, эти митрополиты и владыки ссылались на свою епископскую власть, а еще более на власть короля, который щедро раздавал им грамоты на монастыри, чтобы этим наградить отступников за унию и пособить им насаждать ее в монастырях и в православном монашестве. Но архимандриты, игумены и братства православных монастырей справедливо рассуждали, что митрополит и владыки, отпавшие в унию и осужденные собором, не могут иметь власти над ними, да и король, клявшийся при короновании уважать права православной Руси, незаконно делает, отдавая монастыри отступникам. Так размышляя, православные монастыри и монашествующие, насколько могли, отстаивали себя, защищая тем и свою веру. Особенно прославилась в этом подвиге Киево-Печерская лавра. Король Сигизмунд 111 издал приказ о взятии лавры и её имений под власть униата м. Рагозы, чтобы наградить его за унию и насадить ее в самой лавре. Это он сделал по совету латинских бискупов и с одобрения папы, который прислал

даже свою буллу (грамоту) на подчинение лавры униатским митрополитам, как будто имел он какое-либо право до лавры, до чужого добра! Не раз после сего король присылал своих комиссаров с приказом взять лавру и её имение на имя м. Рагозы, который уже и звал себя архимандритом лавры. Но лаврская братия, во главе с своим архимандритом Никифором Туром, каждый раз твердо отражали эти несправедливые приказы. Лаврские иноки не допускали комиссаров даже в ограду лавры, встречали их перед воротами и говорили: „мы имеем архимандрита, и нового нам не нужно, да и нет в Киеве митрополита; а Михаила Рагозу, которого за отступничество от православия наши духовные низложили, мы не признаем митрополитом и не дозволим увязать его в наш монастырь (т.-е. отдать монастырь в его власть)“. В другой раз они говорили королевскому комиссару: „знаем, зачем ты приехал и какие листы имеешь от короля; тех листов и слышать и видеть не хотим и монастырь наш будем крепко охранять. Король ничего не имеет до нас, и мы не должны его слушать, так как он нарушает наши права и вольности". Преемник Никифора Тура († 1599 г.), благочестивый и просвещенный архимандрит Елисей Плетенецкий, в союзе с братией также твердо отстаивал лавру от притязаний преемника Рагозы, м. Ипатия Поцея, который беззаконно называл себя архимандритом лавры, хотя не смел и глаз показать в ней. Наконец за лавру вступилось православное

дворянство киевской области, настоятельно домогаясь, чтобы король отменил свое распоряжение о передаче её униату митрополиту. Король должен был уступить. Но теперь бедный король должен был сам просить папу, чтобы он отменил свою буллу о передаче лавры униатскому митрополиту. Не рад был папа, но согласился на просьбу короля и только наказал ему за лавру вознаградить Поцея чем-нибудь другим, а о самой лавре постараться, чтобы в нее был назначен архимандритом униат или римско-католик. Но не дождались того ни король, ни папа. Лавра никогда не была в унии. Не дались в руки униатам и другие киевские монастыри: Михайловский, Никольский, Кирилловский и Межигорский. Удалось им захватить на время только Выдубицкий монастырь. За то успели они силою, т.-е. с помощью королевских приказов и чиновников, позахватывать монастыри в других городах и областях Западной Руси, как напр. Свято-Троицкий в Вильне, Свято-Троицкий в Слуцке, Супрасльский на Полесье, Жидичинский на Волыни, Спасский в Кобрине, Лавришевский близ Новогрудка, Лещинский близ Пинска и др., всего до 12 монастырей. В некоторых из этих монастырей униатское монашество устроилось по образцу латинского. Так явились в унии монахи базилиане, похожие во многом на иезуитов. Скоро они, руководимые иезуитами, стали вожаками в унии и причинили много бед и смут православной церкви. Впрочем большинство монастырей,

захваченных в унию, было в худом положении. Лучшие иноки, верные православию, были изгнаны или сами бежали из них. Остались малодушные или распущенные, сдавшиеся на унию; новых порядочных иноков униатов не откуда было набрать для них. Следует заметить еще, что, довольствуясь чужим добром, т.-е. монастырями, отнятыми у православных, униаты не охотились устраивать новые монастыри, так что за все описываемое пятилетие основался у них всего один новый монастырь (в Минске).

6. Просветительная деятельность православных монастырей; возникновение новых обителей.

Лучше было состояние монастырей и монашества у православных. У них во всей Южной и Западной Руси оставалось еще много монастырей, которые, крепко стоя при вере православной, не дали себя в руки униатов, благодаря частью собственной стойкости, частью защите со стороны православных ктиторов из князей и дворян, городских обществ и братств. Сверх того у православных возникло до десяти новых монастырей, основанных ревнителями православия и благочестия, каковы: в Киеве—Братский - Богоявленский, в Вильне—Свято-Духовский, Братский, в Украине—Прилуцкий-Густынский,

Лубенский и др. Но главное то, что в православных монастырях и монашестве сказался теперь подъём духовных сил в подвигах иноческого благочестия и в служении защите и благу церкви православной. Явились новые подвижники и учителя иночества, и в числе их бывальцы св. Афонской горы, где они учились иноческой жизни, как прежде преп. Антоний Печерский. Таков Иов Княгининский, друг Иоанна Вишенского, близкий к епископу Гедеону и князю Константину Острожскому, много лет подвизавшийся на Афоне, а потом, возвратясь на родину в Галицкую Русь, основавший здесь три монастыря, отличавшиеся высоким духом иноческого жития. Таков Исакий Борискович, устроивший с помощью того же Иова строгое общежитие в Дерманском монастыре на Волыни, под покровительством ктитора его, князя Острожского. Таков Исаия Копинский, устроитель монастырей в за-Днепровской Украине или Полтавщине, в имениях князей Вишневецких, тогда еще верных православию. Замечателен подъём духовной жизни и в киевских монастырях, особенно в лавре. Наиболее поревновал об этом известный уже нам благочестивый и просвещенный архимандрит её Елисей Плетенецкий, имевший помощниками того же Иова Княгининского, Исаию Копинского и других, нашедшихся в самой лавре, или призванных из других добрых монастырей. Здесь-то надобно сказать, что, ревнуя о подъёме духовной жизни в монастырях,

все упомянутые подвижники и пособники их одушевлялись при этом не только собственною любовью к подвижничеству, но и мыслью о благе всей церкви в Западной Руси. Они помнили, что в былое время жизнь в монастырях послабела от разных беспорядков и нестроения, что эта слабость, эти беспорядки и нестроения были бы теперь особенно опасны, когда церковь в Западной Руси подпала новым бедствиям от унии, что нужно поэтому покаяться, одуматься, начать лучшую жизнь, и этим укрепить православное монашество и вырастить в нем новые силы для защиты веры и церкви и её духовного преспеяния. И действительно, теперь важнейшие православные монастыри много более прежнего стали назидать общество и народ примером строгого благочестия, укреплять в вере благоговейным служением и пением, имели у себя, особенно в лавре, добрых проповедников, заводили училища, типографии, печатали церковные и учительные книги в поучение православным и обличение противникам веры и церкви, устраивали богадельни и странноприимницы. Наконец в монастырях воспитаются для Западной Руси достойные избранники на епископство, которые и выступят сильнейшими поборниками веры и церкви, как увидим ниже.

7. Бедствия православного духовенства; подвиг мученичества.

Белое духовенство, соборное и приходское, также ознаменовало себя в борьбе за веру. Но борьба эта была для него тяжелее, чем для монашествующего духовенства. Белому духовенству труднее было противиться незаконным униатским владыкам и их унии, потому что оно не было так сильно союзом и средствами, как монастырские братства, а главное потому, что униатские владыки, опираясь на польские власти, имея толпы слуг, могли изгонять и изгоняли священников с их мест, а следовательно лишали их с семействами средств к жизни. Не раз владыки учиняли и более жестокие насилия над священниками, отвергавшими унию, а с тем вместе и власть униатских владык. Однако и этим владыкам далеко не легко удалось принудить духовенство к унии, а во многих местах и совсем не удалось. Так в митрополичьей епархии, обнимавшей Киев, Вильну, Троки, Минск, Новогрудок, Слуцк, Гродно и соседние города с их уездами, сопротивление унии оказало прежде всего киевское духовенство. Оно отказалось признавать власть м. Михаила Рагозы, как низложенного собором за унию. А когда преемник его Ипатий Поцей в 1610 г. прислал в Киев своего униатского официала (старшего протопопа), и тот потребовал, чтобы в неделю православия все священники явились в Софийский собор, служили с ним, поминая папу и м. Ипатия Поцея, то священники, собравшись пред собором, сказали, что не будут служить с ним, не признают

власти униата-митрополита, ни его унии. Однако, с помощью польской власти, Софийский собор отдан был униатам, а прочие церкви почти все остались за православными священниками, собором же их была Успенская церковь на Подоле. За киевские церкви вступились и горожане, готовы были вступиться и козаки, так что униатские митрополиты не отваживались и глаз показать в Киеве. Боролось с унией духовенство и в Вильне. Но здесь сильна была польская власть; здесь сильнее налегал на него м. Ипатий Поцей. Поэтому, после разных колебаний в борьбе православия с унией, значительная часть Виленских церквей взята была на унию, в том числе и соборная Пречистенская церковь. В Слуцк митрополит Рагоза прислал сперва своего наместника с властью налагать запрещение на всех священников, несогласных на унию, и запечатывать их церкви. Когда затем прибыл в Слуцк и сам митрополит Рагоза, то Слуцкие горожане готовы были забросать его камнями, за что, впрочем, они обложены были ежегодною пеней. Преемник Рагозы Поцей уже сильнее налег на слуцкое духовенство: „помните, писал он слуцким священникам, я вам не Рагоза!“ И точно: Поцей был завзятее Рагозы, а теперь он имел за собою в Слуцке еще и власть латинника пана Ходкевича: и так вынуждено было слуцкое духовенство покориться наместнику Поцея и платить ему так-называемые куницы, т.-е. своего рода подать. В Новогрудке духовенству было еще

труднее противиться унии: сам новогрудский воевода Федор Скумин-Тышкевич, бывший православный, к несчастию отпал в унию и увлекал за собой и других. Долее держалось против унии минское духовенство, но также должно было уступить силе митрополичьей власти, особенно при митрополите Поцее. Этот же Поцей еще грознее поступил с духовенством в своей владимиро-волынской и брестской епархии, которую он, по милости короля, удерживал за собой и тогда, когда стал митрополитом. Так напр., в Бресте он за непокорность унии приказал схватить православного священника Павла и заключить в смрадную темницу; другим священникам брил бороды и головы; третьих выгонял с приходов, подвергал побоям и истязаниям. Во Владимире-Волынском при церкви святого Василия был твердый в православии священник Мартин, безбоязненно совершавший службы для своих православных прихожан. Озлился на него Поцей. В 1600 г. накануне Рождества Христова благочестивый Мартин совершал заутреню. Вдруг, внезапно ворвались в церковь с шумом и криком до двадцати вооруженных слуг Поцея, схватили о. Мартина и повлекли его к Поцею. Поцей прежде всего собственноручно ударил его в лицо, потом, вошедши в самую церковь и став на амвон, приказал представить ему о. Мартина в полном облачении и с чашею в руках; а когда о. Мартин был представлен, Поцей отобрал у него чашу, велел снять с него священнические

одежды и, взяв ножницы, сам остриг его голову на четыре стороны, поручив тут же диакону выстричь ее всю. Подобно Поцею, и его главный сообщник Кирилл Терлецкий насильничал над духовенством в своей Луцкой и Острожской епархии. Так близ Луцка при монастырской Спасской церкви был священник Стефан Добрянский; он еще на Брестском соборе 1596 года явил себя смелым противником унии и принявшего ее владыки Кирилла. Непоколебимо противился он унии и теперь, когда Кирилл стал силою вводить ее в церквах) и духовенстве г. Луцка. Потому православные из народа стали обращаться к о. Стефану за духовными требами. На что же отважился отступник Кирилл? Он подослал своих людей, которые подстерегли о. Стефана, когда он возвращался из города в свою подгородную церковь, схватили его и спустили под лед в р. Стырь. Православные занесли жалобу, подтвердили ее свидетельскими показаниями об убийстве, но справедливого суда не дождались. Впрочем не все владыки, принявшие унию, были так ретивы в распространении её в духовенстве и народе, как Поцей и Терлецкий. Так о полоцком епископе Германе близкий современник говорит: „владыка Герман не принуждал священников к унии. Напротив, когда им (от имени короля) велено было подписываться на унию, а городской протопоп Соломон и другой с ним не захотели подписываться, то владыка разорвал лист, на котором иные уже

подписались было, заплакал, а протопопа Соломона взял себе в духовники. Таким, т.-е. верным в душе православию, остался Герман до самой смерти. И в епархиальном духовенстве, принужденном принять унию, громадное большинство оставалось в душе верным православию и готово было в первое же удобное время бросить насильно навязанную ему унию. Вот пример на это. В одном округе митрополичьей епархии, на Подлесье, в г. Заблудове (близ Белостока) был знаменитый протопоп Нестор Козьминич, бывший еще на Брестском соборе в числе главных поборников православия против унии. Сведав о его ревности по вере, константинопольский патриарх дал ему звание экзарха, т. - е. право именем патриарха охранять православие и благочиние в духовенстве всей митрополии. Когда в 1609 г. со многих мест православные собирались занести на варшавском сейме жалобы на неправды и жестокости Поцея, Нестор Козьминич, по званию экзарха, издал окружное послание к духовенству с призывом 16 возревновать о православии. И вот в Слуцке, Новогрудке, Гродне, Минске, Троках, Жировичах (недалеко от г. Слонима) и др. местах духовенство, во главе с своими протопопами, отказалось от унии, изъяло свои церкви из-под власти униата Поцея. Поцей испугался и горько завопил о помощи к своим латино-польским покровителям, а те к королю. Скоро Поцей опять увидел за собою силу, пред которою волей-неволей духовенство

должно было присмиреть и терпеть противную ему власть униатского митрополита и его унию. Преемник Поцея Рутский уже довольно спокойно пользовался своей властью над униатским духовенством и старался привлечь к унии и забрать под свою власть остальное православное духовенство. То же делали и другие униатские владыки в своих епархиях. Православное духовенство еще было численнее униатского, за то последнее почти везде заняло старшинство власти при кафедральных соборах, ибо к такому старшинству допускали только униатов, а православных удаляли с старшинства или вообще не допускали к нему. Устроив свое старшее духовенство по образцу латинских соборов или капитулов при бискупах, униатские митрополиты и владыки желали создать из него новую силу для давления на прочее духовенство, для утверждения унии и дельнейшего распространения её. Итак борьба с унией становилась, чем далее, тем сложнее и тяжелее.

8. Православные князья и дворяне — защитника веры и русской народности.

Но в борьбе с унией и латинством небыли одинокими православные архипастыри, не были - беспомощны ни монастыри, ни духовенство. В борьбе живое и сильное участие принимали

миряне, каковы прежде всего *православные князья и дворяне.* Во главе , тех и других, как прежде до Брестского собора и на соборе, так и теперь после собора, стоит все тот же могущественный, просвещенный и благочестивый князь Константин Острожский. С любовью нося данное ему патриархом высокое звание экзарха, он являлся истинным - попечителем о церкви на всем пространстве Южной и Западной Руси. Не раз предостерегал он короля от несправедливых и обидных православной церкви распоряжений, ходатайствовал пред ним о её делах. Как киевский воевода, он оказывал покровительство православным в Киеве, в частности здешним монастырям, церквам и духовенству. Как владетель громадных имений, целых городов, местечек и сел на Волыни, он в этих имениях поддерживал и обновлял монастыри, церкви, защищал их от захвата униатских владык. Он сносился с православными всех концов края, увещевал своими посланиями, мирил распри, утешал в скорбях и гонениях, возбуждая к терпению и упованию на Бога. Он поддерживал свою Острожскую школу и типографию, завел новую школу и типографию при Дерманском монастыре, чтобы доставить церкви больше просвещенных людей и учительных книг и писаний для укрепления в вере и отражения наветов и соблазнов противной стороны. Знал великую силу князя Константина сам папа римский и пытался совратить его в унию, написав ему льстивое письмо. Князь отвечал

почтительно, но отклонил соблазны. Еще упорнее пытался обольстить князя на унию митрополит Ипатий Поцей, сложив для сего весьма большое и хитрое письмо. По поручению князя один острожский клирик составил на Поцеево письмо сильную отпись. Поцей в своем письме восхвалял унию, как значащую единение, согласие. Клирик многими примерами из ветхозаветной и новозаветной истории показывает Поцею, что единение и согласие может быть и в недобром деле и не на добро; если оно несогласно с волею Божией, то оно противно Богу, гибельно для людей. „Не таково ли, отче Владыко, говорил ему клирик, и ваше согласие — уния? Посмотри оком и послушай слухом, что наделали вы своей унией! Нет города, нет селения, которых не наполнили бы вы плачем и рыданием людей, держащихся отеческого предания и веры... Какого не сделали вы гонения, какого поругания, оплевания, замешательства, какого не произвели кровопролития, убийства, тиранства, мучения, насилия в домах, училищах, церквах? Вы иссушили взаимную любовь в людях, произвели раздор между родителями и детьми, между братом и братом, поссорили господина с крестьянами... Вы потеряли совесть, преступили клятву, обманули папу, присягали за всех нас, отправляли от нас посольство, о котором мы и не думали... Ты, отче владыко, внушаешь князю приступить к восхваляемой тобою унии. Но если бы это дело велось, как следует, то

князь не допустил бы никому опередить себя... Ты говоришь, что вы ничего нового не сделали, а только возобновили флорентийское соединение, полтораста лет лежавшее в забвении: и я также вижу, да и всем явно, что ваша нынешняя уния возобновила то, что сделано было на том разбойническом сонмище; а там одних давили, других топили, иных морили голодом или узами, а иных лишали жизни хитростью". К концу своей „отписи" клирик устами князя с силою утверждает мысль, что истинная церковь есть не римская, а Восточная. До конца жизни князь ревновал о защите и благе этой церкви, так что православные называли его „стражем святой Восточной, соборной и апостольской церкви". Делами благотворения, подвигами молитвы венчались добродетели и заслуги князя пред Богом и церковью. Скончавшийся в глубокой старости (около 80 лет), приснопамятный князь погребен в своей замковой Острожской церкви. Поощряемые примером князя или же собственною преданностью родной вере и церкви, ревновали о защите их и другие православные дворяне, заступавшиеся вместе с тем за свою русскую народность. Так на своих областных съездах или сеймах, также на генеральных или общих сеймах в Варшаве, православные князья и дворяне из года в год поднимали голоса против незаконной власти униатских владык и их унии, требовали низложения их, дозволения поставить православных епископов, громко жаловались на

разные притеснения и обиды православным. Чрез это православные дворяне не мало сдерживали латино-польские и униатские неправды и насилия православной вере и народности. Не раз бывало даже так, что главные виновники унии Поцей и Терлецкий привлекались к суду и ответу на сеймах, подпадали осуждению, а православным, по требованию дворян, давались полные права на избрание епископов. Сверх того православные дворяне, заседая в урядах, судах, часто могли давать защиту обижаемым единоверцам и управу обидчикам. Но то была беда, что постановления сеймовыя и судебные в пользу и защиту православных и против униатских и латино-польских неправд большей частью приостанавливались, отлагались или даже совсем отменялись властью короля, судом и проделками латино-польских панов, бискупов, иезуитов. В тогдашней Польше правды трудно было добиться.

9. Основание православными дворянами новых обителей.

Более возможности имели дворяне ограждать православную церковь, монастыри и храмы в своих имениях на основании общих прав своего дворянского сословия. На основании этих же прав они могли строить новые монастыри и

церкви на своих или купленных землях, могли дарить эти земли другим под постройку церквей и монастырей. И то особенно замечательно, что ктиторы новоустроенных монастырей и церквей в своих записях по поводу строения их имели теперь обычай и считали нужным заповедовать, чтобы эти монастыри и церкви оставались навсегда в обладании православных, и самым наследникам своим запрещали отменять правильное служение в этих монастырях и церквах под угрозой утраты прав ктиторства. Из многих примеров на это припомним здесь два. В 1609 году князь Адам Корибут-Вишневецкий и жена его Александра, урожденная Ходкевич, основали в своем имении Брагине-сельце (ныне Речицкого уезда, минской губ.) разом два монастыря: мужской общежительный Спасский и женский Благовещенский. В своей записи об этом они выражаются так: „желая, чтобы хвала милого Бога пребывала во веки, более и более расцветала, множилась и неизменно ширилась на этой юдоли земной, мы во славу святого Имени Его основали в нашем сельце Брагине монастырь с церковью Святого Спаса“. Сказав, что монастырь отдается инокам на общежитие по уставу св. Василия и для совершения в нем ежедневно службы Божией, перечислив земли и угодья, назначаемые на содержание монастыря, ктиторы заповедуют: „а братия монастыря должны будут избирать себе в архимандриты человека доброго, достойного веры,

наставленного в слове Божием и духовной науке, который бы учил не по толку какой-либо секты или ложных инославных учителей, а на основании слова Божия и св. отцов стародавней греко-восточной церкви, чтобы сам он твердо хранил и людям показывал правдивую веру христианскую... Если же бы между монахами нашего монастыря случайно объявились такие, которые, не держась вполне и строго христианской восточной веры и богопреданных писаний, увлеклись какими - либо ложными учениями, старо или ново-выдуманными, таких я, ктитор, повинен буду (разумеется, по требованию православных иноков) тотчас смирять и удалять из монастыря. А если бы кто-либо из наших потомков отступил от св. православно-христианской веры и захотел бы исказить службу Божию (православного чина) в этой церкви Св. Спаса и монастыря, то да будет на таковых клятва св. отец и моя родительская; рассудятся они со мною на страшном суде. И мы, ктиторы, отчуждаем таких потомков от ктиторства, не должны они иметь никакого права до этого моего монастыря и его имений, а я теперь сим листом при моей жизни и навсегда по жизни моей вверяю этот монастырь во власть и оборону наперед Господу Богу, а потом святому отцу патриарху константинопольскому, а патриарх, какой будет тогда, имеет всячески оборонять наш монастырь и стараться, чтобы никогда не нарушилась в нем служба Божия по уставу православной Восточной церкви".

Подобным же образом ктиторы ограждают в своей записи сохранность православию и женского Благовещенского монастыря. Еще пример. В 1611 г. в минском воеводстве жена маршалка (предводителя дворянства) Богдана Стеткевича Евдокия Григорьева, урожденная княжна Друцкая-Горская, пожертвовала в г. Минске три пляца (усадьбы) по Юрьевской улице на устройство монастыря и церкви в честь святых апостолов Петра и Павла. Сдавая пожертвование на руки игумену Павлу Домживу и его инокам, ктиторша заповедует, чтобы будущий монастырь был общежительный, по уставу св. Василия; чтобы он вечно и неотступно состоял в православии под благословением цареградского патриарха. Опеку над своим монастырем жертвовательница поручила своему сыну Вильгельму Статкевичу и своим родным, которые все были православными, а также князю Ивану Огинскому и всем православным обывателям минского воеводства, прося их содействовать устроению монастыря и быть всегда его защитниками и попечителями, как русского православного монастыря. Приняв на себя такое опекунство, православные дворяне и земские урядники минского воеводства и других поветов на своем съезде в Минске 1612 г. составили замечательное постановление. Они начинают торжественным за себя и всех православных Западной Руси исповеданием, что в лице древних предков своих они по воле и милости Божией и по

старанию святителей Восточной церкви приведены к истинной, православной христианской вере и крещены в ней; стали под благословение восточных патриархов, снабжены от них добрыми постановлениями, ограждены в вере уставами князей своих, потом князей литовско-русских, но удерживали права своей веры и церкви и при польских королях до нынешнего включительно. „Но вот в настоящие плачевные времена некоторые владыки, без ведома и против воли всей нашей Руси, поступили против учения восточной веры и церкви, отреклись от послушания православному патриарху и отдались под никогда небывалую на Руси власть римского папы. Совесть наша не позволяет и никогда не позволит нам, чтобы мы последовали за такими пастырями. Итак, желая с горячим сердцем и чистою совестью исповедать прежде всего нашу веру пред лицом Господа Бога, в Троице Единого, а также засвидетельствовать нашу преданность Восточной православной церкви и пребывать в ней под благословением константинопольского патриарха, мы, пользуясь нашими дворянскими правами, основали на пашей дворянской земле монастырь и церковь св. апостолов Петра и Павла, с тем чтобы в нем всегда были иноки православные, чтобы монастырь оставался под благословением константинопольского патриарха, чтобы в монастыре была неизменно православная церковная служба, доброе общежитие иноческое, а также и

школа для детей ради умножения в церкви Божией людей знающих и просвещенных. Заклинаем за себя и за потомков наших, чтобы никто не дерзал отчуждать этого монастыря от церкви православной и от благословения православного патриарха под угрозою анафемы. А всех соотчичей наших, людей православно-христианской веры, смиренно и усердно просим на всяком месте и во всяком деле оборонять наш монастырь от всяких посягательств, противных нашей вере и совести, в чаянии воздаяния за сие от Бога милосердого". К этому постановлению приложены печати и подписи 52-х дворян, в числе которых были Огинские, Тышкевичи, Стеткевичи, Ратомские, Тризны, Сулятицкие, Володковичи, Рагозы, Ваньковичи, Селявы, Станкевичи, Ейсманы, Крупки, Коханы, Закревские, Пашковские, Лескевичи и друг. Много подобных записей православных дворян было по другим областям, особенно на Волыни. А сколько можно бы собрать еще одиночных, фамильных записей православных западно-русских дворян того времени, в которых они с мольбою и клятвою завещают своим детям и всем потомкам не изменять праотеческой вере и народности, грозя за это судом Божиим и своим неблагословением. Насколько дети и потомки будут помнить заветы отцов и предков— это увидим потом. А теперь остается нам сказать еще о городских обществах и братствах, как поборниках за веру православную и русскую народность.

10. Православные братства в борьбе с унией.

Старейшие братства, начавшие борьбу за веру еще до Брестского собора, теперь после собора повели эту борьбу живее и усиленнее. Борьба эта вызвала появление многих новых братств по городам Западной Руси. Как прежде, так и теперь, братства состояли преимущественно из горожан, мещан, купцов. Но теперь более, чем прежде, к ним присоединялись ревнители из духовенства и дворянства, а потом и старшего казачества. Более чем прежде братства вступают в сношения между собою для взаимной помощи в борьбе с общими противниками и опасностями, при чем старшие служат примером и подпорою младшим. Такими в описываемое время были львовское и виленское.

11. Деятельность Львовского братства.

Львовское братство, состоявшее при Успенской церкви в гор. Львове, было сильно уже тем, что это было братство ставропигиальное, т. - е. находилось в ближайшей духовной зависимости от константинопольского патриарха, чаще других сносилось с ним и православным Востоком, помогая в этих сношениях и другим братствам и всей вообще Западной Руси. Прежде были у него печальные несогласия с львовским епископом

Гедеоном. Теперь, в виду общей опасности, они постепенно затихли, благодаря увещаниям патриарха, советам князя Константина Острожского и доброй воле епископа и братства. Итак, опираясь на власть патриарха, на союз веры с епископом и собственную силу, братство отражало все попытки униатских митрополитов подчинить его своей незаконной власти и привлечь к унии. За это ему пришлось терпеть обиды и притеснения от латино-польских властей. Но твердое в своем подвиге для веры, оно встречало поддержку в дружных с ним православных князьях и дворянах. Так напр., в 1600 г., одном из самых тяжких годов для братства, князь Константин Острожский писал ему: „Милые мои господа, Львовские мещане! Весьма сожалею о кривдах и стеснениях, которые вы терпите. Вести о них доходят к нам, как чрез ваши писания, так и чрез устные жалобы ваших милостей. Но теперь это и не дивно; ибо не только вам, но и всем нам делаются такие кривды, противные праву и нашим вольностям. Вот недавно на большом варшавском сейме, в отсутствии нас и наших послов, издано постановление, весьма противное общественному праву, а еще более святой справедливости. Потому и вашей милости не могу дать другого совета, как тот, чтоб быть терпеливыми и ждать помилования от Бога, склонит ли Он, по Своему милосердию, сердце короля к чувству святой справедливости... Наконец будет другой сейм, тогда мы

постараемся с прочими послами от дворян изложить как наши обиды, так и ваши“. Несколько позже в том же году писал братству знатный дворянин Богдан Стеткевич от себя и своей супруги: „Честные и возлюбленные во Христе братия! Благодарим Бога всегда о вас, поминая вашу веру, труды и подвиги, и терпение для благочестия. Молим Господа, да утешит и утвердит вашу любовь и да поспешит вам во благое. Ибо умножились туне ненавидящие православие ваше и наше; но блаженны вы, по слову Господа, егда рекут всяк зол глагол на вас (Матф. 5, 11). Итак, ничтоже сумнящеся, подвизайтесь в благочестии, и Господь Бог управит ваши подвиги. Он ваш защитник и крепкий заступник. Ему слава и держава во веки". Крепкое своим союзом, поддерживаемое союзом с ревнителями из духовенства и дворян, братство мужественно защищало права свои и права веры и народности русской пред королем, польскими властями, судами и сеймами. своей твердостью братство ободряло и других. Православные г. Львова и Галицкой Руси много обязаны братству тем, что здесь теперь и надолго удержалась кафедра православного епископа, когда все прочие захвачены были на унию. А своей школою, книгопечатнею, трудами и писаниями своих учительных людей братство оказывало духовную помощь не только Галицкой, по и всей Южной и Западной Руси.

12. Бедствия виленского Свято-Духовского братства; Стефан Зизаний и Леонтий Карпович.

В Западной Руси в описываемое время наиболее подвизалось в борьбе за веру и на помощь церкви— виленское братство. Для него в первые годы борьба была еще тяжелее, нем для львовского. В Вильне, тогда главном городе Западной Руси и западнорусской митрополии, власть униатских митрополитов была ближе и сильнее. Здесь сильнее поддерживали ее король и латино-польские власти; здесь же сильнее были иезуиты с своей школой, готовые на всякие обиды и насилия православию. Виленское братство состояло при Свято-Троицком монастыре. Но как бы предчувствуя, что его оттеснят отсюда, братство еще до Брестского собора начало строить свою церковь во имя Святого Духа, с дозволения короля, который тогда думал, что братство будет в унии. Теперь, слыша, что братство крепко стоит за православие, король, по наущению латинян, запретил ему продолжать постройку, обидно выражаясь, что церковь строится не столько для хвалы Божией, сколько для распространения ереси, т.-е. православия. Но братству помогли две знатные дворянки, жены областных воевод Зеновича и Абрамовича, родные сестры из фамилии Воловичей. Они закупили на свое имя тот „пляц“, т.-е. усадебное место, на котором строилась церковь, и

братство от их имени заявило, что церковь строится на пляце этих дворянок; а дворяне тогда имели право строить на своих землях какие угодно церкви. В начале 1597 г. церковь была окончена и освящена, и православные жители Вильны, у которых не оставалось более ни одной церкви в городе, кроме этой, вновь сооруженной, готовились встретить в ней светлый праздник Воскресения Христова. Это-то время и избрали враги православия, чтобы нанести православным самое тяжкое оскорбление. Под вечер в великую субботу толпа студентов иезуитской академии, человек в пятьдесят, предводимая ксендзом Гелиашевичем, пришла на братский двор, где находилась и братская школа — „коллегиум" и церковь. Сначала они зашли в школу, и здесь Гелиашевич с гордостью вызывал на диспут жившего в школе чернеца— учителя о. Никифора, а один из студентов (Антон Десараний) завел спор с русским педагогом Ольшевским, который с питомцем своим, сыном князя Богдана Огинского, подкомория Троцкого, посещал братскую коллегию и теперь в ней находился. Из школы отправились в церковь, в которой большие двери были уже заперты; вторглись в алтарь с крайним бесчинством и сбросили с престола крест и евангелие; оттуда через царские двери выступили на средину храма, где стояла плащаница, схватили ее и бросали из стороны в сторону, а когда слуги церковные, убиравшие церковь к празднику, стали уговаривать

безчинников, то подверглись от них брани и даже побоям. На самый праздник Воскресения Христова, когда началось богослужение, студенты снова явились толпой в братскую церковь и, обступив плащаницу, пытались ее опрокинуть, издевались над церковными обрядами, толкали молящихся, а женщин кололи шпильками, и, выдвинувшись вперед к алтарю, не пропускали никого к святому причащению, так что священник Герасим, вышедши из алтаря, едва упросил их немного посторониться. Еще более дерзости и наглости позволили себе буйные воспитанники иезуитов в тот же день на вечерне в братской церкви, куда пришли они теперь вооруженными. Они разместились кучками: одни стали у дверей церковных, другие в притворе, третьи посреди церкви, четвертые с певчими на клиросе, и везде толкали людей и кололи шпильками, а женщин по устам, по лицу, по устам потирали пальцами и руками, произнося постыдные слова. Несколько раз наносили удары сзади диакону Михаилу во время его хождения по церкви и, заняв место вокруг амвона, не пропускали туда священнослужителей для совокупного пения, а когда бакалавр (учитель) греческого языка в братской школе Демьян Капюшовский попросил безчинников немного податься, то его ударили в лицо и повлекли было из церкви. С трудом уговорили их оставить церковь; но из церкви они бросились в братский коллегиум и ранили здесь попавшегося им на

встречу слугу брестского воеводы Зеновича. Потом выбежали на улицу, где ждали их несколько сот их товарищей-студентов и великое множество мещан, мастеровых и торговцев римской веры. Вся эта толпа, вооруженная ружьями, луками, камнями, топорами, начала штурмовать коллегиум и соседний дом братский, в котором остановилась приехавшая для богомолья жена смоленского воеводы Абрамовича. Буяны выломали ворота и железные решетки, повыбили окна, повредили стены зданий, пробили кровлю на друкарне, переранили школьную и церковную прислугу. На другой день утром, во время литургии, те же студенты с оружием в руках, разделившись на три группы, напали на дома братские, на коллегиум и на церковное кладбище; били и преследовали мещан, шедших в церковь, ранили одного братчика и, наконец, вторглись в самую церковь и произвели в ней великую тревогу и замешательство. Делая нападения на братскую церковь, иезуиты рассчитывали, что православные не вытерпят, окажут сопротивление студентам в самой церкви, произведут смуту, кровопролитие; а это послужит законным основанием для закрытия церкви. Но православные вытерпели, как ни горько было им поругание их святыни; они плакали от огорчения и молились, но сопротивления не оказали. Старосты Виленского Свято-Троицкого братства, которое отселе справедливее могло называться Свято-Духовским по имени своей

собственной церкви, а с ними и жена смоленского воеводы Абрамовича, принесли (5 мая) жалобу на иезуитов в трибунальный суд. Но трибунальный суд отказался разобрать это дело и определил отослать его на генеральный сейм. Тогда приносившие жалобу обратились в Виленский градский суд и просили, по крайней мере, допросить свидетелей и занести их показания в виленские городские книги. Это было сделано, но злодеяние иезуитов осталось безнаказанным.

Вскоре затем обрушились на братство напасти от Ипатия Поцея. Еще до Брестского собора был в Троицкой братской церкви ревностный проповедник Стефан Зизаний, громко говоривший против унии и принявшего ее митрополита Рагозы. Осужденный митрополитом Рагозою, гонимый королем, но оправданный православным Брестским собором, Стефан Зизаний ждал времени, чтобы вновь выступить обличителем отступников в унию. И вот, когда по смерти Рагозы Поцей получил от короля митрополичью кафедру, Стефан Зизаний явился в Вильну и здесь в братской Троицкой церкви стал сильно обличать унию и нового лжемитрополита. Раздражились и король и Поцей: Троицкая церковь была запечатана, а Зизанию грозили смертным боем, так что он едва спасся через дымовую трубу и бежал из Вильны. Однако братство внесло протест (запись) в городские книги, в

котором от имени всех православных жителей Вильны заявило, что они не признают Поцея своим пастырем и что он, не будучи их пастырем, насильно привлекает их под свою власть. Но Поцей не унимался. Он задумал отнять у братства двух священников, бывших при Свято-Духовской церкви, которых рукоположил, для братства Гедеон епископ львовский. Ктиторы церкви и члены братства из дворян, в числе их смоленский воевода Абрамович, князья Богдан Матвеевич и Богдан Феодорович Огинские явились к Поцею вместе с теми двумя священниками и сказали: „не только священники, но и все православные жители Вильны всегда покорялись киевским митрополитам, доколе они сами находились в православии и послушании патриарху. Но когда ты и покойный митрополит Рагоза с некоторыми владыками поддались папе, желая увлечь за собою и мирян, то едва не все христианство Восточной церкви во владениях короля, равно и виленское братство, в котором есть не мало князей, панов, сенаторов и всяких дворян, объявили себя противниками их, заявляли о том на сеймиках и общих сеймах; мы и теперь остаемся при тех же заявлениях, а как дворяне— имеем право держать священников при церквах, построенных на наших грунтах". Против дворян Поцей не мог пока ничего сделать. Но священников братских присудил к низвержению, а король, по доносу Поцея, осудил их, как будто бы бунтовщиков, на изгнание. Итак братство

осталось без священников. Скоро лукавый Поцей отвлек на свою сторону некоторых старших лиц из городского управления, бывших прежде в Троицком братстве, вместе с ними и с помощью королевской власти стал причинять новые обиды и стеснения братству, наконец отнял у него Троицкую церковь с монастырем, завел здесь униатскую семинарию, которая потом отдана базилианам, завел также униатское братство. Но не пало православное братство: оно сосредоточилось при Свято-Духовской церкви и стало теперь называться Свято-Духовским, приобрело и новых священников для неё. Потом братство устроило здесь свой монастырь, добрую школу и типографию, собрало книжных людей, учителей, проповедников, и с помощью их много трудилось на пользу всей Западно-Русской церкви. За то много и страдало оно от противников—униатов и латинян. Особенно злобились на него униаты, засевшие в отнятом у него Троицком монастыре, бывшем как раз насупротив Свято-Духовского с другой стороны улицы. Почти не проходило дня и ночи, когда бы из Троицкого монастыря не бросали камней, не пускали даже стрел в Свято-Духовский и в тех, которые ходили туда для богомолья. Однажды поранили таким образом и зашибли более двадцати дворянских детей, обучавшихся в свято-духовской школе; в другой раз пробили голову самому настоятелю Свято-Духова монастыря; в третий бросали камнями в двух знатных госпож,

ехавших в церковь Святого Духа на богослужение: жену подкомория Троцкого (князя Огинского) и жену подкомория виленского. На все такие обиды тогда же заносились протесты и жалобы в трибунальные, земские и городские книги. Православных ремесленников исключали из разных ремесловых цехов без всякой причины, за то единственно, что они ходили в церковь Святого Духа и присутствовали там при богослужении. Русского бурмистра и трех райцев Виленской ратуши за то же самое велели арестовать, под предлогом будто бы их измены, потребовали к расправе, и двух из них в продолжении нескольких недель держали в ратушной тюрьме. В Вильне, старанием Троицкого игумена или архимандрита Иосафата Кунцевича, уже принято было за общее правило: не избирать в бурмистры и райцы и вообще не допускать на должности в городском магистрате никого из русских, кроме униатов; равно не принимать в купеческие братства и ремесловые цехи или исключать из них тех русских, которые не представят удостоверения, что они содержат унию. А в то же время униатские книжники Троицкого монастыря и его униатской семинарии пускали в ход свои книжки, в которых злостно хулили православие, бранили православных, глумились над свято-духовскими братчиками, обзывая их сапожниками, наливайками и т. и. Конечно, и православное братство чрез своих ученых мужей издавало книги в защиту

православия, в обличение унии и латинства. Но тогда как униатам дозволялось все, православному братству грозили карами за его самозащиту. Не раз были попытки уничтожить братскую типографию, были королевские приказы жечь книги, издаваемые братством в обличение унии и латинства, тяжкие кары постигали братских учителей. Из них особенно прославился Леонтий Карпович, муж благочестивый и просвещенный. С 1610 г. он в сане иеромонаха стал устраивать при Свято-Духовской церкви общежительный монастырь по чину святого Василия Великого и в то же время издавал в братской типографии книги на пользу церкви. По доносу врагов православия и приказу короля, он был схвачен, посажен в тюрьму, заключен в оковы. Волочили его по разным судам, переводили из тюрьмы в тюрьму, но он везде непоколебимо стоял за права православия и православных в Западной Руси. Два года продолжались эти неповинные страдания, тем более тяжкие, что страдалец был от природы слабого сложения. От оков на теле Карповича образовались язвы, следы которых заметны были даже после его смерти. Наконец, по сильному настоянию православных, он был отпущен и возвратился к своим со славой доблестного исповедника, измученного за веру. В 1615 году он был уже архимандритом и в этом сане со славой подвизался, как проповедник. В одной из своих проповедей он, между прочим, так защищает православную

церковь: „во всех догматах веры и в каждом отдельно она (православная церковь) не отступает ни на малейшую черту от слов и учения Христа Спасителя своего и от предания свидетелей и самовидцев Его—апостолов, в целости и неповрежденности сохраненных истинными их преемниками, утвержденных канонами святых вселенских соборов, Духом Святым собранных, и запечатленных кровью мучеников. И в тайнах, не подлежащих слову и разумению человеческому, она не исследует хитросплетенными рассуждениями: она верует, но не испытует Непостижимого, верует, но не измеряет Неизмеримого. Верует, что предвечный Сын и предвечный Дух—оба суть от предвечного и единосущного Отца,—Сын предвечным рождением, а Дух предвечным исхождением, но дознавать и исследовать то, каким образом (сие бывает),—она не позволяет. Она верует, что Сей же единородный Сын, рожденный без матери от предвечного Отца, напоследок времени родился от Святой Богородицы и Приснодевы Марии,—но каким образом?—не испытует. Она верует, что под видом хлеба верным преподается истинное Тело Его, а под видом вина истинная Кровь Его,—а каким образом?—она не доискивается, но говорит со святым Иоанном Златоустом: „если верую, то просвещаюся душою; а если искушаю, то помрачаюся помыслами; если верую истинно, то возвышаюся на небо; если же ищу с искушением, то нисхожу в бездну''. Короче сказать, (святая

церковь,) прияв ризу, истканную от вышнего богословия, и однажды возложив ее на себя, никогда (ее) не слагала, и не только не запятнала (ее) никакою ересью, но и не обезобразила никакою пестротою нововведений и вымыслов человеческих, и, нося ее на себе с достодоляшым почитанием, в ней же исходит и в сретение Жениха своего, паки грядущего в мир сей с сплою и славой многою". Еще пять лет подвизался блаженный учитель и исповедник, и свято почил в том яге монастыре, где и погребен при молитвах и плаче всего братства. Каков был дух, каково было настроение братства при Леонтии, это можно чувствовать по следующему посланию к львовскому братству, которое писано в 1619 г., еще при жизни Леонтия:

«Возлюбленные о Христе господа и братия! Благодати Господа нашего Иисуса Христа, преспеяния в подвигах благочестия и благословенного успеха в домашних попечениях вашему особо терпеливому обществу от вседарствующего Бога усердно желаем. Псалмопевец Божий, царь и пророк, созерцая очами своей богомысленной души образ богонасажденной любви, воспевает красоту её сердцем и устами, возглашая: се *что добро или что красно, но еже жити братии вкупе* (Псал. 132, ст. 1). Что возбраняет повторять то же с псалмопевцем и нам—братьям, порожденным во Христе святою купелью, соединенным союзом любви? Расстояние мест

не может служить преградою нашему союзу в благочестии, по духу мира и любви. Хотя далеки мы от вас по месту жительства, но любим вас, честную братию нашу, ради Возлюбившего нас туне; мир имеем с вами ради Того, Кто оставил мир всем пам. Стараемся, сколько сил наших, ревновать вашим подвигам в благочестии, чтобы равномерно с вами нести сладкое иго служения Христу и, последуя Ему здесь на земле, сподобиться сладостного общения с Ним на небесах. Нет большего попечения у вас, как то, чтобы ходить по заповедям Христовым и хранить в целости догматы и предания нашей матери—святой Восточной церкви. За сие-то двойное попечение вы гонимые— терпите, хулимые—утешаетесь, укоряемые — благословляете. От сего, по апостолу, не могут вас отлучить ни меч, ни огнь, ни настоящая, ни будущая (Римл. 8, 35—39). Одушевляясь такою же ревностью, и мы, в сопряжении с вамп, склоняем наши выи под иго Христово, чтобы тянуть рало на ниве Божией, ниве святой церкви, не озираясь вспять и углубляя борозды её бедами, досаждениями, притеснениями, терпимыми ради Христа. Не думаем хвалиться этим, оставляя похвалу за вами, как предводителями в этом делании. Не лучше ли нам хвалиться в немощах наших, да совершается в них сила Христова? А еще лучше сказать, что похвала эта еще ни ваша, ни наша, а похвала братий наших, благочестно совершивших земное течение свое и переселившихся в

небесные обители. Мы еще в подвиге, а они отчасти в блаженстве. А если Божией благодатью и мы сподобимся положить души свои в познанной и принятой от Востока истинной вере, то похвала сия достигнет и нас. Итак, братия, будем подвизаться, преуспевая на лучшее, и приносить плоды благочестия, обличая и исправляя неправоверных. А все причиняемое нам от супостатов за веру Христову будем принимать в терпении и благодарении Богу, взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который оставил нам образ жития и, быв досаждаем, поруган, гоним, биен и убиен, все претерпел. Так мы должны поступать, если хотим получить венцы славы и вселиться с избранными в небесном царстве, которого сподоби нас, Христе, Царю предвечный!“

Живо поддерживало, виленское братство сношения и с другими младшими братствами в Западной Руси, из коих некоторые отдавали себя под его покровительство, признавали его старшинство над собою.

13. Могилевское братство; декрет Сигизмунда III, запрещавшиq православным Могилева иметь свои церкви.

В Северо-Западной Руси или Белоруссии, которая почти вся принадлежала к епархии

полоцкой, особенно прославилось могилевское братство. Оно основалось при Спасском монастыре по грамоте патриарха, имело свой устав, коим обязывалось, в частности, содержать школу и ученых людей, духовных и светских, для пауки школьной и церковной проповеди. В 1597 году оно добыло себе утвердительную грамоту и от короля, который, давая ее, требовал, чтобы братство было под послушанием владыки полоцкого. Теперь это послушание было неопасно; ибо владыкою полоцким был Герман, который, как уже знаем, хотя и зачтен был в униаты, но только по имени был униатом, а в душе не любил унии, потому и благоприятствовал православному братству. Новый после Германа униатский полоцкий владыка Гедеон Брольницкий в первое время повел себя не так: он подал королю жалобу на братство, что оно держит при Спасском монастыре школу не униатскую, а православную. Король поднял грозу на братство, оно оттеснено было от Спасского монастыря, основалось на время при другой церкви (Входо-Иерусалимской), хотя и продолжало называться Спасским. В тяжком положении братства ему помогали своими утешениями и советами львовский епископ Гедеон и львовское братство. Впрочем и полоцкий владыка Гедеон Брольницкий под конец жизни помирился с братством, потому что и сам охладел к унии, всенародно объявлял, что уния ему омерзела, и разрешал городам своей епархии оставаться под послушанием

патриарха. Сведал обо всем митрополит Рутский и по смерти Гедеона назначил епископом своего давнего друга, завзятого униата Иосафата Кунцевича, который пред тем еще в Вильне прослыл своей ревностью к унии и неприязнью к православию. В 1618 году Кунцевич прибыл в Полоцк и торжественно встречен городскими властями и жителями. Но на встрече один из граждан сказал ему речь и убеждал защищать русскую веру, т.е. православие. А другой выразился так: „если ты идешь к нам с доброю целью, то гряди во имя Господне; если же нет, то лучше совсем не входи в Полоцк". По другому преданию владыке говорено было так: „если ты к нам не с унией, то мы принимаем тебя, как ангела Господня; если же с унией, то чураемся тебя, как выходца из преисподней". В первое время Кунцевич старался действовать в Полоцке духовными мерами для привлечения духовенства и народа к себе и унии. Дружа с иезуитами, которые сильны были в Полоцке, он в то же время старался казаться ревнителем православных обрядов, так что полочане могли пока успокоиться и показывали ему послушание. За то в других городах епархии он скоро стал прибегать к насилиям над православными, если они противились унии и его власти. Так в Орше он священников выгонял из приходов, заковывал в железо, заключал в темницы или совсем выгонял из епархии, а мирян преследовал судом. Слух обо всем этом дошел до Могилева и могилёвского братства. В 1618 г., в

октябре 9-го дня, подъезжал к Могилеву и сам Кунцевич. Как только узнали о том могилевские жители,—ударили в вечевой колокол на ратуше и произвели общую тревогу; затворили все городские ворота и на валах вокруг города расставили вооруженных людей. Затем все городские власти, бурмистры, райцы и лавники, окруженные толпами народа, вышли из города, с цеховыми хоругвями и орудиями, навстречу Кунцевичу и начали кричать, что не примут его к себе, поносили его и проклинали, как вероотступника и злодея, и угрожали убить его, если он не удалится от Могилева. Кунцевич принужден был удалиться и чрез несколько времени лично отправился в Варшаву с жалобой королю. Король, по рассмотрении жалобы в его задворном суде, издал декрет (от 22 марта 1619 г.): а) всех главных виновников и зачинщиков могилёвского возмущения предать смерти, и для того предварительно послать в Могилев особых комиссаров, которые бы расследовали дело на месте и указали этих зачинщиков; б) все церкви и монастыри в Могилеве с их имениями, фундушами и доходами, равно всех попов и чернецов отдать архиепископу Иосафату Кунцевичу в полную его власть, с тем, чтобы, по истечении шести недель со времени издания декрета, могилевские граждане уже никак не вступались в эти церкви и монастыри, под страхом уплаты 20.000 злотых польских в королевскую казну. Спустя полгода Кунцевич допустил было

православным совершать в их церквах свое богослужение, надеясь этим снисхождением привлечь их к себе и к унии. Но когда увидел, что они делаются еще более непреклонными, отнял у них все церкви и отдал латинским священникам.

При таком крайне печальном положении православия в Могилеве, оно имело почти единственную опору в братстве. В бурю гонений от Кунцевича оно не загибло, а еще окрепло союзом в нем православных иноков, священников, мещан и дворян. Братство приобрело дом и пляц от православной княгини Соломерецкой, чтобы на нем основать церковь и монастырь. Это было еще до издания королевского декрета, запрещавшего православным Могилева иметь свои церкви.

Когда затем разразился над Могилевом этот злой и неправедный декрет, братство поспешило сообщить о том виленскому братству и просило помощи. Виленское братство убедило своего смелого князя Яна Богдановича Огинского признать купленный в Могилеве пляц своим, подарить его виленскому Свято-Духовскому братству, которое уже и предоставляло этот пляц в пользу могилёвского братства с правом строить при пляце, как уже дворянском, церковь и монастырь. Новая церковь была заложена во имя Богоявления Господня, и с тех пор могилевское братство стало называться

Богоявленским. А пока строилась церковь, православные жители Могилева, лишенные всех церквей, принуждены были в воскресные и праздничные дни собираться на молитву в построенные за городом из плетня шалаши. Доблестное братство, строя церковь, продолжало держать и свою школу и типографию для духовной услуги всей Белоруссии.

14. Братства в Минске, Люблине и Луцке.

После могилёвского известно было в Белоруссии другое братство — минское, основавшееся при уже упомянутом выше монастыре и церкви свят. Петра и Павла и называвшееся Петро - Павловским. И это братство считало в своем составе князей и многих знатных дворян (Огинских, Тышкевичей и др.); подобно могилевскому, оно опиралось на союз с Виленским братством, а также на поддержку городского управления в Минске. Минские бургомистры, рядцы, во главе с войтом, не раз давали смелые ответы на требования и угрозы со стороны королевской власти, которая в угоду унии и латинству хотела подавить православие в Минске.

На окраине Волыни (в нынешней Холмской Руси) в гор. Люблине вновь основалось братство

при Спасской церкви. С 1601 г. стали присоединяться к нему и помогать ему многие из волынской знати, в том числе князья: Константин Острожский, Адам Сангушко-Коширский, Друцкий-Горский, Друцкий-Любецкий, Юрий Чарторыйский, Четвертинский и друг. Подобный союз дворян и мещан городских видим и в другом новом братстве на Волыни. Это — братство луцкое. В гор. Луцке силою власти все церкви забраны были на унию, и православным горожанам и дворянам, приезжавшим в город на областные сеймы, не было где помолиться. Случилось еще так, что остававшаяся у православных богадельня с больницей сгорела, и не было где им призревать своих бедных и больных. И вот один благочестивый инок Герасим Микулич, бывший игуменом Чернчицкого монастыря близ гор. Луцка, убедил православных основать братство, чтобы разом помочь всем нуждам православного общества. Это было в 1617 г. За Герасимом вписались в братство его преемник по игуменству Исакий Борискович и другие духовные лица, многие горожане и затем дворяне, в том числе князья Черторыйские, знатные дворяне Гулевичи, знаменитый ревнитель православия, Волынский дворянин, королевский чашник Лаврентий Древинский, и друг. Дворяне только временами приезжали в г. Луцк из своих имений; поэтому строение церкви, богадельни и вообще заведывание делами братства они поручили луцким мещанам, называя их *меньшими*

братиями своими. Луцкое братство имело свою школу, типографию, своих проповедников, учителей, и вообще много трудилось для защиты и на помощь православной церкви и целой Волыни; много оно терпело от униатов и латинян.

15. Учреждение киевского Братского монастыря; просветительная деятельность Богоявленского братства.

В Южной Руси наиболее прославилось киевское Богоявленское братство. В Киеве, как и в других местах, братство явилось плодом созревшей мысли о необходимости соединить и укрепить духовные силы православного общества для борьбы за веру и народность. В то самое время как в киевском обществе под возбуждением духовных учителей сложилась такая благая мысль, к счастью для него засветилась эта мысль в душе благочестивой дворянки киевской Гальшки Гулевичевны, по мужу Лозкиной. Прекрасно и назидательно выражена эта мысль в записи Гальшки на её *фундацию,* т.-е. пожертвование своего дворового места в Киеве на Подоле для устройства монастыря, школы и странноприимницы. В пору привести здесь несколько строк из этой достопамятной записи: „Я, Гальшка Гулевичевна, супруга его милости господина Стефана Лозки, Мозырского маршалка, с

соизволения его милости на все, что ниже написано, упомянуто и пояснено в сем листе, будучи здорова телом и рассудком, явно и добровольно сознаю сею моею добровольною записью, что я, живя постоянно в древней, святой, православной вере Восточной церкви и пылая к ней благочестивою ревностью, к распространению славы Бога, в Троице Единого, из любви и приверженности к братиям моим—народу русскому, для спасения души своей, с давних времен решилась сделать благо для церкви Божией и дело милосердия показать жаждущим его. Теперь, приводя то в исполнение,—правоверным и благочестивым христианам народа русского, в поветах воеводств киевского, волынского и брацлавского состоящим, сословия духовного и светского: инокам, священникам и диаконам, монашествующим и мирским, также сиятельным князьям, вельможным господам, дворянам и всем,—какого б они сословия и звания не были,— людям русским (однако ж тем только, которые неизменно пребывают и пребывать будут в православной благочестивой вере церкви Восточной обряда греческого, в послушании и под благословением святейшего константинопольского патриарха, собственного и законного, верховнейшего пастыря народа российского), я дала, подарила, записала и отказала, и вечным, неизменным даром, на вечные времена, даю, дарю, записываю и отказываю мое собственное наследственное имение,

пользующееся правами и вольностями дворянскими: двор мой собственный целостно и землю, от помянутого мужа моего в вечный дар мною полученные, находящиеся в гор. Киеве, все сие на монастырь патриаршей ставропигии общего жития, по чину Василия Великого, также и на школу для детей, как дворянских, так и мещанских, и на всякий другой способ богоугодного жития, который служил бы к спасению христианскому и к воспитанию призреваемых учеников, — а притом и на гостиницу для странников духовных веры церкви Восточной; с тем однакож, чтобы монастырь тот и школа и весь чин и строение распоряжаемы и устрояемы были по закону и чину кафолической Восточной церкви греческого обряда, по семи вселенским соборам и по преданию святых отцов греческих". Сама жертвовательница отдала пожертвованное ею место благочестивому иеромонаху Исаии Копинскому, который с другими иноками и стал устраивать здесь монастырь. Все прочее устроилось уже силами братства, основавшегося при этом монастыре. Достоин нашей памяти начальный *унис* в этом братстве: „Во имя Святой, живоначальной, единосущной и нераздельной Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, единого истинного Бога нашего, Которому да будет честь и поклонение, слава и хвала от вещественной и невещественной твари, ныне и в бесконечные веки. Аминь. Господь наш Иисус Христос, по Своему великому и человеколюбному

милосердию, устрояя на земле все к нашему спасению, и идя на вольное, спасительное для людей, страдание, говорил Своим ученикам: „сие заповедую вам, да любите друг друга: потому", сказал Он, „и узнают вас, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою". И божественный, верховный Апостол Петр, возшедши на высоту добродетелей, в своих божественных посланиях тоже любовь заповедует: „соединяйте говорит он, „с верою вашею добродетель, с добродетелью благоразумие, с благоразумием воздержание, с воздержанием терпение, с терпением благочестие, с благочестием братолюбие, с братолюбием любовь"; и опять: „братство возлюбите, Бога бойтеся, царя чтите". А после спасительного вознесения Христа Бога на небо, божественный апостол и евангелист Лука, прославляя дружелюбие (первых христиан), возвещает о сем Феофилу, говоря: „у верующих была одна душа и одно сердце, и не было между ними никого бедного; ибо нуждам неимущих пособляли руки сильнейших". И мы, грешные, последуя сему божественному и спасительному и человеколюбному наставлению и представляя в уме страшный оный суд и мздовоздаяние, по благодати благаго Бога и Господа нашего Иисуса Христа, „хотящего всем человекам спастися и в познание истины прийти", хотя и поздно, пробудившись от долговременного нерадения и лености и мрачной суеты мирской, восхотели прозреть к свету благоразумия. И предстательством

Пречистыя и Преблагословенныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, силою честнаго и животворящаго креста и молитвами всех святых, по благословению и повелению святейшего вселенскаго константинопольского патриарха, господина Тимофея, главнейшаго во Христе пастыря нашего, и прочих святейших патриархов: александрийского, антиохийскаго и иерусалимскаго, начинаем сей душеспасительный дружелюбный союз, братство церковное, в богоспасаемом городе Киеве: к утешению и утверждению в благочестии нашего русского рода, сынов Восточнаго православия, обывателей воеводства киевского, как всякого духовного, так и светского дворянского сословия, мещан всей республики и всех христоименитых людей; к воспитанию христианских призреваемых учеников, как духовных—для умножения и вкорепения христианских добродетелей честной иноческой жизни, для преподавания полезных паук и образования детей народа христианского (от чего на земле умножается слава всемогущего Бога, возникает утешение родителям, образовавшим своих детей, и для республики готовится и цветет сильная защита и дивное украшение),—так и светских—для защиты вдов, сирот и для вспомоществования всяким обедневшим людям. Для чего,—как существенное основание предпринимаемого того святого братства милосердия, по воле Вседержителя Бога,:— составляется упис и присяжный

союз и соединение неразрывной братской любви, согласно с уставами, которые даны от святейших патриархов братствам городов: Львова, Вильны, Могилева и церквам других городов короны польской, освящены их благословением и утверждены. На сие мы все нижепоименованные лица, люди обоих сословий: духовного и светского, согласившись одним сердцем и одними устами и целовав крест каждый за всех и все за каждого, держась православия и соединившись духом пламенной любви, для соблюдения нижеписанных христианских братских повинностей и порядков, в сей братский список вписываемся". Младшее киевское братство образовалось, как гласит начальный упис его, по примеру и уставам старейших братств львовского, виленского и др. и для одной и той же цели, как и другие братства. Но скоро в жизни его проявились важные особенности, придавшие ему и особенное значение в истории борьбы Западной Руси за свою веру и народность. Главные деятели братства сосредоточили свое внимание на усилении школы, а с ней православной науки. Братский монастырь стал по преимуществу училищным монастырем. Сюда стали собираться ревнители школьного образования из других мест, как напр. из Львова, откуда был и первый ректор киево-братской школы Иов Борецкий. Со временем школа эта вырастит великую духовную силу для церкви, даст целый ряд сильных учительных людей на служение и для

защиты церкви. Другая важная особенность киевского братства состояла в том, что к нему скоро примкнула новая народная сила, сложившаяся преимущественно в Южной Руси. Это казачество, о котором и следует теперь сказать.

16. Южнорусское казачество; внутренняя его организация; гетман Конашевич-Сагайдачный—защитник православия.

Южно-русское казачество образовалось из вольных русских людей, живших по южно-русской Украине, где им приходилось быть постоянно настороже от крымских татар, которые делали частые набеги на Южную Русь, опустошали села и города, избивали или уводили в плен сотни и тысячи русских христиан. Оттого в козаческом населении развились отвага и воинственность, так что и само оно становилось грозной силой для самих татар и турок. Одним из главных средоточий этой силы было Запорожье, где возникла славная козаческая Запорожская Сечь. К вольным людям, образовавшим казачество, со временем прибывали крестьяне и другие люди из подвластных Польше русских областей, бежавшие сюда от панских притеснений. Таким образом росла и ширилась козацкая сила. Польское правительство хотело прибрать эту силу в свои руки, чтобы иметь в

козаках защитников подвластных Польше земель от татар. Но оно не умело обходиться с нею, как должно. Козаки, как истые русские люди, были преданы вере православной. Если в их общество или товарищество прибывали люди иноплеменные, напр. из самой Польши, то и те должны были принимать православную веру. Она объединяла их. Во имя веры, под знаменем креста, они вели борьбу с татарами и турками. Но вот, когда польские власти и паны стали теснить православную веру, насильно забирать на унию и латинство православные монастыри и церкви, тогда козаки возчувствовали свое призвание заступиться за православную веру от новых противников и гонителей её. Естественно, что козаки, как боевая вольница, наклонны были проявить свое заступничество преимущественно внешнею силою, даже насилием, тем более, что первые примеры насилия подали противники,—униаты и латиняне, униатские владыки, иезуиты и паны. Уже со времени Брестского собора проявилось козацкое движение против предателей веры православной, одним из вожаков которого был смелый атаман Наливайко. Козацкие дружины нападали особенно на тех русских панов, которые, сами отпав в латинство, обижали православных. Когда королевские комиссары хотели саму Киево-Печерскую лавру взять на унию и под власть униатского митрополита, то за нее готовы были вступиться и козаки. Когда в 1610 году

официал Ипатия Поцея, имея в своих руках уже Киево-Софийский собор, хотел принудить киевских священников служить с ним, поминать папу и Поцея, то священники, отказавшись повиноваться беззаконнику, послали известить о его делах Козаков Запорожской Сечи. И вот гетман Петр Конашевич-Сагайдачный от имени всего запорожского войска писал киевскому подвоеводе: „мы не допустим тому расстриге и беззаконнику делать насилие нашим духовным в Киеве, хотим оборонять их всячески; все мы за нашу церковь; за нашу веру Восточную православную готовы и головы свои положить; говорим это пред Богом и пред вашею милостию, пане. А о том беззаконнике мы уже порешили, что, где бы он ни встретился, так убить, как пса“. Прискорбно видеть подобную козацкую угрозу: но кто в том виноват? кто первый дал пример насилия? Впрочем, далее гетман говорит, как подданный короля: называет свое войско войском его королевской милости, сообщает слух о готовящемся татарском набеге, советует быть настороже, обещает это и сам со своим войском. Словом, и здесь видно, что козаки хотели быть верными королю, как государю, лишь бы не делались обиды и насилия их вере и русской народности. Лучшим и более разумным радетелем о церкви в среде тогдашнего козачества явился славный гетман Сайгадачный. Умный и доблестный гетман был вместе с тем и человеком образованным, в молодости учился в

Острожской школе князя Константина, подобно ему был ревнителем православия. Верно служил он со своим войском королю, оказал ему и государству важные услуги. Имея за собой и воинскую силу и заслуги, он мог поэтому явиться сильным заступником православия. В нем нашло своего заступника и новое киевское братство с его школою, великое значение которой он понял, имея сам доброе школьное образование. Союз киевского братства с козачеством был весьма полезен и Киеву и всей вообще Южной и Западной Руси. Теперь вожакам унии уже было труднее, чем когда-либо прежде, утвердить свою унию в Киеве. Униатский митрополит Рутений еще в 1619 г. писал: „наибольшею помехою для унии в Киеве служит новое братство, основанное схизматиками (так он называл православных) без позволения короля... Трудно думать о чем-либо добром, если это братство не будет уничтожено. Уничтожить же его можно как властью воеводы (латинянина), так и позывом в задворный королевский суд". Но ни власть воеводы, ни этот задворный суд, столько известный своими неправедными приговорами против православных, не смогли уничтожить братства, сильного своим союзом и нашедшего новую силу в союзе с козачеством. Напротив, киевское братство в союзе с южно-русским козачеством поможет всей Южной и Западной Руси восстановить то, что было отнято у неё унией, и в чем она наиболее нуждалась для правильного

устройства своей церковной жизни и для дальнейшей борьбы за свою веру и народность,—поможет восстановить православную иерархию. Но об этом после. А теперь, по порядку, скажем, хотя кратко, о том, каково было положение самой унии, которую Рутский собирался утвердить в Киеве с помощью засевшего здесь латино-польского бискупа, киевского латино-польского воеводы и королевского задворного суда, также латино-польского.

17. Видимые успехи унии. Жалоба ревнителя православия, волынского дворянина Лаврентия Древинского, варшавскому сейму на насилия со стороны униатов.

К концу описываемого 25-ти лития уния сделала видимые успехи в Западной Руси. В руках униатов были все епископские кафедры, исключая львовской, много церквей и монастырей с их имениями; не мало уже привлечено к унии и жителей в городах, местечках и селах Западной Руси. Но все эти успехи или прибытки унии достались ей неправдою и насилием. Мы видели примеры на это при описании борьбы православных за свою веру и народность, вызванной действиями этой неправды и насилия. Подобных примеров было еще много. Не станем приводить их. Занесем здесь на память только

следующее общее свидетельство о причиненных унией неправдах и насилиях данное во всеуслышание на варшавском сейме 1620 г. в присутствии короля послом от Волынского дворянства, знаменитым ревнителем православия Лаврентием Древинским. Обращаясь к королю, он говорил: „ктож, о, Боже живый! явственно сего не видит, сколь великие притеснения и несносныя огорчения сей древний российский народ в рассуждении благочестия своего претерпевает? Начну от Кракова. Какое распространение славы Божией помощью сея новоизобретённые унии является? Уже в больших городах церкви запечатаны, имения церковные расхищены, в монастырях вместо монахов скот запирают. Перейдем в княжество литовское: там в пограничных московскому государству городах то же самое делается. В Могилеве и Орше церкви также запечатаны, священники разогнаны; в Пинске то же учинено; монастырь Лещинский в питейный дом превращен; вследствие сего дети без крещения от сего света отходят; тела умерших без церковного обряда из городов, как стерво, вывозятся; народ без исповеди, без приобщения святых тайн умирает. Неужели сие не Самому Богу обида? Неужели за то отмщевать не будет Бог?.. Ваше королевское величество о том ведать не изволите, ибо божественного вездесущия в себе не имеете, будучи наряду с прочими в человечество облечены. То только к сведению вашему доходит, что другие или в добрую, или в худую

сторону о нас доносят. Воззрим еще на братию и притеснение их, едва слыханное. Пли то не притеснение народу нашему российскому, что, не говоря о других городах, во Львове делается? Кто греческого закона, и к унии не преклонен, тот в городе жительствовать, купечество и продажу питей производить, и в ремесленные цехи принят быть отнюдь не может. Есть-ли же кто в городе отважившись жить, умрет, того тело мертвое по обряду церковному к погребению препроводить, до больного с тайнами Христовыми открыто идти—не вольно.—В Вильне же не вопиющее ли притеснение? слыханное ли до сего? Тело мертвое благочестивого когда хотят за город проводить, то те самые ворота, коими все ходят и ездят, даже жиды и татаре, запирают так, что принужденными себя находят православные в те ворота, коими смрад и одну токмо нечистоту городскую вывозят, мертвеца своего выносить. Даже в получении воды бедные крайне нуждаются; монахов непреклонных к унии ловят, бьют, и на вольной дороге их имая, в узилища заключают. В чины гражданские людей достойных и ученых за то только, что с унией не соединены, не производят; но простяками и невеждами (так что иной не знает, что есть правосудие или справедливость), в поношение стороне российской, праздные места наполняют. Суммы денежные от невинных благочестивых, без всякой основательной причины, исторгают. Коротко сказать: давно уже великие и

неслыханные притеснения российский наш народ как в Короне, так и в Великом Княжестве Литовском переносит. Внутреннее таковой обиды непресечение проистекает от того, что ваше королевское величество против справедливости, против прав и вольностей наших шляхетских, на высокие саны властей духовных, яко несведущ породы их, производить изволите. Кто о сем не ведает, что ныне именуемый архиепископ полоцкий, родившийся во Владимире, есть сын купца некоего сапожника, а оттуда образовав себе фамилию шляхетскую, Кунцевичем титулует себя? Кто сего глазами не видит, что перемышльский владыка, прозываемый Шишка, родился от пастуха, и ныне родный брат отца его в селении Блоке в холопах у киевского воеводы имеется? Кто о сем не знает, что Владимирский владыка сын есть мещанки львовской Стецковой? Кому (свидетельствуюсь Богом живым) не известно, что Холмский владыка есть некий, прозываемый Покоста, виленского купца сын, который у одного бургомистра виленского унес сукно, и если бы его не спас монашеский клобук, давно бы он пошел на виселичный крюк. Таковуто пользу от унии иметь изволите ваше величество, что двадесяти лет возмущения сея унии не могут униты доставить кого-либо из урождённого шляхетства для возведения по достоинству на высокие те саны. Да и ныне дан нам в Луцке, в противность прав и вольностей наших, некто Почаповский, коего шляхетской породы хотя и

не отрицаем, но в рассуждении лет его не только недостоин он такова сана, ниже диаконского, не говоря о священстве, а потому называть его отцом не можем; ибо еще и двадесяти лет не имеет. Все же сие неустройство происходит от того, что не от правильного пастыря посвящение приемлют. Отступили сим они от патриарха константинопольского, коему искони в сем государстве вашего королевского величества власть сия принадлежала. Свидетельствуют то летописи, свидетельствуют привилегии предшественников вашего королевского величества, а что более—свидетельствует ваша привилегия, в 1599 году данная самому патриарху константинопольскому на единственное управление в сем государстве греко-российского исповедания духовенством; свидетельствует и другая данная в 1607 году привилегия, В коей ваше величество, по силе прав и вольностей, церковные имения в пользу религии нашей раздать обещать благоволили; свидетельствуют наконец конституции, в том же и в прочих годах учинённые. Итак милосердия ради Божия, именем всея братии нашей, всенижайше прошу ваше королевское величество сжалиться в обиде не нашей, по Божией. Уже от двадесяти лет на каждом сеймике, на каждом сейме и главном съезде горькими слезами молим, но испросить не можем, дабы мы при правах и вольностях наших сохранены остались; дабы братия наша таковых несправедливостей не претерпевали; дабы, по

последней мере, нынешний митрополит и владыки в послушание прямого своего в вере пастыря—константинопольского патриарха, а имения церковные, хотя не вдруг за сим, но непременно по измертвии нынешних владельцев к законным помещикам своим превращены были. В противном случае (что да отвратит Бог!), если совершенное успокоение на сем сейме и уврачевание столь тяжелых язв не последует, то принужденных себя увидим с пророком возопить: суди ми, Боже, и рассуди прю мою".

18. Нравственный облик унии; уния—мост для перехода в католицизм; приниженное положение униатского духовенства.

В речи знаменитого ревнителя православия и обличителя унии дается нам свидетельство не только о тех неправдах и насилиях, с какими она вводилась, но отчасти и о внутреннем облике самой унии. Как дело неправды и насилия, уния хотя и успела приобрести последователей, но эти последователи, эти западнорусские униаты были за немногими исключениями, униатами невольными, вынужденными или просто лицемерными, вообще не имевшими убеждения в правоте унии. Уже о первом униатском митрополите Михаиле Рагозе говорили, что под конец жизни он горько каялся и стонал от печали, что

принял унию. О полоцком епископе Германе знаем, что он заплакал от печали, когда ему представили лист с данными, по приказу польской власти, подписями священников на унию, и громко повторял, что жалеет о своем предательстве на унию. А преемник его под конец жизни выразился, что ему омерзела уния. А сколько было таких лиц в духовенстве, которые то принимали унию из страха взысканий и насилий, то бросали ее, когда освобождались от страха, надеялись на чью-либо защиту, то опять принимали, когда надежда сменялась новым страхом!-. Простые же люди, вынуждаемые к унии или зачисленные в униаты, только в сердце таили скорбь о такой печальной необходимости. Конечно, между принявшими унию были и такие, которые принимали ее не из страха, не вынужденно, а добровольно, из-за расчёта, из-за выгод. Это—люди низменные, люди мелкой совести, которые чрез унию хотели выслужиться в глазах главных вожаков её и польской власти, заполучить доходные должности и места. Таких-то людей вожаки унии с помощью польской власти делали даже униатскими епископами. О них-то говорит в своей речи Лаврентий Древинский. Говорили о них и другие. Канцлер Лев Сапега не раз напоминал Поцею, что он возводит на священные степени, даже епископские, людей недостойных. Поцей оправдывался тем, что некоторые из таких негодных людей возведены на епископские кафедры будто бы не

им, а светскими панами, что другие негодные сносны по крайней мере тем, что держатся унии; хуже было бы, говорил он, если бы кафедры их достались схизматикам, т.-е. православным. Таким образом для Поцея и негодный человек был пригодным, лишь бы был униатом, а не православным. Но сам преемник Поцея Рутский уже жаловался, что такие недостойные епископы служат укором унии в глазах и православных и униатов. А между тем выслуживались через унию и такие люди, которые запятнали себя порочными делами и вообще дурною жизнью. Таков был Холмский владыка Покоста, купчик, попавшийся в воровстве, спасшийся от наказания тем, что принял монашество в унии, где достиг и епископства. Таков был Виленский диакон Антоний Грекович, изгнанный православными за бурную жизнь, а у Поцея ставший официалом, т.-е. старшим лицом в духовенстве. Такими-то людьми должна была пробавляться уния за скудостью достойных, которые остались в православии.

Но в положении унии была еще одна сторона, могущая вызывать уже и сострадание к ней. По начальной мысли об унии, она должна была состоять в признании папской власти и в единении веры и любви с римско-католическою церковью, господствовавшею и в Польше. Но при этом униатская церковь должна была остаться при своих русских епископах, своем русском

священстве, удержать свои, забираемые от православия, монастыри и церкви, свои уставы и обряды богослужения, совершаемого на родном церковнославянском языке, общем ей и православию; словом, она должна была оставаться все-таки русской церковью. А за признание папской власти и единения веры и любви с римско-католическою церковью, она должна быть свободна от посягательств на нее со стороны римско-католической, т.е. латино-польской церкви, и быть уравнена в правах с нею. Не такова была затаенная мысль у латино-польских бискупов, иезуитов, ксендзов и панов. По старому иезуитскому слову, уния имела быть только *мостом к латинству;* все шло исподволь к олатинению и ополячению Западной Руси, чтобы окончательно слиться в одно народно-государственное тело с Польшей, как-то задумано было еще на Люблинской унии 1569 г. Поэтому унию они поддерживали на столько, на сколько она давала надежду на ослабление православия и неразлучной с ним русской народности и на содействие к достижению упомянутой главной цели, т.-е. к олатинению и ополячению Западной Руси. Сама же по себе уния с уцелевшими в ней остатками православия и чертами русской народности не внушала им *искреннего* доброжелательства и уважения. Поэтому они всегда готовы были *убожить* унию, делая на счет её прибытки себе, т.-е. перехватывая то, что доставалось или могло бы достаться ей от православия. Так стали

перехватывать в латинство тех бывших православных русских князей и дворян, вообще людей богатых и знатных, которые по малодушию отпадали от православия. В первое время некоторые из тех принимали унию, и уже потом сами или их дети переходили в латинство. Но чаще бывало так, что отступники православия из русской знати прямо переходили в латинство. Уния казалась им ни православием, ни латинством, а каким-то межеумком, на котором нечего останавливаться по отходе от православия. Вообще польское латинство прельщало отступников из русских панов тем, что чрез него они могли лучше угодить королю, ближе сойтись и побрататься с польскими панами, бискупами и ксендзами, весьма тогда сильными в Польше, вернее достичь высших почестей, доходных мест и т. д. Разумеется, бискупы, ксендзы и иезуиты одобряли и поощряли такие расчёты и мысли. Родственные связи русских панов с польскими также увлекали их в латинство и ополячивали: ибо и тут всегда были на лицо ксендзы, которые орудовали и в польских семьях. Но более всего латинили и полячили иезуиты русскую молодежь через свои школы. Если иезуитам удавалось совратить поступавших в их школы питомцев из русской знати, то они совращали уж никак не в унию, а в польское латинство. Подобно дворянам, и русские мещане, отпавшие от православия, нередко принимали не унию, а латинство. Таким образом для унии

оставался простой беднейший люд и только незначительная часть мещанства. На языке гордых польских панов, а за ними и русских ополяченных, уния оказывалась хлопской верой, поставлена в уничижение. Уничижение тяготело и над всею униатскою церковью в лице её иерархии. Не оправдались надежды униатских митрополитов и владык уравняться в правах с латино-польскими бискупами, иметь наравне с ними место в сенате. Король, суливший им такие права за предательство на унию, обманул их. И сам папа не мог упросить или заставить исполнить обещания, данные униатским владыкам. Этому противились добрые латино-польские бискупы, ни за что не хотевшие равнять с собою русских униатских владык. За бискупами оказывали пренебрежение к ним и паны, а глядя на бискупов и панов, латино-польские кафедры любили выситься, а то и живиться на счет русских униатских панов. Достаточно припомнить, как горько на все это жаловался сам митрополит Рутский в письме своем в Рим. „Нас, писал Рутский, не признают истинными епископами, равными бискупам латинским, а считают низшими их, как бы хор епископами только и суффраганами; нас не удостаивают сделать, наравне с ними, сенаторами. Наш митрополит и епископы не имеют в государстве никакого или почти никакого общественного авторитета и значения. В собрания дворянства нас вовсе не допускают, и не позволяют нам говорить в защиту себя даже тогда,

когда обвиняют нас, как нарушителей общественного спокойствия; великим счастьем считается, если кому-либо бывает дозволено сказать несколько слов в таких собраниях, и нужно много покорности, просьб, заискивания, чтобы получить там место для сидения, приличное нашему сану. Когда мы, с большими издержками и вредом для здоровья, приезжаем на сеймы, нас заставляют там стоять позади сенаторов, вместе с простыми священниками латинского обряда, к унижению нашего иераршеского сана и к посмеянию от схизматиков. Если случится нам находиться в заседаниях римских бискупов, то они предпочитают нам своего какого-нибудь каноника; а если, по нужде, нам приходится приехать к кому-либо из них, они скорее принимают и выслушивают последнего своего клирика, нежели нас, хотя мы епископы той же римской церкви. Наши священники очень бедны, живут только подаяниями от прихожан, сами возделывают свои поля и платят подати наравне с поселянами. Местные дворяне, считающиеся патронами церквей в своих имениях, наказывают этих духовных пастырей, как хотят, и даже сажают в карцер, а некоторые заставляют их даже работать вместе со своими крестьянами. Настоятели латинских костелов взимают десятину и с местных униатов, а кое-где с самих даже униатских священников".

19. Внесение в униатские церкви латинских обрядов.

Ко всему этому скоро присоединилась и еще одна сторона в положении унии. Признав папство и союз веры с римско-католическою церковью, униатская церковь волею или неволею стала допускать в себе искажение и того внешнего образа своего, который хотела сохранить, как русская церковь, начиная с православной обрядности. Уже теперь началось вторжение в нее латинской обрядности, имевшее вести к дальнейшему олатинению унии. Некоторые униатские владыки даже потворствовали этому, прельщаясь сами латинством, или желая угодить латинянам. Но у других, дорживших остатками праотеческого наследия, доставшегося унии от православия, такие вторжения латинства вызывали скорбь и жалобы. Вот напр., как говорили об этом униаты, прихожане церкви одного местечка Ратна, в своей просьбе митрополиту Рутскому. Обращаясь к митрополиту Рутскому с великой покорностью, они называют его пастырем-архиепископом русского народа, давая тем знать, что и сами, хотя и принявшие унию, считают себя русскими людьми. Затем выражаются так: „мы, убогие мещане, вместе с нашими священниками и духовными отцами покорно просим вашей пастырской милости и благословения на то, чтобы мы, убогие и грешные люди, оставлены были при стародавних и от святых и

богоносных отцов переданных обрядах и уставах богослужебных, обычных святой Восточной церкви, как нашей матери, без всякого нарушения их при нас и потомках наших. Просим в особенности, чтобы нам оставлены были наш старый календарь и весь порядок наших праздников по церковному уставу. Просим также, чтобы наши священники совершали службы не в костелах, а только в своих церквах; чтобы деток наших крестили наши священники, а не ксендзы, как того они домогаются, чтобы мы исповедовались и причащались у своих священников, а не принуждали нас исповедоваться и причащаться у ксендзов. А кто сам захочет убежать до ксендза, того пусть уж будет вольно принять ксендзу"... Иначе и не могли говорить бедные мещане о таких беглецах от унии в латинство, ибо ксендзы, сманивавшие их, были тогда в большой силе. И ксендзы не опустят стараться, чтобы таких беглецов было больше и больше, и чтобы чрез них множить свои латинские паствы на счет униатских паств. Итак, не смотря на видимые успехи унии, положение её было во многом печальным, не предвещавшим ей светлой и прочной будущности.

20. Влияние борьбы за веру и народность на укрепление в среде православных сознания единства по вере и крови с братьями Северо-Восточной России.

Иное было положение православия и православных в Западной Руси. В борьбе за свою веру и народность им приходилось часто страдать; но эти страдания и были новым свидетельством их искренней и твердой преданности своей вере и народности. Те из них, которые оставались в своей вере, оставались по доброй воле, а не по принуждению, следовательно были вообще лучшими христианами. И верных православию в Западной Руси все еще было более, чем отпавших в унию. Еще не мало оставалось в православии князей, дворян, не поддавшихся соблазну ни от унии, ни от латинства. Борьба за веру и народность подняла православный дух верных православию, что проявилось особенно в лице достойных подвижников и ревнителей благочестия. Они повлияли на оживление образования чрез учреждение новых лучших школ, чрез радение о науках и. т. д. Уже известный нам Лаврентий Древинский в речи своей 1620 года говорил: „если бы не совершилось отступление некоторых из нашего духовенства от своего законного архипастыря (то есть цареградского патриарха), если бы изошедшие от нас (униаты) не восстали на нас,—то такие науки, такие училища, столь достойные и ученые люди никогда не

открылись бы в народе русском, и учение в наших церквах по-прежнему оставалось бы покрытым прахом нерадения". Борьба за веру и народность помогла развиться новой силе русской в лице козачества и подготовила оживление в Южной и затем Западной Руси, единство её по вере и народности с Северо-Восточною Россией. Этому отчасти помогла и сама Польша своими замыслами на завоевание унии и латинству Северной Руси, одновременно с такими же замыслами на Западную Русь.

21. Замыслы польско-иезуитской политики в отношении Северо-Восточной России.

Еще до начала унии в Западной Руси был в Москве папский посол иезуит Антоний Поссевин, и пытался привести царя Иоанна IV, а с ним и Северо-Восточную Русь под власть папы чрез унию и латинство. Потерпев полную неудачу в том, он, возвращаясь из Москвы чрез Западную Русь и Польшу, говаривал и писал, что Северную Русь, имеющую православного царя и сильно преданную своей вере, трудно завоевать для папы, т.-е. склонить к унии или латинству; что нужно начать это дело с Западной Руси, подвластной римско-католической Польше и её королю; здесь оно вернее удастся; а когда удастся здесь, то с помощью Польши и Западной

Руси можно двинуться на завоевание и Северной или московской Руси. И вот, когда началась уния в Западной Руси и рядом с ней прививалось и латинство, то это ободрило и папу с иезуитами и Польшу в их замыслах на Северную Русь. Новым поощрением к таким замыслам послужили великие смуты, наставшие тогда в Северной Руси. То были смуты от так-называемых самозванцев, а потом от безгосудария в московской Руси. Не будем говорить подробно об этих смутах, о которых можно читать в других книжках. Скажем только, что во время этих смут почти вся Северо-Восточная Русь подпала страшному разорению и от поляков и с ними всякого другого сброда гулящих людей, наездников, грабителей, крамольников и воров своих и чужих. Сама Москва с её кремлем попала было в руки поляков к великой радости папы и иезуитов. Сначала они думали воцарить в ней польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III. Русские бояре уже готовы были согласиться на это, по с тем непременным условием, чтобы королевич принял православную веру, женился на православной и короновался по православному в Москве, и чтобы вообще вера осталась ненарушимою и непоколебимою в московской Руси, святая вера православная, неразлучная с народностью. Но это было не по душе ни Сигизмунду III, ни папе, ни иезуитам, ни вообще польским бискупам, ксендзам и панам. Итак, по их внушению, он задумал занять московскую Русь силою, взять ее

на себя, самому воцариться в ней чтобы и в ней делать то, что делал в Западной Руси. В ту пору, когда Москва была уже в руках поляков, Сигизмунд с войском осаждал Смоленск. Под Смоленск и присланы были из Москвы к королю послы во главе с Филаретом Никитичем, архиепископом ростовским для переговоров о королевиче Владиславе. Лукавый король, овладев Смоленском, сказал увести в плен святителя Филарета с другими послами, и послал войска, чтобы занять Москву уже на свое имя и довершить завоевание русской земли. Но то был уже предел её бедствиям. Благочестивые предки наши называли их попущением на русскую землю за грехи,— пришли в сокрушение, а от сокрушения оживились верою, что Бог не оставит их. Воспрянув духом, воззвали они со всех концов земли русской о соединении в вере и братской любви и единодушно поднялись на спасение Москвы и её святыни, на защиту веры православной и земли родной. То было в вечнопамятный 1612 год. И подвигами доблести и самопожертвования, с помощью Божией, спасли они Москву и землю русскую, изгнав из неё врагов. А вскоре затем, по голосу святителей и всего народа, истиннее сказать, по устроению Промысла Божия, призван и венчан на царство юный Михаил Фёдорович из знатного боярского рода Романовых, сын святителя и страдальца Филарета, который назывался Феодором, когда был в мире боярином. Король Сигизмунд и его паны, подущаемые

иезуитами, пытались войною возвратить потерянное. Тяжко было это вообще для московской Руси, так уже много пострадавшей. И вот, для успокоения и облегчения земли, царь Михаил, по совету бояр, решился уступить Польше две области: Северскую с Черниговом и др. городами её и Смоленскую; а Польша обязывалась прекратить войну, возвратить пленных и во главе их отца государева Филарета. Это было в 1618 году. И возвратился этот доблестный и мудрый святитель в объятия сына-царя, который теперь упросил его быть патриархом всея Руси, чтобы устроять порядок церковный и помогать сыну-царю в устройстве порядка земского, государственного. Как раз в это время прибыл в Москву иерусалимский патриарх Феофан с обычным прошением о милостыни и пособии православному Востоку и его иерусалимской патриархии при святом Гробе Господнем. Этот патриарх Феофан с русскими епископами и совершил поставление Филарета на московское патриаршество. Торжество московской и Северной Руси над папскими, иезуитскими и латинопольскими замыслами против неё было чрезвычайно важно и для судеб единоплеменной и единоверной ей Западной Руси в её борьбе с подобными же замыслами, но борьбе более тяжкой и имевшей еще долго тяготеть над ней вместе с польской властью над нею. В торжестве Северной Руси уже светилась надежда на могущую со временем явиться помощь от неё Южной и

Западной Руси. А теперь, как бы знаменем такой надежды являлось то, что тот же патриарх святого града Иерусалима, который был свидетелем совершившегося торжества в Москве и послужил ей к восстановлению патриаршей власти, явился, по устроению Промысла, восстановителем православной иерархии в Руси Западной.

ГЛАВА II.

Западная Русь в борьбе за СБОЮ веру и народность в период от восстановления в ней православной иерархии до смерти короля Сигизмунда III.

1. Прибытие в Киев Иерусалимского патриарха Феофана; радость православных; призыв патриархом братств на защиту веры.

Весною 1620 г., в половине великого поста, около 22 марта, иерусалимский патриарх Феофан, на обратном пути из Москвы, прибыл в Киев и остановился в странноприимном доме Богоявленского братства при его братском монастыре. Он имел полномочия от константинопольского патриарха заняться устройством Западно-Русской церкви, признававшей над собою высшую духовную власть его. Обрадовались православные высокому и дорогому гостю. А славный гетман Сагайдачный, встретивший патриарха еще на пути его к Киеву, снарядил своих козаков, которые провожали патриарха до Киева, а здесь учредили из себя стражу вокруг братского дома, где остановился патриарх, и

„аки пчелы матицу свою, тако святейшего отца и пастыря словесныя овцы его стражаху от волков противных". И нужно было охранять патриарха. Польские власти стали подсматривать за патриархом, подозревая, что он, как приехавший в Москву из Турции, которая была тогда в явной вражде с Польшей, а из Москвы в Южную Русь к козакам, мог иметь от Турции поручение поднимать Москву и козаков против Польши. Но патриарх в течение полутора месяцев тихо жил в братстве, не приступал пока и к духовным действиям в ожидании того, как отзовутся на его прибытие польские власти и сам король. Польские власти одумались, оставили свои подозрения и уже в начале мая, с ведома короля, сообщили киевскому войту и гражданам, что они хорошо поступили, учтиво приняв у себя такого великого и знатного гостя. А когда после того сам патриарх послал письмо к королю, то и сам король отвечал ему, что не имеет теперь никаких подозрений на счет патриарха, дозволяет ему делать свое дело, а к отъезду патриарха назначил дворянина в проводники ему до границы. Такой благосклонностью к патриарху польские власти и король хотели задобрить русских православных подданных Польши, над которой собиралась уже военная гроза от турок и татар. А в виду такой благосклонности патриарх считал себя уже в полном праве по просьбам православных приступить к духовным действиям. Киевскому братству он дал благословенную грамоту,

которою от имени константинопольского патриарха и своего утверждал это братство, даровал ему право ставропигии и в знамение сего вручил свой крест, преподал наставление о вере, любви и благочестии, о деле благотворения и особенно о добром учении в братской школе, назвав учащееся в ней юношество „младенческим братством". Посещал он киевские церкви и монастыри, совершая моления и преподавая благословения. Между тем слух о патриархе разнесся по всем концам Западной Руси. Стали стекаться к нему послы от городов и братств. Чрез них он дал благословенные грамоты братствам: виленскому, львовскому, луцкому, могилевскому, минскому, слуцкому, бельскому и друг. Все это служило к великому утешению православных и укреплению их на подвиги борьбы за святую веру православную.

2. Тайная хиротония патриархом епископов на православные кафедры: киевскую, перемышльскую, полоцкую, владимиро-волынскую, холмскую и луцкую.

При таком всеобщем возбуждении наступил храмовой праздник Киево-Печерской лавры— Успения Богоматери 15-го августа, к которому, по обычаю, собралось много богомольных людей изо всех концов Южной и Западной Руси. Тут

православные приступили к патриарху с просьбой совершить то, что наиболее нужно было им,—поставить православных епископов на захваченные униатами кафедры. Патриарх некоторое время не соглашался исполнить эту просьбу, боясь короля и ляхов. Но гетман Сагайдачный и козаки благочестивого войска запорожского сказали, что „берут святейшего патриарха на свои рамена и на свою опеку". Патриарх согласился и предоставил самим православным избрать лиц, достойных епископства. По мере избрания происходили и посвящения, но осторожно, ибо делалось это еще без позволения короля. Первым рукоположен был во епископа на кафедру перемышльскую Межигорский игумен Исаия Копинский. Это происходило 6-го октября в Богоявленской церкви киево-братского монастыря ночью; окна церкви были закрыты и завешены; богослужение совершалось тихо при пении одного патриаршего певца Гавриила. В рукоположении Исаии, вместе с патриархом, принимали участие болгарский митрополит из Софии Неофит, издавна уже пребывавший в Западно-Русском крае, и стагонский епископ Авраамий, как и сказано в настольной грамоте, данной тогда Исаии. Спустя три дня, 9-го октября, в той же братской Богоявленской церкви и таким же точно образом посвящен был на митрополию киевскую и галицкую игумен Златоверхого Михайловского монастыря Иов Борецкий, бывший прежде ректором Львовского училища и потом

киево-братского. В Киеве же посвящен был присланный из Вильны инок тамошнего братства Мелетий Смотрицкий на полоцкую епархию; а затем уже на пути из Киева к границе посвящены патриархом еще три епископа на епархии: владимиро - волынскую, луцкую и холмскую.

3. Отъезд патриарха на Восток; совет его козакам поддерживать православие в крае; увещательная грамота православным повиноваться поставленным от ней епископам и изгнать из церкви некоторые вредные обычаи.

Благодаря патриарха за все добро, какое он сделал для Западной Руси, православные во главе с некоторыми святителями, гетманом Сагайдачным и его козаками провожали его до Валахии. Здесь в пограничном валашском городе Буше последовало прощание с патриархом. Оно было трогательно. Святители, гетман, его казаки и все православные плакали. Патриарх стал на площади и долго поучал святителей и мирян держаться твердо православия и любви и с покорностью переносить гонения и скорби; читал разрешительную молитву, тогда как все преклонили пред ним головы и пали ниц на землю; снял с козаков грех, тяготивший их

совесть и состоявший в том, что они недавно ходили, с польским королевичем Владиславом, на единоверную Москву, и убеждал их вперед не ходить на Москву. Прощаясь с Западно-Русским краем, патриарх Феофан оставил свою грамоту и всем православным, в нем обитавшим. Здесь, призывая на православных Божие благословение, он, прежде всего, изрекал анафему на всех владык, отступивших от православия в унию, как уже умерших, так и живых, которых перечислял по именам, равно и на мирян, упорно пребывавших в отступничестве и унии. Потом извещал, что он, по уполномоченности от константинопольского патриарха и имея при себе его экзарха и двух благочестивых архиереев, поставил для киевской митрополии православных митрополита и епископов, которых также перечислил поименно, и убеждал оказывать им всякую честь и послушание в делах церковных, как истинным пастырям. Далее завещал, чтобы русские епископы, в случае смерти митрополита, по трудности сношений с цареградским патриархом, сами поставляли нового, законно избранного митрополита, а последний уже после, когда окажется удобным, испрашивал себе патриаршее утверждение, и чтобы учреждённая теперь по разным городам Западной России ставропигии цареградского патриарха, по невозможности постоянных сношений с ним, оставались в подчинении своим епархиальным архиереям во всех делах и судах церковных. Наконец,

объявлял всем, что он заметил в Малой России несколько церковных обычаев, противных благочестию, и потому, вместе с находящимися при нем архиереями и многими другими духовными лицами, определил исключить эти обычаи из церкви и запретить. Сейчас из - за границы, из Валахии (12 марта 1621 г.), патриарх писал к московскому патриарху Филарету и выразился так: „ведомо тебе буди, Пресвятейший Владыко, что мы, вашими молитвами и милостью благочестивого царя и помощью всеблагого Бога, освободились от супротивных нашей вере; вместе с воинскими людьми, киевляне проводили нас до рубежа волошского, и ныне пребываем в Волохах, величая державу царствия вашего".

4. Первые шаги вновь поставленных православных архипастырей; советование о благочестии на киевском соборе.

Восстановление православной иерархии имело чрезвычайно важное значение для всей Западной Руси. Она имела теперь церковь с совершенным устройством, имела своих законных архипастырей, святителей и учителей. И эти пастыри были совсем не похожи ни на тех владык, какие бывали до унии, ни на тех, которые отпали в унию, ни на тех, которые внове наплодились в

унии. Новые православные владыки вышли большей частью из среды иноков-подвижников, вообще же отличались благочестием, духовным просвещением и ревностью по вере. Достойно первенствовал между ними мудрый и сильный духом Иов Борецкий, митрополит киевский. Одним из первых подвигов его было созвание церковного собора в Киеве в 1621 г. Здесь первосвятитель держал со своими сопастырями „советование о благочестии". Совещались именно о том, как укрепить духовные силы церкви для дельнейшего преуспеяния её, оградить непрерывность восстановленного епископства в Западной Руси и достоинство священства её; как сохранять и утверждать в западнорусском народе веру и учение православной Восточной церкви, защищаться от противников, вразумлять отступников и возвращать их к православной вере. С этою целью на „советовании о благочестии" приняты были, между прочим, следующие правила, достопамятные по высоте духовной мудрости и силы: 1) прежде всего митрополит, епископы, архимандриты, игумены и вообще все духовенство должны очиститься от грехов и жить целомудренно и свято, и по правилам церковным управлять самими собой, церквами и монастырями; 2) должны искренно, от всего сердца, любить веру Восточной церкви и патриархов и быть готовыми умереть за эту веру; 3) должны ревностно проповедовать ее в церквах и по домам, и на всех местах, как сами,

так и чрез своих учеников, и повсюду явственно возвещать, что вера Восточной церкви есть истинная, и спасение в ней несомненное, а в римской церкви и в других сборищах, от неё происшедших, нет истинной веры и невозможно достигнуть спасения; 4) на иерейство посвящать достойных и несомненных ревнителей благочестия даром, а не из корысти; 5) возбуждать и приготовлять к святому мученичеству как самих себя, так и мирян, чтобы радостно переносили за веру расхищение своих имуществ, притеснения от властей и оковы, и вкушали самую смерть; 6) писать и печатать в защиту православия книги, но только прежде напечатания представлять их на рассмотрение и одобрение мужам богомудрым; 7) созывать, по церковным правилам, соборы, на которых епископы прежде сами должны себя исправлять, а затем устроят и то, что относится к духовному клиру и мирянам; 8) учреждать по городам школы и братства; 9) стараться заблаговременно о достойных и премудрых преемниках и иметь их в готовности, чтобы архиерейские кафедры тотчас же замещались, как только сделаются праздными, и преемство епископов не прекращалось; 10) не гневаться на младших и низших степенью, если бы они архиереям и другим начальникам что-нибудь напоминали, или от чего их предостерегали; 11) послать к константинопольскому патриарху за благословением, помощью и советом; равно и на святую гору афонскую, чтобы вызвать и

привезти оттуда преподобных мужей русских: блаженного Киприана и Иоанна, прозванием Вешенского, и прочих, процветающих жизнью и благочестием; а также и впредь посылать русских, расположенных к благочестию, на Афон, как в школу духовную; 12) если уже нельзя обращать самих папистов и их исчадие, т.-е. ариан, евангеликов, лютеран, то, по крайней мере, всеми мерами стараться об обращении русских, отступивших от православия, и особенно дворян, которые, по отступлении, сильно вредят своим бывшим единоверцам.

5. Окружное послание киевского митрополита Иова Борецкого, с оповещением о замещении православных архиерейских кафедр в пределах Западной России.

Спустя некоторое время после такого „советования о благочестии" с своими сопастырями, святитель Иов обратился с окружным посланием и ко всей духовной пастве своей в Южной и Западной Руси, в котором говорил так: „нет места в державе польского короля, где бы, в течение уже 27-ми лет, апостаты—униатские владыки не возбуждали короля и других начальников против верных и невинных его подданных—православных, и не подвергали их самым тяжким гонениям. Но эти апостаты несправедливо

домогаются быть отцами и пастырями русского народа, когда сами отступили от верховного пастыря и отца, константинопольского патриарха, возродившего всю землю русскую святым крещением, и последовать им—это значит смертельно согрешить и вместе с ними подпасть вечному проклятию. А потому, кто устоял против унии, тот должен благодарить Бога; увлекшиеся же ею должны покаяться и возвратиться в лоно матери—церкви. Теперь время к тому самое благоприятное, так как Господь послал Западно-Русской церкви Свое благословение от святого града Иерусалима. Теперь русские имеют для всех своих епархий православных епископов, законно поставленных, и в важнейших своих духовных нуждах могут притекать „до богоспасаемого места Киева, второго русского Иерусалима", к своему „властному (собственному) святителю", митрополиту. Знаменательны эти слова святителя Иова о Киеве: Киев, начальный светоч веры для всей Руси, второй Иерусалим её по своим святыням, теперь, со времени воз-становления в нем именно православной иерархии, становится главным средоточием сил, главной опорою для всей Западной Руси в её борьбе за свою веру и народность. А борьба предстояла еще трудная и долгая.

6. Война Польша с Турцией; варшавский сейм; речь Древинского в защиту православия; обещания короля; помощь Польше со стороны козаков.

Предстояла борьба прежде всего за права восстановленной православной иерархии, неразлучные с правами веры и народности. В ту пору, когда совершались в Киеве и Южной Руси упомянутые поставления православных иерархов, польские власти и король, хотя и могли бы слышать об этом деле, но помешать ему были не в состоянии. Да и не до того им было. Приближавшаяся военная гроза от турок и татар наконец разразилась над Польшей. В битве под Цецорой (7-го октября 1620 г.) польское войско потерпело страшное поражение, причем погиб и сам вождь его, гетман Ст. Жолкевский, считавшийся славнейшим из польских вождей. Ужас напал на Польшу и короля Сигизмунда III. Послал он к иностранным дворам просить о помощи, но не получил её ни от кого. Созвал (в ноябре 1620 г.) он сейм в Варшаве для совещаний о средствах обороны от грозного неприятеля. Тутто знаменитый Лаврентий Древинский выступил с речью, отчасти нам уже известной. Изобразив все притеснения и бедствия, какие терпели русские православные за свою веру, он смело сказал королю: „теперь, конечно, в виду страшной опасности для республики, ваше величество едва ли не большую часть ратников

потребуете от народа греко-русского исповедания. Но как же этот народ подставит свою грудь на защиту вашей державы, если останется неудовлетворенным в своих нуждах и просьбах? Как может он употреблять свои усилия, чтобы добыть вам вечный мир, не имея внутреннего мира и покоя в своем доме? Станет ли он искренно, с мужеством и ревностью гасить своей кровью горящие стены отечества, когда видит, что не хотят угасить пламени, от которого пылают его домашние стены?" В заключение Древинский именем своей братии умолял короля сжалиться над православными, сохранить права их, под которыми разумелось и право иметь своих православных владык. Король и сейм обещали это, а между тем постановили собирать силы и средства для отражения турок, и для этого призвать на помощь и козаков. Король и краковский бискуп послали льстивые письма к самому патриарху Феофану, бывшему уже на отъезде из Южной Руси, и просили его склонить козаков идти на помощь королю и Польше. Письма эти застали патриарха в Трехтемировском монастыре, у которого был при нем гетман Сагайдачный со своими козаками. Патриарх, убеждая их исполнить волю короля, говорил: „эта ваша покорность и знатная услуга может так угодить королю, что он согласится признать и утвердить восстановленную мною вашу русскую иерархию, т.-е. митрополита и епископов, посвящённых мною на место отпавших".

Сагайдачный и козаки приняли слова патриарха к сердцу. Но вот к половине следующего 1621 года дошел новый страшный слух, что громадное турецкое войско (до 300 тысяч) перешло Дунай и движется к гор. Хотину (в нынешней Бессарабии). Король погнал своего ксендза к козакам молить о помощи, давая всякие обещания. Обещали помощь и козаки, но с тем, чтобы король и Польша исполнили их желание, т.-е. чтобы утверждены были в своих достоинствах митрополит и епископы, посвященные патриархом. Верно исполнили козаки свое обещание. Сагайдачный с 40.000 Козаков прибыл на помощь польскому войску под Хотин, и здесь, благодаря доблести гетмана и Козаков, турки были разбиты на голову и принуждены были заключить мир (8 окт. 1621 г.).

7. Лукавство короля; новые преследования православных.

Как же теперь исполняли свои обещания король и польские паны? О! тут-то открылись обычный обман, обычная лживость обещаний их. Лишь только выехал патриарх Феофан из Южной Руси, как униатский митрополит Рутский завопил пред королем, что-то был не патриарх, а самозванец и турецкий шпион, что поэтому самозванцы и поставленные им

православные митрополит и епископы. Знал король, что это ложь, клевета; но, как ученик и друг иезуитов, считал дозволительной ложь и клевету, когда это понадобится для какой-либо цели. Итак прислал он на руки Рутскому грамоту, которою повелевалось схватить православных епископов, как самозванцев, изменников, бунтовщиков. Нашелся более умный пан, литовский канцлер (первый сановник) Лев Сапега, который не одобрял этой грамоты и посоветовал Рутскому поудержаться с исполнением, чтоб не раздражать козаков, не знавших пока о таком лукавстве короля. Рутский удержался, но ненадолго, не удержался и король; но, как-то обычно людям лукавым, оба они, не затрагивая Козаков, как сильных, напали на слабых. Беззаконная расправа началась с Вильны, где жил тогда один из поставленных Феофаном епископов Мелетий Смотрицкий, епископ полоцкий. В Лазареву субботу пришла сюда грозная грамота короля. С понедельника страстной седмицы начали хватать самых богатых и знатных православных купцов города, тащили их в ратушу, которая обыкновенно на эту великую неделю запиралась; здесь допрашивали их, подвергали пыткам, и одних сажали на ратушу, других под ратушу, в подземную темницу. Членов ратуши, которых заподозрили в приверженности к православию, иных отставили от лавицы, других подвергли аресту в самой ратуше. У ремесленников отбирали ключи от их привилегий и общих касс, а которые

не хотели отдавать, тех принуждали пытками и, как изменников, исключали из цеховых сходок. И эти преследования и истязания продолжались всю страстную седмицу. На улицах Вильны раздавались вопли и стоны православных. Некоторые из заключенных просили, хоть на короткое время, освобождения из темницы, чтобы в такие дни побывать в церкви, исповедаться и приобщиться святых тайн, и предлагали за себя в заложники своих жен, детей, но напрасно. На Свято-Дvховский монастырь делали нападения; в ограду его бросали камни, горящие поленья, стрелы. В скорби и в слезах встретили православные великий праздник Воскресения Христова и провели всю светлую седмицу. В виду такой неправды и жестокости гонителей, виленское Свято-Духовское братство издало книгу под заглавием „Оправдание невинности", в которой сильно и прекрасно защищало честь патриарха Феофана, правоту поставления им православных епископов, правоту их, права православной церкви, беззакония униатов, неправды польских властей, и умоляло о справедливости для православных. Униаты писали свои лживые ответы на эту книгу, а православные немедленно обличали лживость их. Но ничто не помогало. А когда, благодаря хотинской победе Козаков, король и Польша избавились от страха пред турками, то гонения на православных еще увеличились и расширились. Православные епископы не могли являться или явно действовать в своих

епархиях, а укрывались в монастырях под защитой братства или некоторых оставшихся верными православию русских дворян, но большей частью проживали в Киеве, где ближе была защита им от Козаков. Здесь митрополит Иов смело действовал. Он вместе с владыками подал протест, в котором, сказав о гонениях, какие терпели православные в Вильне, прибавлял: „в Могилеве, Минске и Орше (у православных) отобраны церкви; в Перемышле умерщвлены в тюрьме 24 человека мещан; в Ярославле, Кременце, Гродне и Пинске отняты церкви; в Бресте Дорофея с братьями выбросили в колодезь; в Красноставе ворвались в каменную церковь и многих в церкви убили; то же сделали в Сокале, Бельске и Бусне, и взрослых без покаяния предавали смерти, а детей без крещения".

8. Вступление Козаков в состав братчиков киевского Богоявленского братства; кончина гетмана Сагайдачного.

С горестью обо всем этом узнали козаки, прибывшие после Хотинской победы в Киев со своим доблестным гетманом Сагайдачным, тяжко раненным в хотинской битве. Здесь киевские городские козаки и обыватели подали гетману и всему войску запорожскому просьбу, в которой, между прочим, говорили: старайтесь о

митрополите православном и о церкви святой Софии, чтобы быть ему под благословением патриаршим... смилуйтесь о свободе угнетенных братьев наших и православных церквей во Львове, Перемышле, в Бресте, Вильне, Могилеве и во всем королевстве польского короля, и сами промышляйте о христианстве. А чрез своих послов, которых мы посылаем до короля, мы никогда ничего не добьемся: ибо ляхи издавна привыкли больше обольщать нас хитростью и обещаниями, нежели исполнением обещания". Это была вместе просьба и от киевского Богоявленского братства. И вот гетман сам и от имени всего войска запорожского вписался в это братство в знак того, что казачество становится покровителем и защитником православия во всем крае. Между тем король хотел задобрить Козаков, оказавших такую великую услугу Польше своей доблестью под Хотином. Он прислал им похвальную грамоту и денежные награды, а больному от ран Сагайдачному—своего врача. Сагайдачный благодарил короля письмом (от 15 февр. 1622 г.), но тут же жаловался на польских панов, которые во время ухода Козаков под Хотин крайне притесняли прочих Козаков, оставшихся дома. Вскоре затем, чувствуя, что ему уже не выздороветь от ран, гетман в последний раз написал королю и просил, чтобы король не давал панам притеснять козацкий народ, не поддерживал унии и предоставил православным держаться своих древних

апостольских и отеческих догматов и преданий. Готовясь теперь к смерти, он сделал последнее распоряжение на пользу церкви: завещал знатные суммы и вклады на киевский братский монастырь и его школу, на школу Львовского братства и на монастыри, церкви и школы в других местах Западной Руси. Скончался доблестный муж, поборник веры православной и родной страны, 10-го апреля, и погребен митрополитом Иовом в киево-братском монастыре при церкви дорогого ему училища. Вечная память о нем сохранилась в родной Руси; но очень коротка была память о нем в Польше. Король первый забыл о нем, оставил без внимания предсмертные просьбы гетмана, не унимал гонений на православие.

9. Неистовства фанатика Иософата Кунцевича; увещательное письмо к нему канцлера Льва Самый.

Самым неистовым гонителем был теперь полоцкий униатский владыка Иосафат Кунцевич. В Полоцке, Могилеве, Витебске и других городах своей епархии он отнимал у православных или закрывал их церкви, изгонял священников, тягал в суд и тюрьмы их и мирян. Охуждали его за это даже литовско-польские, более толковые паны, особенно канцлер Лев Сапега. Давно уже

он увещевал, предостерегал его, но все напрасно. Пробовал Сапега унять Кунцевича чрез митрополита Рутского, которому писал: „не один я, но и другие весьма охуждают то, что ксендз владыка полоцкий слишком жестоко начал поступать в делах веры, и очень надоел и омерзел народу, как в Полоцке, так и везде. Давно я предостерегал его, просил и увещевал, чтобы он так жестоко не действовал; но он, имея свои соображения, более упрямые, нежели основательные, не хотел слушать наших советов. Дай Бог, чтобы последствия его суровых действий не повредили Речи Посполитой. Ради Бога, прошу вашу милость, вразуми его, чтобы он прекратил и оставил такую суровость и скорее добровольно уступил могилевцам их церкви, не дожидаясь того, чтобы они сами и без просьбы отобрали их у него.... Пожалуйста, ваша милость, держи его на вожжах“. Но и Рутский не удержал, да кажись, и не хотел удерживать своего сподвижника и любимца. Между тем уже не один раз православные мещане то в Полоцке, то в Могилеве, то в Витебске готовы были сами подняться на расправу со свирепым гонителем, и только местные власти польские охраняли его, но, по неразумию, не унимали его гонений и даже потворствовали ему. А сам Кунцевич вздумал еще нажаловаться на православных, а себя во всем оправдывать в письме к высшему сановнику, канцлеру Льву Сапеге. В ответ на это Сапега написал ему (от 12 марта 1622 г. из

Варшавы) длинное и весьма замечательное письмо, которое и приведем здесь с небольшими сокращениями. „Не хотел бы я,—писал Сапега,—вступать с вашим преосвященством в переписку и споры; но видя упорство, с каким вы отстаиваете свои мнения, не внимая никаким убеждениям, нахожу себя вынужденным отвечать, вопреки моему желанию, на неосновательное письмо ваше. Признаюсь, что и я заботился об унии..., но мне никогда и на ум не приходило то, что вы будете привлекать к ней столь насильственными мерами... Вам трудно отрекаться от этого, когда вас уличают жалобы, поданные русскими начальникам польским и литовским. Разве вам неизвестен ропот нерассудительного народа и выражаемое им желание лучше принять турецкое подданство, чем терпеть такое притеснение своей веры и благочестия? По вашим словам, унии противятся только некоторые монахи из епархий Борецкого и Смотрицкого и несколько лиц из киевской шляхты; но прошение королю, чтобы он утвердил в тех епархиях Борецкого и Смотрицкого, а вас с прочими удалил, подано не несколькими монахами, а всем запорожским войском. Горе тому, кто легковерен! А мало ли получаем мы жалоб на сеймах не от монахов только, но от всей Украйны и Руси? Руководясь не столько любовью к ближнему, сколько суетою и личными выгодами, вы злоупотреблением своей власти, своими поступками, противными священной воле и

приказаниям „Речи Посполитой[12]), зажгли те опасныя искры, которые всем нам угрожают пагубпым и всеистребляю-щим пожаром... Вы пишете „об обращении отщепенцев и проч. Нужно заботиться об их обращении, но нужно это делать благоразумно и сообразно с обстоятельствами времени, как дело, зависящее от свободного согласия; нужно заботиться, чтобы наша ревность и желание единоверия основывались на правилах любви, по слову святого Павла.

Но вы уклонились от наставлений святого апостола, а потому неудивительно, что находящиеся под вашею властью вышли из повиновения вам. Что касается опасностей, угрожающих вашей жизни, на это можно сказать: каждый сам бывает причиною своего несчастия... Прочитайте жития всех благочестивых епископов, прочитайте творения Златоуста,—вы не найдете там ни жалоб, ни протестов, ни намека на судебные процессы и позывы к суду..., а найдете только то, что способствует к умножению славы Божией, назиданию человеческих душ. А посмотрим на ваши деяния: вы наполнили земские суды, магистраты, трибуналы, ратуши, епископские канцелярии позывами, тяжбами, доносами, чем не только нельзя распространить унии, но можно расторгнуть и последний союз любви в обществе и наполнить сеймы и управы разладом и ссорами. Еще пишете: „если

[12] Так называли поляки свое польское государство

неправоверные нападают на меня, то я поневоле должен защищаться". Поистине, не тому учит нас Христос. Ведомый яко овца на заклание, имея для своей защиты легионы ангелов, Он молился за врагов Своих: так должно поступать и вам. Долг мудрого—употребить все меры благоразумия прежде, чем взяться за оружие, и не писать колких писем к начальству его королевского величества, не отвечать угрозами, как это делаете вы. Апостолы и другие святые никогда так не поступали. Продолжаете: „вольно вам топить униатов, рубить им головы". Нет! не должно так поступать с ними, потому что божественное евангелие строго внушает всем мстителям, в том числе и вам: Мне отмщение, Аз воздам. Сколько апостолов, учеников Господних, сколько христиан запечатлело своей кровью славу распятого Господа, претерпело ради Его жесточайшие муки! И однако нигде нет в святых писаниях ни одной их жалобы или протестов на Неронов, Тивериев, Диоклецианов, но „идяху радующеся от лица собора, яко за имя Господа Иисуса сподобишася безчестие прияти". „На сеймах, продолжаете вы, поднимаются голоса не только вредные для унии, но для всего православного духовенства римского". Кто же тому причиной? Одна уния—виновница всех этих несчастий! Когда вы делаете насилие совести человеческой, запираете церкви для того, чтобы люди погибали без богослужения, без христианских обрядов и таинств, как неверные; когда

злоупотребляете милостью и властью короля,— вы обходитесь без нас; а когда нужно усмирять смуты, возбуждённые в народе вашим беспутством,—вы хотите нами запирать двери. Оттого противная сторона думает, что мы с вами составили заговор, направленный к насилию совести и нарушению всеобщего спокойствия, чего, конечно, не бывало. Довольно и того, что вы с нами в унии, так и берегите эту унию про себя, и в звании, в неже звании бысте, оставайтесь себе спокойно, не подвергайте нас общенародной ненависти, а себя явной опасности и всеобщему нареканию. „Не принимающих унии, пишете дальше, следовало бы изгнать из государства". Избави Бог нашу отчизну от этого безрассудства! Давно уже в наших странах водворилась римско-католическая вера, и пока она не имела подражательницы себе в деле благочестия и подчинения святому отцу (папе), до тех пор славилась своей любовью к спокойствию, могуществом внутри и вне государства. Но как только связалась с какою-то сварливою и беспокойной подругой, терпит, но её милости, на каждом сейме, на каждом собрании народном, на каждом уездном заседании, разные раздоры и нарекания. Лучше бы, кажется, было сделать разрыв с этою неугомонною союзницей; потому что мы никогда не видали в нашей отчизне таких нестроений, какие посеяла среди нас эта благовидная уния.... „Отдавать, говорите, церкви на поругание" и проч. Но печатать и запирать церкви и

глумиться над кем - либо, разве не есть пагубное разрушение братского единомыслия и взаимного согласия? Укажите, кого вы приобрели, кого уловили такой суровостью вашею, строгостью, печатанием и запиранием церквей. Окажется, что вы потеряли и тех, которые были вам послушны в Полоцке. Из овец вы превратили их в козлищ, навлекли опасность на государство, а, может быть, погибель и всем нам католикам. Вместо радости, пресловутая ваша уния наделала нам только хлопот, беспокойств, раздоров, и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без неё: так много, по её милости, мы терпим беспокойств, огорчений и докук. Вот плод вашей пресловутой унии! Сказать правду, она приобрела известность только смутами и раздорами, которые произвела в народе и в целом крае. Если—избави Бог—отчизна наша потрясется (вы своей суровостью полагаете к тому торную дорогу), что тогда будет с вашею унией? „По крайней мере, пишете вы, я получил в этом деле предписание верховного пастыря или его наместника" и проч. Противиться верховному пастырю есть проклятое покушение; но я уверен, что если бы св. отец (папа) знал все те смуты, какие породила ваша уния в пашей отчизне, он дал бы позволение на все, чему вы у нас так упорно противитесь. Мы знаем из опыта снисхождение св. отца, который, будучи отцом, а не отчимом церкви Христовой, так мудро управляет ею, что весьма многое разрешил в

некоторых странах, для их общественного блага, что у нас запрещено, как грех смертный. В силу всего сказанного, король приказывает вам распечатать и отпереть церковь их (православных) в Могилеве, о чем и извещаю вас, по его воле. Если же и после настоящего напоминания вы этого не сделаете, то, по повелению его величества, я сам прикажу распечатать и отдать церковь, дабы они в своих церквах отправляли свое богослужение. Жидам и татарам позволено в областях королевства иметь свои синагоги и мечети; а вы печатаете христианские церкви! Оттого и ходит везде молва, что они (православные) лучше хотят быть в подданстве неверных турок, чем терпеть такое насилие своей Совести. „Но,— возражаете, — справедливо ли делать такое снисхождение для сомнительного спокойствия в будущем?" Не только справедливо, по и необходимо! Потому что, если мы станем еще более стеснять их религию, то произойдут неизбежные раздоры в обществе. Повсюду уже раздается молва, что они навсегда желают разорвать всякую с нами связь. Что касается до полочан и иных против вас возмутителей, то может статься, они и в самом деле таковы, а все-таки скажу, что вы сами расположили их к возмущению. Они были вам послушны, не оставляли вашей церкви, по вы сами от себя оттолкнули их... Мы не хотим, чтобы эта, столь пагубная для нас, уния до конца погубила нас. Вот ответ на письмо ваше! Желал бы я на будущее время быть

свободным от состязания с вами. Прошу только Всевышнего о ниспослании вам духа кротости и любви к ближнему".

10. Жалобы православных варшавскому сейму; вмешательство папы, воспрепятствовавшее рассмотрению жалоб.

Кунцевич не образумился и продолжал свои неистовства. А митрополит Рутский послал еще и жалобу папе, будто униаты терпят обиды от православных, и папа в письме к королю просил его защищать униатов. Но подняли голос за правду и в защиту веры и народности русской и все западнорусские дворяне, те т.-е., которые оставались еще верными православию. Это было на варшавском сейме в первых месяцах 1623 года. От волынского дворянства в числе других выступил здесь тот же известный нам ревнитель Л. Древинский. А от всего православного дворянства в пределах Западной Руси, Литвы и Польши прислана была на сейм петиция, т.-е. покорнейшая просьба, написанная весьма обстоятельно, сильно, в защиту дела православия и русского народа. Здесь православные дворяне, между прочим, говорили: „Вот уже 28 лет, как мы заявляем и перечисляем на каждом сейме те великие несправедливости и нестерпимое угнетение, каким подвергают нас отступники от нашей

веры—митрополит и епископы, и со слезами, с рыданиями умоляем вас употребить ваше мощное ходатайство пред его величеством королем, чтобы он избавил русский народ от тяготеющего над ним гнета. Но доселе избавления нет... Не чужого просит русский народ, а своего собственного: просит о сохранении своих прав, своих вольностей. И в чем же? в делах веры, которою мы обязались пред Богом и которую должны сохранить. Ее-то вырывают у нас из души наши отступники... Наш русский народ соединился с польским, как равный с равным, как народ свободный со свободным. А в чем же он свободный народ, когда его могут принуждать даже в вере? Свобода и неприкосновенность его старожитной, греческой веры всегда была первой и важнейшей из всех его вольностей... Итак, исходатайствуйте нам у его величества короля, чтобы он благоволил оставить нам ту самую свободу веры, то самое право избрания иерархов, какие имела паша церковь прежде. Мы ничего не просим, кроме того, что уже более шестисот лет нам принадлежит, чтоб, как святыню, всегда сохраняли нам польские короли, что утвердил за нами и сам нынешний король своей присягою при своем восшествии на престол и самым делом, предоставив нашему патриарху посвятить нам митрополита". Резкими чертами изображали далее русские дворяне те бедствия, какие причиняла православным уния. „Бог свидетель, что заставляют нас переносить эти Пакосты,

Шишки, Стецкие, Душехваты, эти Палисвяты, Почановские и Рутские, которые выдают себя ныне за русских епископов. Знает то и король наш милостивый, знаете и ваша вельможность. Они возбраняют нам свободное отправление нашего богослужения, хватают наших священников, мучат их, заключают в темницы, и когда мы заступаемся за наших духовных, тревожат нас самих судебными позвами и преследованиями, вводят нас в убытки. Бродские книги, когда мы желаем записать туда наши жалобы на наших притеснителей, заключаются пред нами; городские урядники не принимают тогда наших протестаций; возных и уполномоченных, которых мы посылаем по этим делам, бьют и лишают свободы. Но что еще несноснее, поносят нашу честь, которая для нас дороже самой жизни; дерзают, своими ложными доносами, наводить сомнение на нашу верность престолу, заставляют подозревать нас в измене... В Белоруссии полоцкий архиепископ пять уже лет держит запечатанными православные церкви Орши и Могилева. Граждане полоцкие и витебские, которые не могут иметь в городе, по запрещению того же архиепископа, ни церкви, ни даже дома для отправления своего богослужения, принуждены по воскресным и праздничным дням выходить для того за заставы в поле, да и то без священника, так как ни в городе, ни близ города им не позволено иметь своего священнослужителя. Бедные люди, не привыкшие к

иной вере, кроме той, в которой родились и выросли, поставлены в необходимость возить своих детей для крещения за десять миль и более, и во время дальнего пути многие дети умирают некрещенными. Так же далеко принуждены ездить и все, желающие получить церковное благословение брака. Многие во все это время лишены были возможности исповедать свои грехи и удостоиться святого причащения, и умирали без христианского напутствия. Наконец, вот дело ужасное, невероятное, варварское и свирепое: в прошлом году, в том же белорусском городе Полоцке, тот же апостат-епископ, чтобы еще более досадить гражданам, намеренно приказал выкопать из земли христианские тела, недавно погребённые в церковной ограде, и выбросить из могил на съедение псам, как какую-либо падаль"... В заключение всего, русские дворяне, во имя целости и благоденствия отечества, настоятельно просили, чтобы совсем выброшена была эта „кость раздора", которая зовется унией (соединением) и ведет только к разделению и смутам, и чтобы король исполнил, наконец, на настоящем сейме свои обещания православным, так часто повторяемые, и не на словах, а на самом деле, успокоил их веру, явил свое благоволение к их духовным архипастырям, которые так опозорены в королевских универсалах, и благоволил дать этим архипастырям их архиерейские кафедры.

Но напрасны были все просьбы православного русского дворянства. Римский папа опять вмешался в дело и уже прислал новое письмо к королю, убеждая его и польских сенаторов защищать унию от схизматиков (так, по неразумию, называл он православных), и с согласия короля сейм постановил: успокоение людей Восточной веры отлагаем на будущий сейм, а теперь обещаем тишину для обеих сторон (т.-е. православной и униатской), уничтожая все приговоры, распри, тяжбы, кои бы оказались с обеих сторон". Понятно, чрез такое постановление сторона преследуемая, гонимая оказывалась в обиде, а преследующая, т.-е. униатская, в выигрыше.

11. Убийство Кунцевича; жестокая расправа с гражданами гор. Витебска.

И действительно, униаты, зная, что король на их стороне, продолжали свои гонения. Кунцевич дошел до последнего безумия. Мало того, что он поотнимал у православных все церкви в городах своей епархии, он не позволял им совершать богослужение даже в домах, даже в шалашах за городом, схватывал православных священников, заключал в тюрьмы, изгонял из епархии и т. под. Более благоразумные люди, даже из латинян, настойчиво предостерегали его, что за свои

неистовства он кончит не добром. Изувер хвалился, что за унию не боится и смерти. Итак сам он напрашивался на смерть. В конце октября 1623 г. приехал он в Витебск, где уже прежде „омерзел" он всем православным. Две недели прожил он здесь, похваляясь, что ждет, пока его убьют. Не дождавшись, нашел повод ускорить дело. Утром в воскресенье 13-го ноября православный священник Илия шел на служение в свою загородную церковку. По приказанию Кунцевича, называвшего эту церковку синагогой, слуги его схватили священника и заключили в поварскую кухню. Спутник священника поднял крик. На всех церквах Витебска раздался набат; собрались толпы бушующего народа, бросились на архиерейский дом,—и Кунцевич был убит, а труп его с привешенным камнем брошен в реку Двину в самом глубоком месте. Такая расправа была, конечно, преступлением. Но сам Кунцевич был главным виновником его; погиб он не за веру, которую надлежало распространять кротостью, а за свои антихристианские жестокости и изуверства, которыми и накликал убийство. Смерть его—не смерть христианского мученика, а нечто похожее на самоубийство. Конечно, жители Витебска заслуживали кары. Но и каратели действовали, как мстители, с ненасытною яростью. Не сыт был на кровавую месть римский папа; сведав об убийстве Кунцевича, он писал королю: „да будет проклят тот, кто удержит меч свой от крови схизматиков (т.-е.

православных)"! Но этот меч уже действовал в Витебске. Девятнадцати лицам отрублены головы, около ста других, бежавших из города, осуждены на смерть, имения их забраны; город лишен всех прав; ратуша его разрушена, колокола отняты от всех церквей, уже прежде захваченных на унию; разрушены два шалаша за городом, в которых православные собирались на молитву. Папа похвалил короля за такой суд и расправу. Не вспомнили судьи и каратели, что тяжесть преступления смягчалась зверскими жестокостями того, кто сам вызвал на преступление, а следовательно был главным виновником его. Забывая это, забывая правду и милость, они хотели только навести ужас на православных, поразить православие.

12. Попытки униатских епископов к сближению с православными; отпадение в унию православного епископа Мелетия Смотрицкого; суд над ним в Киеве.

Само собой понятно, что православные в Западной Руси сильно опечалены были витебским делом. Но они чувствовали, что не причастны преступлению, и не упадали духом. Более потревожились униаты. Увидели они, до чего доводит уния, посеявшая рознь и вражду в Западной Руси между братьями одного и того же русского

народа, к которому принадлежали и православные, и униаты. И вот, стали униатские владыки заговаривать о примирении с православными, и не раз зазывали их на съезды для совещаний о примирении. К несчастью эти владыки чрез свою унию связаны были с папством, которого уж никак не могли признать православные, храня чистоту и целость своей веры. Потому и затея примирения не состоялась. Удалось однако униатам сманить на свою сторону одного из православных епископов. Это был Мелетий Смотрицкий, поставленный патриархом Феофаном на епархию полоцкую. До епископства и на епископстве он был усердным защитником православия, много писал в защиту его. Живя большей частью в Вильне, укрываясь от гонений, он и не видел своей полоцкой епархии, где владел и свирепствовал Кунцевич. И стали униаты обвинять его, будто он-то возмущает жителей Полоцка, Могилева, Витебска против унии и Кунцевича, будто он возмущает и Козаков. Тяжело было ему. Тяготило его и бедствие православной церкви в Западной Руси. А когда побывал он на Востоке, то и там увидел печальное положение православных под властью турок. Люди сильные не падали оттого духом, не поддавались соблазну, памятуя, что церковь Христова и в самые первые времена свои много страдала от гонений. Но Мелетий хотя был и учен, не силен был духом. Итак, соблазняясь бедствиями православной церкви, поддался он и

другому соблазну—соблазну примирения с униатами. Возвратясь с Востока и нося уже в сердце задатки измены православию, он приметил, что впадает в подозрение у православных, стал бояться их и укрылся в Дерманском монастыре (на Волыни), который находился в имении знатного русского пана, но к несчастно уже отступника латинника (князя Заславского). Случился тут и униатский митрополит Рутский. Оба они налегли на Мелетия, обещая ему всякие милости, и он принял унию. Все трое положили держать эту измену втайне, чтобы тайный униат, а по виду православный, мог иметь общение с православными и совращать их. Мечтали действовать и на самого митрополита Иова и других важнейших духовных. С этою целью Мелетий написал книжку о своем странствии на Восток, в которой, клевеща на Восточную церковь, защищал папские учения, принятые в унию. Надеялись, что эта книжка, как писанная православным (каким хотел еще слыть Мелетий), быв тайно распространяема, соблазнит многих. Но нашелся на Волыни другой изменник, игумен Кассиан Сакович, который не утерпел и поторопился напечатать эту книжку, и стала она известна всем. Произошел всеобщий соблазн, но дело соблазна приняло оборот совсем не такой, как рассчитывали соблазнители. Твердый в православии и мудрый митрополит Иов созвал собор в Киеве, в Киево-Печерской лавре, ко дню Успения Божией Матери 15 августа. На

этом соборе были все православные архиереи (кроме далёкого львовского). То были пастыри, славившиеся благочестием и ревностью к вере, каковы особенно: Исаия Копинский—теперь архиепископ черниговский и смоленский, Исакий Борискович—епископ луцкий, и др. Были на соборе архимандриты, игумены и избранные иноки, протоиереи, иереи из обеих половин Южной Руси, из Волыни, Подолии, Галицкой Руси, Белоруссии, Литвы, Подлесья и др. Между первыми были славный опытностью и просвещением Петр Могила архимандрит печорский, и знаменитый подвижник Иов Железо, игумен почаевский (о них еще скажем), между вторыми—известны своей ученостью и твердостью в вере: волынский протоиерей Лаврентий Зизаний и Слуцкий—Андрей Мужиловский. Были свидетелями и пособниками собора и многие миряне, в том числе члены некоторых братств и козаки. Прибыл на собор и Мелетий, все еще не объявивший себя униатом. Напрасно пытался он защищать себя и папские учения, изложенные в его книге. Учения эти изобличены как противные православной церкви; листы его книжки преданы сожжению. Мелетий каялся, сам жег листы своей книжки. Но покаяние человека, пошатнувшегося в вере, оказалось потом лицемерным. Уехав из Киева, он огласил, что каялся принужденно, из страха, и теперь уже явно перешел к униатам. Тут - то объявилась облыжность последних, самого короля и папы. Все они прежде

не признавали Мелетия посвященным архиереем, а называли самозванцем, как и других архиереев, посвященных патриархом Феофаном. А теперь все они приняли Мелетия как архиерея, не требуя нового посвящения его взамен того, какое он принял от патриарха Феофана. Новая измена Мелетия, хотя и огорчила православных, но не поколебала их духа, твёрдого в православии. А собор 1628 г. достиг своей цели, предостерег православных от соблазна униатов, зазывавших их в унию под видом соглашения и примирения. Он укрепил союз между православными на всем пространстве Южной и Западной Руси. С этою целью были изданы от собора и послания ко всему православному народу Южной и Западной Руси, в которых излагалось все дело собора и члены его удостоверяли, что они не думали ни о каком отступничестве, что и впредь клятвенно обещаются беречься его при помощи Божией до самой кончины. Вместе с тем они просили и убеждали всех православных пребывать твердыми в благочестии и вере, Богом преданной, апостолами проповеданной, соборами вселенскими утвержденной и кровью мучеников запечатленной.

13. Характер управления Иова Борецкого митрополией; кончина его.

После собора 1628 года митрополит Иов еще три года управлял митрополией Западной Руси. Во все время своего свыше - десятилетнего управления он жил в Киеве, будучи для всей Западной Руси светильником веры, поборником за православие против соблазнов и наветов противников, ревнителем благоустройства и подъём а духовных сил церкви. Своими трудами, учительными посланиями и соборами он привлекал к Киеву взоры православных всей Западной Руси. Он же первый стал направлять Киев и всю Южную Русь к мысли о союзе с Москвой и единоверной и единоплеменной Северной Русью (о чем скажем еще ниже). Не смог он возвратить от униатов захваченный ими кафедральный Киево-Софийский собор и потому жил в Михайловском монастыре, но не дал захватить его униатам, чего домогались они с помощью короля и польских властей. И пред самой кончиною он помышлял о благе церкви православной, оставлял ей все свое достояние и особенно напоминал о киево - братском училище и о „просвещении христианских детей, как деле и церкви Божией и всему православному народу российскому потребнейшем". Скончался он (2 марта 1631 г.) и погребен в том же Михайловском монастыре.

14. Избрание на киевскую митрополию Исаии Копинского; увещательное послание его отступнику от православия князю Иеремию Вишневецкому.

После Иова стал митрополитом Исаия Копинский, муж благочестивый, строгий подвижник, пламенный ревнитель православия и блага родной ему русской земли. Патриарх Феофан, как знаем уже, поставил его во епископа на кафедру Перемышльской епархии. Но захватившие ее униаты не допустили туда Исаию. За то потом православные Южной заднепровской Руси, в том числе козаки, знавшие о благочестии и ревности по вере Исаии, пожелали иметь его своим архипастырем. Митрополит Иов с церковным собором внял их желанию и назначил Исаию архиепископом черниговским. Но и теперь, как во время епископства, Исаия проживал попеременно в тех же заднепровских монастырях нынешней Полтавской губ., которые стал устраивать еще до епископства. Это монастыри Густынский, Ладинский и Лубенский-Мгорский, бывшие во владениях князей Корыбутов-Вишневецких и устроенные при помощи пожертвований от супруги князя Михаила Корыбута-Вишневецкого Раины Могилянки, двоюродной сестры Петра Могилы. Напомним здесь, что род князей Вишневецких, происходивший от литовского великого князя Ольгерда (в православии Алексея), принадлежал к тем

знаменитым литовско-русским (т.-е. литовским, но обрусевшим) князьям, которые отличались преданностью к вере православной и народности русской. Известны в этом роде и козацкие гетманы - богатыри, братья Димитрий и Михаил. Первый прославился и мученической смертью за веру в Константинополе (1564 г.). Второй—муж отважный, набожный, любящий справедливость, отец сирых и убогих, был благотворителем Киево-Печерской лавры и погребен в ней (1584 г.). Сын этого Михаила, тоже Михаил, по своей преданности был, как выражается один знавший его православный писатель, утешением церкви православной в ту пору, когда постигли ее беды и напасти от унии и латинства. Но еще большей преданностью вере, ревностью по ней и благочестием отличалась супруга его Раина (Ирина) Могилянка. Устраивая вместе с духовным отцом своим Исаией упомянутые заднепровские монастыри и церкви в своих обширных имениях, делая вклад им, она ограждала их неприкосновенность граматами с заклятиями: „а если кто в последующие времена захочет нарушить или уничтожить или отменить эти вклады (фундации), которые мы раз подали, или захотел бы нападать и отменять нашу благочестивую, православную веру,—да будет на том клятва святых отцов, да рассудится он со мною пред престолом Божиим". Сын Михаила и Раины, Иеремия, скреплял грамоты матери своей подписью. Мать была тогда уже вдовою, а по смерти

её сын забыл заветы и клятвы матери. Побыл он в иезуитской школе, где иезуиты и начали его совращение, а когда он женился на польке Замойской, то с её помощью и довершили свое дело. Иеремия стал пренебрегать и родной верой и русской народностью, латинился и полячился. В эту - то пору Исаия Копинский, став уже митрополитом киевским, счел своим долгом и правом усовестить молодого князя и написал ему длинное увещательное письмо, начав так: „Сиятельный, милостивый князь, пан мой милостивый! Смиренно прошу, чтобы ваша княжеская милость приняли сие послание мое милостиво, прочитали без душевного оскорбления и со вниманием: ибо я должен писать по своему пастырскому долгу. Великая жалость, милостивый князь, объемлет сердца всех нас духовных и всего православного христианства при виде, что ваша княжеская милость, вожделенная утеха нашей древней веры греческой, не последуете предкам и родителям своим. Не менее плачет и рыдает церковь Божия, мать наша, что ваша княжеская милость хотите презирать ее. С великой охотою все мы ждали вожделенной утехи нашей: но она, сверх чаяния нашего, превращается для нас в скорбь. И что же ваша княжеская милость приметили в церкви Божией сомнительного, подозрительного, еретического? Не Иерусалим ли по Господе Бозе—глава всего света? Не оттуда ли вера христианская получила начало и основание? От Сиона изыде закон,

и слово Господне от Иерусалима, как говорит пророк. Не там ли Господь наш Иисус Христос совершил спасение наше святейшею кровью Своею? Не там ли искупил свет дражайшею кровью? Не там ли Сам поставил первого епископа, патриарха иерусалимского, Своим наместником, как свидетельствует предание? Не оттуда ли учение Христово распространилось по всему свету от востока до запада солнца и дошло до самого Рима? Чем Рим лучше Иерусалима, и зачем пренебрегают Иерусалимом—матерью всех церквей и обращаются к Риму? Зачем уничтожают Иерусалим и превозносят Рим?.. В Иерусалиме умер Христос ради нас, там воскрес из мертвых, там вознесся на небо, там послал Святого Духа на учеников Своих и апостолов. Там совершилось наше спасение; там Господь оставил и гроб Свой на вечную память. Там оставил после Себя наместником Своим и патриархом Иакова. Чем же Рим лучше Иерусалима? Тут патриарх наместник Иисуса Христа, а там папа наместник святого Петра; здесь наместник Самого Иисуса Христа, а там наместник ученика и слуги Его; тут гроб Иисус Христов, а там гроб Петров. Кто пренебрегает Иерусалимом и наместником Его, тот, подлинно, пренебрегает и Самим Исусом Христом. Почему же будем пренебрегать церковью Божией, матерью нашею и матерью всех церквей? Что видим в ней худого или несовершенного? По благодати Божией нет в церкви нашей никакого заблуждения, не

найдется никакой ереси. Как однажды приняла она члены веры, постановленные и утвержденные на семи вселенских соборах, так и хранит их до сего времени в целости, ничего не прибавляя и не убавляя. Не знаю, кто внушил вашей княжеской милости такое отвращение к ней, или кто отвратил или отвращает от неё вашу княжескую милость? Говорю искренно и правду: на том пребудет вечное неблагословение Божие! Все знаем, милость княжеская, какими страшными условиями в отношении к вере, обязательствами и клятвами обязала вас ваша мать, отходя от сего света. На чью душу падет это? Господь Бог ведает и мы ведаем, что клятва отцовская иссушает, а материнская искореняет, как говорит писание. Какую утеху, какую радость получили и получают все те, которые отступают от древней веры ради суеты этого жалкого света? Разве не видим своими глазами того, что делается (с ними)? Спросил бы я всех их: для чего они отступают от древней греческой веры, для чего пренебрегают ею? Если для мудрости сего света, то мудрость мира сего—буйство у Бога, как говорит апостол. Если ради какого-нибудь заблуждения (в церкви): то, по благодати Божией, никакого заблуждения в церкви Христовой не найдется и не может находиться. Скорее оно может пойтись там, где каждый год что-нибудь новое приложат или отнимут. Если же отступают от веры ради мирской славы, то это дело самое ничтожное. Впрочем, лучшую славу и уважение у

всех имеют те, которые тверды в своей вере, чем те, которые колеблются и не пребывают твердо в ней и не хотят пребывать. Разве не великую славу имели князья Острожские—воевода Киевский и сын его воевода Волынский, на которых многие засматривались? Разве не великую славу имел повсюду блаженной памяти родитель вашей княжеской милости Михаил Корибут? Разве не во всех странах прослыла слава его мужества и доблестей рыцарских? Разве не был он утешением и подпорою для всех правоверных, и не засматривались ли на него все противники? Разве не прославились в Короне польской рыцарскими доблестями предки вашей княжеской милости, начиная от Ольгерда прадеда вашего—великого князя литовского..... Все они были веры греческой, и это нимало не препятствовало, а еще содействовало их славе. Ужели теперь чрез вашу княжескую милость должна прекратиться исконная слава знаменитого дома вашего, великих князей ваших предков, бывших веры греческой? Предки вашей княжеской милости, блаженной памяти отец и мать, были по своему роду веры греческой, а ваша княжеская милость ужели хотите одни от них отлучиться? Не дай Боже, чтобы чрез вашу княжескую милость столь славный дом отступил от веры греческой! Если это для великого братства, то оно в руках Божиих: Господь Бог дает, кому что хочет. А мы просим Господа Бога и всегда должны просить, чтобы не допустил вашей княжеской

милости отступить от древней апостольской веры. Зломыслящие на нас противники наши говорят, что греческая вера есть хлопская: если есть так, как они говорят, то цари греческие и другие великие монархи были хлопской веры; хлопской веры были апостолы, патриархи и святые отцы Восточной церкви, которых мы считаем великими, каковы они и суть. Итак смиренно прошу вашу княжескую милость именем всего христианства, именем всей церкви: не давайте увлекать себя политическим расчётам; вспомните, ваша княжеская милость, блаженной памяти своих родителей, как они были набожны, какого держались богослужения, какой веры, не хлопской, не еретической, не заподозренной. Они имели столько ума, были так сведущи в вещах, но держались, говорю, веры древней, церкви Восточной, апостольской, чистой, не оскверненной и не поврежденной никакими человеческими вымыслами. Почему же ваша княжеская милость не станете наследовать веры предков своих, в которой и вы родились? она ни в чем не может быть заподозрена. Вы обратитесь не до чужой, а до своей матери—церкви Божией. Во имя Божие, всего духовенства, всего христианства, смиренно и слезно просим —не пренебрегайте, ваша княжеская милость, своей веры, в которой вы рождены водою и Духом, но обратитесь к церкви Божией—природной матери своей и утешьте нас всех. И когда ваша княжеская милость восхотите

благочестиво сделать это, то благословение Божие и родительское всегда почивать будет на вашей княжеской милости, и вы утешите всю церковь, все христианство древней веры, и, проведши счастливо и благополучно век свой здесь— на земле, наследуете живот вечный по благодати Божией. Аминь".

15. Совращение некоторых княжеских и дворянских родов в католицизм.

Но гордый князь уже настолько пропитан был иезуитским и польским духом, что не внял смиренному голосу старца-архипастыря. Напротив, увлекаясь тем же духом, он стал злейшим врагом православия, русского народа, особенно козачества. К несчастью, отступничество в среде бывших православных русских князей и дворян продолжало шириться, и обыкновенно тем же путем, как и прежде, т.-е. чрез иезуитское обучение, чрез родственные союзы с польскими родами и вообще увлечение польским духом, польскими нравами, с расчётом притом на королевские милости и почести в польском государстве. С горестью писал митрополит Исаия Копинский московскому патриарху Филарету: „благочестивых князей нет уже у нас; благородных вельмож оскудение; все от Восточного православия на Запад уклонишася; едва кто уже от худых

и неславных при благочестии и православной вере обретается". И здесь опять нужно прибавить, что все западнорусские князья и дворяне, отпадавшие от православия, отпадали не в унию, где еще держались следы народной веры в церковном чине и богослужении, а в польское латинство. Да и латино-польские бискупы и ксендзы по-прежнему забирали себе в свою паству таких знатных и богатых отступников, а унии оставляли мещанство, и то беднейшее, и простолюдье, которое называлось у панов хлопством. Но если унии пришлось оставаться при мещанстве, хлопстве, т.-е. простолюдье, то православие еще и теперь имело не мало верных ему русских князей и дворян. Так в рядах православных видны еще теперь князья Четвертинские, Чарторыйские, Огинские, Соломерецкие, Лузины и др., знатные дворяне Древинские, Гулевичи, Шпаковские, Домашевские, Еиселп, Проскуры-Сущанские, Стеткевичи, Войны, Далманы, Копти, Костюшки и др. Одни из них учреждали новые монастыри и церкви или благотворили прежним, причем обыкновенно приговаривали и заклинали, чтобы эти монастыри и церкви всегда оставались в православии, в послушании православному константинопольскому патриарху или киевскому митрополиту, или же отдавали их в опеку сильнейшим монастырям, каковы Киево-Печерский, Виленский Свято-Духовский. Другие были членами православных братств, покровительствовали их

школам, а также труженикам из просвещенных иноков, трудившихся над изданием церковных и учительных книг на пользу церкви и в защиту православия. Вообще же православные князья и дворяне почти из года в год возвышали голос в защиту православия на своих областных сеймах и на общих сеймах в Варшаве. Следует прибавить, что православные князья и дворяне, хотя уже вынуждены были заносить свои жалобы и просьбы на варшавских сеймах на языке польском, но охраняли и свой родной русский язык, как знамя своей народности, так - что этот язык еще удержался и в судебных записях или книгах так называемого уряда градского и земского и в законах русско-литовских земель, известных под названием „Статута".

1б. Твердость православных братств в борьбе с католицизмом.

Еще тверже стояли на страже православия церковные братства в городах, где они почти всегда состояли при монастырях, имея их в своей обороне и опеке и воспособляясь духовным руководством благочестивых архимандритов, игуменов и иноков. И теперь, как прежде, они заботились об устроении и поддержании самих монастырей и церквей, о школах, типографиях, издании богослужебных и отеческих

книг, имели при себе просвещенных проповедников и учителей, словом и писаниями поучавших народ, обличавших лжеучения папские и униатские и защищавших православную веру. Таковы особенно братства: виленское, львовское, луцкое и киевское. Виленское братство при Свято-Духовском монастыре было опорой православия для всей Северо-Западной Руси, где имело под своей опекой до десяти монастырей и не мало членов из дворянства. Зато и злобились на него гонители православия и причиняли много обид. Вот один из примеров на это. В 1629 г. вечером на праздник Богоявления шло служение в монастыре. Вдруг униатские монахи бывшего насупротив Свято-Троицкого монастыря вместе со своим старшим ксендзом и толпою буянов открыто напали на Свято-Духов монастырь, стреляли и бросали камни в ворота, стены, окна, и на двор монастыря, поранили камнем в голову Слуцкого протопопа Андрея Мужиловского, находившегося здесь для богомолья; не успев ворваться в самый монастырь и произвести здесь разорение, кричали с угрозами, что будут всегда и везде нападать на всяких людей, духовных и светских, старожитной Восточной веры, бесчестить их, бить и убивать. На это тогда же принесли жалобу настоятель Свято-Духова монастыря и ректор братской школы Иосиф Бобрикович и старосты братства князь Ян Огинский и волынский дворянин Древинский, как сами от себя, так и от имени

всех князей, дворян и граждан старожитной Восточной веры. Но жалоба осталась бесплодною. Подобные обиды терпели и другие братства.

17. Петр Могила—попечитель и опекун киевского Богоявленского братства.

Безопаснее было киевское Богоявленское братство, имевшее ближайшую защиту в митрополите, местных дворянах и гражданах, но особенно в козачестве. Согласно завету митрополита Иова, братство при его преемнике Исаии Копинском приобрело мощного покровителя и опекуна в лице Печерского архимандрита Петра Могилы. Этот знатный по происхождению, просвещенный и ревностный по вере духовный муж задумал основать в лавре высшее училище, собрав для сего достойных учителей из Львова и других мест. Но в 1631—1632 годах митрополит Исаия, православные епископы, архимандриты, игумены, протоиереи, иереи и иноки, вписные братья Богоявленского братства, просили Петра Могилу принять звание старшего и опекуна братства и перевести свое лаврское училище в братский монастырь. Об этом еще прежде просили Могилу и все православные дворяне, обыватели киевского воеводства, вписные члены братства. Наконец об этом же просили Могилу гетман Иван Петражицкий, есаулы,

полковники и старшины всего войска запорожского, обещаясь иметь братский монастырь, его училище, богадельню и все, к ним относящееся, под своей защитою и стоять за них до самой смерти. Склоняясь на такие просьбы, Петр Могила принял звание старшего братчика, опекуна братского училища, соединил с ним лаврское училище, перевел сюда учителей, стал благоустроят училище, вводя высшее и многостороннее обучение, добрые порядки, и жертвуя на поддержание и преспеяние монастыря свои средства, помогая ему и из средств богатой лавры. С этой поры киево-братское училище стало еще более возвышаться и славиться на всю Южную и Западную Русь и было сильной подмогою православным в борьбе их за свою веру.

18. Союз козачества с дворянами и братствами в деле защиты веры и русской народности; вопли их к единоверной и единоплеменной Москве; смерть Сигизмунда III.

В деле киевского братства видим, что южнорусское казачество действует для защиты веры и церкви в союзе с дворянами. Так оно действовало не один раз, посылая своих послов на вольные сеймы в Варшаву для ходатайства о правах церкви православной и совместно с послами от

дворян. Но как дворянские, так и козацкие просьбы обыкновенно оказывались напрасными. По обычаю и король и польские паны отделывались отговоркой, что теперь на сейме есть другие спешные дела, а дело православной церкви отлагается до будущего сейма. А между тем польские паны стремились ослабить казачество в Южной Руси, вторгались в нее с польским войском, угнетая и порабощая вольный народ и самих Козаков. Таким образом оказывалось, что ни православные епископы и духовные лица, ни дворяне, ни братства, ни козаки не могут дождаться правды и успокоения от польского короля, польских панов и вообще от Польши.

Оставалась надежда на помощь и защиту от единоверной и единоплеменной Северной Руси и её православного царя. Туда и начали обращаться православные. Счастливым поводом к этому было то, что православная иерархия в Западной Руси была восстановлена тем же патриархом Феофаном, который был в Москве и поставил там патриархом Филарета, отца царя Михаила Фёдоровича. И вот уже митрополит Иов стал посылать просьбы о помощи и защите к царю Михаилу и патриарху Филарету. Писали или сами ходили за тем в Москву и другие владыки, как-то: Исаия Копинский, Исакий Борискович; обращались туда за пособиями для своих монастырей, церквей, школ и православные братства. Уже теперь при подобных сношениях

высказывались тайные желания и надежды, чтобы пока хотя одна Южная Русь перешла под защиту и власть московского православного царя, что этого желает и казачество. В Москве к сердцу принимали жалобы и просьбы православных; царь, патриарх и другие радетели посылали свои пожертвования на нужды православной церкви в Южной и Западной Руси, даже отдаленной галицкой Руси, по просьбам тамошнего львовского братства. Но открыто и прямо подняться на вооруженную защиту Южной и Западной Руси московская Русь еще не могла. Ей самой еще нужно было укрепиться после бывших смут, войн и разорений. Да и в Южной Руси еще не было крепкой мысли и союза на переход под кров единой, единоверной и единоплеменной России. Требовалось на все это время. А потому Южная и Западная Русь должна была пока доискиваться прав своей веры, церкви и народности пред теперешним своим польским правительством. К счастью для неё открылось благоприятное к тому время. Слепой послушник иезуитов, всегдашний пособник униатов и угнетатель православия ради латинства и унии, король Сигизмунд III умер в 1632 году (30 апреля). Вздохнули православные в надежде на облегчение их участи, на восстановление законных прав их.

ГЛАВА III.

Положение православных при Владиславе IV до кончины Петра Могилы.

1. Приготовления православных к варшавскому сейму, имевшему избрать Владислава королем.

До смерти Сигизмунда III начались в Польше и подвластной ей Западной Руси приготовления к избранию нового короля. Таким королем имел быть сын Сигизмунда Владислав IV, но, по польскому обычаю, он мог стать королем только чрез избрание на сейме в Варшаве. По тому же обычаю на сейме ставились условия, на которых могло состояться избрание короля. Хотя это был польский обычай, причинивший Польше много смут и бед, но теперь православные Западной Руси считали благовременным крепко опереться на этот обычай и обратить его в свою пользу. Итак стали они совещаться и списываться между собою с такой единой и общей мыслью, чтобы пред избранием короля на сейме потребовать восстановления нарушенных при прежнем короле прав их православной веры и

русской народности. В таком смысле даны были православными разных городов, областей и сословий инструкции или наказы своим депутатам или послам, отправляемым на избирательный сейм в Варшаву (27 июня). От киевского митрополита и всего духовенства избран был депутатом Киево-Печерский архимандрит Петр Могила, как знатнейший, разумнейший и ревностнейший представитель от духовного сословия. Он сносился с иноками, православными дворянами, с братствами, воодушевляя всех действовать согласно и твердо. Одному знатному пану он писал: „по истине настал час и нам, обиженным, отозваться и добиться своего, чтоб нам по справедливости принадлежит. Сам Бог там, где правда, основа всех добродетелей, а она с нами. Нужны нам только согласие и единодушие... Со всем шляхетским станом мы уже сносимся: наиболее же просим твоего мудрого совета и помощи"...

Волынские дворяне на своем съезде в Луцке избрали депутатами на сейм знаменитого Лаврентия Древинского и князя Юрия Пузыну; в своем наказе им, дворяне, называя себя русским народом, поручают сказать о притеснениях и несправедливостях, причиненных ему при прежнем короле, требовать прекращения их, а прежде всего стараться о том, „чтобы православному митрополиту и епископам возвращены были епархии и церковные владения, отнятые

униатами, и чтобы православная церковь вполне была удовлетворена во всех своих правах, а без того не приступать ни к каким другим делам и к самому избранию короля". Такие же наказы были от дворян и других областей. Послали своих выборных на сейм и козаки, наказывая им добиваться полного успокоения старожитной Восточной веры и расширения своих, стесненных при прежнем короле, прав, как прав и южнорусского народа. Из братств наиболее поусердствовало виленское братство. Оно составило и напечатало целую книгу, заключавшую в себе краткое описание прав, какие в более давние времена даны были литовскими князьями и польскими королями православному русскому народу в Западной Руси, но были нарушены, а также изложение жалоб на обиды и притеснения из - за веры и просьб о том, чтобы сенаторы и послы сеймовые благосклонно приняли эту книгу и оказали справедливость невинно-страждущему русскому народу. Во главе послов от братства был старший его, настоятель Свято-Духова монастыря Иосиф Вобрикович, который наиболее и потрудился в составлении этой превосходной книги. И вот, когда открылся избирательный сейм, то послы православные от всех областей и сословий, оказавшиеся в большом числе, твердо объявили, что доколе не будут удовлетворены их просьбы о правах их веры и о защите от обид и угнетений со стороны униатов, дотоле они не приступят ни

к каким другим делам. Волею - неволею польские сенаторы и послы сеймовые согласились рассмотреть их просьбы, тем более, что этого желал и королевич Владислав, ждавший избрания его в короли.

2. Сеймовая комиссия для рассмотрения жалоб православных; примирительные статьи её.

Итак, для рассмотрения дела между православными и униатами назначена была комиссия из нескольких сенаторов и послов под председательством самого королевича. Православным и униатам предоставлено было устно и письменно защищать свои права пред этой комиссией. В первом заседании, по уполномочивании от православных и с благословения Петра Могилы, первым начал речь православный дворянин Михаил Кропивницкий. он начал ее словами псалма: „сем *день, его же сотвори Господ, возрадуемся и возвеселимся в он*“ (Псал. 17, 24). В речи он, прежде всего, благодарил Бога, вложившего мысль в сердца королевича Владислава, сенаторов и послов выслушать изложение обид и прав стороны угнетенной, а потом благодарил самого королевича, сенаторов и послов за принятый ими на себя труд и покорнейше просил выслушать все внимательно, положить конец обидам, которые доселе терпели православные в Литве

и Польше, возвратить православным митрополиту и епископам их епархии и имения и совершенно успокоить старожитную греческую веру. Затем выступил с речью униатский митрополит Рутский и, защищая свою унию, начал ложью, будто главным виновником её был славный князь Константин Острожский, а затем говорил о насилиях, учиненных православными над униатами, как-то убиении Кунцевича в Витебске, ударах Поцею в Вильне и проч. Из православных отвечали сперва Лаврентий Древинский, а потом Иосиф Бобрикович. Без труда опроверг он ложь о Константине Острожском, напомнив о том, как он ратовал против унии во время Брестского собора, и приведя грамоты и писания князя в защиту православия против унии. О Кунцевиче же сказал так: то правда, что его убили, но за одного убитого жестоко наказаны были сотни, и в том числе многие невинные. Жестоко наказан и бивший Поцея. Так говоря, он уже промолчал о том, что сами же Поцей и Кунцевич своими неистовствами накликали на себя беду. Прочие ссылки Рутского на обиды от православных оказались или не доказанными, или просто лживыми, к великому стыду его. С своей стороны православные могли указать на несравненно более длинный ряд обид и насилий им из-за унии и от униатов. В длинной записке их, прочитанной в комиссии, говорилось об этом так: „у нас еще в 1596 г., тотчас после Брестского собора, который низложил всех владык-

отступников, принявших унию, отняты были архиерейские кафедры и имения, и, не смотря на все наши просьбы в продолжение стольких лет, на неоднократные решения сеймов и обещания короля возвратить нам отнятое, доселе остаются за униатами. Тогда же запрещено было королевскими универсалами пропускать к нам от константинопольского патриарха духовных особ, которые могли бы ставить нам священников. Затем последовали несносные притеснения нашей совести и нарушения наших прав. У нас отняты многие монастыри и церкви, иные доселе запечатаны, и нам не дозволялось молиться Богу даже в шалашах. Тех из нас, кто служил в ратуше, выгоняли из ратуш и лишали права быть их членами; изгоняли из ремесленных цехов и лишали права заниматься торговлей, а в королевских городах нам запрещено даже иметь оседлость. Вследствие таких стеснений по вере, многие младенцы умирали без крещения, а люди взрослые без церковного напутствия“... и проч. Переходя затем к частностям, православные продолжали: „в Киеве церковь св. Софии и другие опустошены, равно как и Выдубицкий монастырь, находящийся во владении униатов. В Луцке церкви обращены в корчмы. В Холме, Львове и других местах запрещено ходить открыто со святыми тайнами к больным и провожать тела умерших христиан до могилы. В Вильне церкви обращены в корчмы, кухни, гостиницы; православных

выгнали из магистрата и цехов, и людей невинных заключали в оковы, сажали в подземные тюрьмы ратуши; если кто отказывал, по духовному завещанию, что-либо на церковь, запрещено было принимать; на шляхетских грунтах, по силе королевской грамоты, не допускали ставить каменную церковь (разумеется Свято-Духовская); приказами из надворных судов и иными позвами людям невинным причиняли всякое беспокойство и наносили им притеснения и обиды разными другими способами. В Минске церковный плац отдали на татарскую мечеть[13]). В Полоцке принуждали к унии оковами, а других выгнали из города. В Турове насильно отобрали церкви с имуществами, и православного владыку (т.-е. грека Авраамия стагопскаго) выгнали из города. В Пинске священников не униатов забивали в бочки и мучили. В Орше, Могилеве, Мстиславле и разных других городах церкви запечатывали и не дозволяли молиться Богу даже в шалашах. В Ковне церковь разграбили и церковные земли отобрали. Монастыри Тройский,

[13] В Минске татары послились в XVI в. в северо-западной части города на землях, отобранных магистратом у православного Свято-Духовского монастыря. Татарский старейшина Салиман в конце XVI в. на месте разрушенной Воскресенской церкви построил татарскую мечеть, которая стояла на территории, отобранной у общины Воскресенской церкви. 26 января 1617 года минский кашталян Пётр Тышкевич подтвердил права мусульман на мечеть и выделенный участок земли.

Лавришевский, Гродненский и другие до крайности опустошены. В Бельске состоялся такой декрет: если кто из мещан не пойдет за процессией из церкви в костел, то будет казнен смертью. В Мяделе люди греческой веры были насильно принуждаемы к унии тамошним старостой и осуждены, подобно арианам, на изгнание из города... На все это есть верные доказательства, хотя и не все в точности расследовано на месте. Что же касается нашего виленского братства, то все причинённые ему обиды и притеснения мы можем перечислить по порядку и подтвердить выписями из книг трибунальных, земских и градских".

Было еще четыре заседания комиссии, где в подмогу Рутскому явился его викарий, униатский епископ Корсак. он уже не говорил ни о Константине Острожском, ни о насилиях униатам от православных, а принялся за другое. Униатам, говорил он, по праву должны принадлежать епископства, монастыри, церкви с их имениями в Западной Руси, потому что уния дело давнее; даже святая Ольга и святой Владимир были в унии, т.-е. в послушании папе; хотя потом она упала, по ее возобновил митрополит Исидор, принявший и принесший в Русь флорентийскую унию; были-де в старину и другие униаты митрополиты еще до Брестского собора; да и прежние литовские князья и польские короли, когда давали грамоты на права русским епископам,

монастырям и вообще православным, то давали это ради унии, которой держались тогда русские. Православным не трудно было сейчас же обличить всю лживость и просто смехотворную нелепость таких ссылок и доводов. Они напомнили, что святая Ольга и святой Владимир приняли веру не из Рима, а с православного Востока, что Исидор, хотя и явился было в Русь со своей унией, но был прогнан с ней из России, что вообще унии не было в течение более пяти веков, а явилась она всего тридцать с небольшим лет, а пред тем во всем русском народе Западной Руси существовала одна православная церковь, которой и давались тогда все великокняжеские и королевские грамоты на епископства, монастыри и церкви с их имениями, что только со времени унии все это стали отнимать у православных, нарушая их права, которые и следует теперь восстановить. Волею-неволею должна была комиссия признать правду за православными. Но, склоняясь к такому признанию, комиссия стала однако же на половине справедливости и поставила разделить епископские кафедры, монастыри и церкви между православными и униатами и тем пока прекратить их споры. Затем кончился и первый предначинательный сейм, и назначен к концу сентября другой сейм, на котором должно было состояться уже самое избрание короля. Между тем решением комиссии остались недовольны и православные и униаты. Православные имели

право быть недовольными, ибо полная справедливость требовала, чтобы им возвращено было все, чтоб насильно захвачено у них. А униаты, уже привыкшие жить неправдою, не желали уступить православным и части того, чтоб у них захватили. Они подняли вопль об обиде им; заголосили в пользу их латино-польские бискупы и некоторые паны; заголосил из Рима и папа, как будто имел он какое-либо право распоряжаться чужим добром в Западной Руси.

Итак обе стороны, и православная и униатская, готовились к новой борьбе на предстоящем сейме. От православных были здесь прежние представители, прибавились и другие. Бурные были споры во время сейма. Кончилось тем, что составлены были так называемые „статьи для успокоения русского народа" или примирения православных и униатов. Этими статьями: 1) признавались права православной веры и народности русской в Западной Руси и Польше, т.-е. что русские православные пользуются такими же правами, как униаты и латиняне; 2) восстановлялись права православной иерархии, т.-е. признавалось за православными право иметь своего митрополита, епископов и прочее духовенство, и свои учреждения на пользу церкви, как братства, школы и др.; 3) киевскому митрополиту возвращался Софийский собор, бывший доселе в руках униатов, и все монастыри и церкви в Киеве и известные монастыри

и церкви в пределах митрополии и епархий, простиравшихся до Вильны, Минска, Слуцка, Гродна пт. д.; 4) предоставлялись православным епископам кафедры львовская, перемышльская, луцкая и могилевская, вновь учреждаемая теперь взамен полоцкой, имевшей остаться за униатами. Униатам оставлялась своя митрополия, также 4 епархии, т.-е. полоцкая, владимиро-волынская, пинская и холмская. Положено было поделить православные монастыри и церкви между православными с тем, что это сделают нарочитые королевские комиссары, и что православные епископы могут ведать духовными делами православных в соседних епархиях, отданных униатам, и обратно—униаты делами своих униатов в православных епархиях, что наконец предоставляется духовным и мирянам тех и других свободно заявлять, к какой стороне они хотят принадлежать.

Королевич Владислав утвердил эти статьи своей подписью (1 ноября 1632 г.) и приказал занести их в актовые книги гор. Варшавы. Сейм пока еще не утвердил этих статей, латинские бискупы и униатские владыки протестовали против них, а последние послали жалобу и папе, но королевич остался при своей доброй воле; и когда затем, при участии православных, состоялось (9 ноября) избрание его королем, то он клятвою подтвердил, что исполнит „статьи успокоения". Все описанное дело имело

величайшую важность для православных. Они торжествовали. После долгой и трудной борьбы, они достигли восстановления, хотя и не в полном объёме, прав своей веры и народности, из коих важнейшим было право иметь свою православную иерархию, признанную правительством. Но так как оно не признало уже бывших у них иерархов, поставленных патриархом Феофаном, потому что они были поставлены без дозволения короля, то православным предстояло избрать и поставить новых. И они немедленно приступили к этому еще в самой Варшаве.

5. *Избрание новых православных епископов; Петр Могила— митрополит киевский.*

Начали избранием киевского митрополита. В избрании его, как верховного архипастыря всей Западной России, участвовали духовные и светские представители из воеводств и поветов: киевского, галицко-русского, волынского, подольского, виленского, троцкого, новогрудского, брестского, минского, пинского, витебского, полоцкого, мстиславского, оршанского и др. Тут-то видно было, как еще много было у православия западнорусской знати из князей и дворян. В акте избрания все они называют себя людьми русского *народа,* веры православной, находящимися в послушании православному константинопольскому патриарху. Высказывая свою

радость, что, после долгого и скорбного времени, восстановлены „нашему русскому народу" древние права и в особенности право иметь своих митрополита и епископов, они продолжают: „избираем тех, кого Сам Господь Бог указал нашим сердцам, как мужей, соединяющих в себе с знатностью происхождения, с высокими добродетелями, благочестием и мудростью— постоянство и ревность по вере православной". На митрополию избран был Петр Могила, как наиболее отличавшийся такими достоинствами и наиболее потрудившийся в деле восстановления прав православной церкви и иерархии. Затем бывшие на сейме местные обыватели предоставляемых православным епископий избрали: Иосифа Бобриковича—кандидатом на епископию могилевскую и Мстиславскую, и князя Александра (в монашестве Афанасия) Пузыну—на епископию луцкую и Острожскую. Впоследствии избран был кандидат и на епископию перемышльскую—Сильвестр Гулевич.

4. Краковский сейм; протест папы против статей примирения.

Между тем в феврале 1633 года открылся новый сейм уже в Кракове, для самого коронования Владислава IV. К этому времени приспели из Рима в Варшаву письма от папы. Он хотел замутить дело. Порицал короля за „статьи

успокоения'', и своему нунцию (послу) и униатскому митрополиту Рутскому приказывал требовать, чтобы они были отменены или не приводились в исполнение. И пошли жаркие и долгие споры. Латиняне и униаты вопили: „мы не можем согласиться на утверждение каких - либо статей без одобрения их папой“. Православные отвечали: „статьи скреплены королем, это уже закон для нас, и слушаем мы не папы, а константинопольского патриарха. Да и наперед знаем, что папа не одобрит этих статей, чего же нам ждать? Мы не приступим ни к чему на сейме, пока эти статьи, данные королем для успокоения нашей веры, не будут утверждены''. И польский сейм, слушая папы и мутителей, не утвердил статей! За то король сдержал свое слово и клятву. Скоро после коронации он дал грамоты всем избранным на право кафедры, утверждая их избрание и прочие права. Через два года, на новом сейме 1635 года, удалось православным, хотя с великими усилиями, добиться того, что статьи были утверждены и сеймом, впрочем, уже с оговорками к выгоде униатов. А латинопольский арцибискуп и униатский митрополит Рутский, ссылаясь на повеления своего папы, опять заявили протест против „статей примирения", присоединяя, что униатские владыки добровольно не отдадут православным захваченных у них церквей и церковных имений, не откажутся от новых захватов, но уступят только там, где будут вынуждены к тому силою. Все это не

предвещало православным спокойствия или близкого конца борьбы их за права своей веры и народности. Но пока они довольствовались тем, чего теперь достигли, и старались воспользоваться полученными правами для лучшего устройства своих церковных дел.

5. Каноническое возведение Петра Могилы, и других избранных кандидатов в архиерейский сан.

Петр Могила, тотчас по утверждении королем избрания его на киевскую митрополию, испросил чрез нарочитого посла требуемую давним обычаем благословенную грамоту от константинопольского патриарха. Затем для принятия архиерейского посвящения он отправился в галицко-русский Львов, где имелся на лицо признаваемый польским правительством архиепископ и патриарший экзарх Иеремия Тиссаровский, и куда прибыли с Петром Могилой и три епископа из посвященных патриархом Феофаном. Радостно приветствовали его православные жители Львова с братством во главе. В братской Успенской церкви, в присутствии членов братства и множества православных из дворян и горожан, совершилось торжество посвящения Петра Могилы в сан епископа, облечённого и властью митрополита. В последующее ближайшее за тем время уже сам он соборно совершал

посвящения и других новоизбранных православных епископов. В начале июля 1633 года митрополит Петр Могила прибыл в престольный город митрополии Киев, где опять встречаем был торжественно, как полноправный архипастырь, оказавший великие услуги церкви в защите её прав пред королем и сеймами в Варшаве. Выразителями благодарности ему от имени всего русского народа явились лавра и коллегия (т.-е. высшее училище) киевского Богоявленского братства. Они выразили ее в двух книгах, напечатанных к приезду митрополита в Киев. Братское училище в своей книге обращалось к архипастырю, между прочим, с такими словами: „ты своим иждивением, своими заботами, своим бодрствованием даровал тишину православному русскому океану, волновавшемуся в продолжение целых столетий, и доказал, яснее полуденного солнца, на избирательном и коронационном сеймах права православной церкви, твёрдые по силе, как алмаз, золотые по своей драгоценности, святые по своей древности. Доказав неправду, которая тяготела над нами столько лет, ты уничтожил ее в прах пред помазанником Божиим... Теперь пожелай только отправиться до Вильны и других городов русского и литовского мира, и увидишь, как встретят тебя радостно те, которыми полны были темницы, полны были ратуши, полны были темничные подземелья за пречистую Восточную веру, как встретят тебя (в Вильне) и проводят до

своего руководителя в терпении, предводителя в благочестии, подобного Златоусту в витийстве, за несколько лет пред сим скончавшегося архимандрита Леонтия Карповича. Увидев нетленные мощи его, увидев болеющих за веру пострадавших, ты почувствуешь, каким великим делом услужил ты несчастному народу нашему. То же самое, верно, подтвердят тебе Перемышль, Луцк, Холм, Бельз, Минск, Брест, Витебск, Могилев и множество других городов".

6. Труды Петра Моими на пользу гонимого православия.

Одним из первых действий митрополита в Киеве было возвращение от униатов захваченных ими здесь церквей и обновление как этих, так и других древних, но запущенных от бывших невзгод церквей и монастырей. Он начал с кафедрального Киево-Софийского собора, который, по изгнании из него униатов, оказался в крайнем разорении. Петр Могила обновил его на свои средства и при пособии благочестивых жертвователей. Не успев сам исполнить эту благую мысль, завещал ее последующим родам. За то, раскапывая развалины бывшей церкви, он открыл драгоценное сокровище—гроб святого Владимира и мощи его (главу). Так оживил он память о великом просветителе России и

начальном восприятии им с Востока христианской православной веры, бывшей в течение веков единою верою всего русского народа. Заботился он об умножении благолепия в богослужении, просвещения, благочестия и благочиния в духовенстве и народе; собрал подле себя сподвижников, особенно из благочестивых и просвещенных иноков в лавре, в Никольском монастыре, в братском училищном монастыре. Трудился он сам, и под его руководством трудились и они в проповеди и школьном учительстве, в исправлении и издании богослужебных книг, в составлении и издании книг учительных, особенно книг в объяснение и защиту учения, обрядов и установлений православной церкви и в обличение латино-униатских клевет на нее и собственных лжеучений противников её. Особенно важно составленное ими и рассмотренное на соборах в Киеве и на Востоке „Православное исповедание веры“. Оно изложено в виде катехизиса в вопросах и ответах, чтобы православные лучше и тверже усвояли значение учения православной веры и могли всегда найти ответ её противникам. По мысли Петра Могилы, сподвижники его описывали жития Киево-Печерских подвижников и святых и чудеса от них в уверение и православным и иноверцам о силе и святости и благодати Божией в православной церкви. Они собирали надписи над гробами погребенных в лавре лиц из западнорусских княжеских и дворянских фамилий, чтобы напомнить о них

потомкам их, неразумно отпадавшим от веры предков. Как первосвятитель всей Западной Руси, Петр Могила созывал церковные соборы для общего совещания о делах церкви, каков особенно собор 1640 года, на котором между прочим рассмотрено было упомянутое „Православное исповедание веры“. Он назидал православное население Западной Руси окружными посланиями, учительными письмами к братствам разных городов, временами и сам посещал города и братства в пределах своей митрополии, повсюду ободряя православных к твердому стоянию за свою веру. По примеру митрополита действовали и епархиальные епископы: созывали соборы из духовенства своих епархий для наставления его, а чрез него и народа, в правилах веры, благочестия и церковного благочиния. Такими подвигами ознаменовали свое служение особенно Афанасий Пузына, епископ луцкий и острожский, и Сильвестр Коссов.

7. Внутреннее благоустройство монастырей и братств при Петре Могиле; просветительная их деятельность.

Перейдя к речи о монастырях и братствах времени Петра Могилы и их участии в борьбе за веру православную, напомнит прежде речь о том самого Петра Могилы и его сотрудников в ответь на клеветы и хулы со стороны одного

дерзкого отступника. Говорили они так: „вместо того, чтобы порицать православных, посмотри лучше на свою братию униатов, что они делают с монастырями и церквами, которые наделены были имениями. Мало ли было фундушей у славного монастыря в Литве *Супрасльскаго?* А теперь до чего он доведен униатами? Там было, когда он находился во впадении православных, до ста или, по меньшей мере, до восьмидесяти человек братии, при архимандрите, кроме певчих, а ныне живет едва несколько монахов. И, что еще хуже, там светский господин владеет церковным имуществом и селами, которыми прежде управлял архимандрит, и чрез своего слугу выдает монахам какое хочет жалованье, а все доходы с нескольких десятков сел обращает на свой пожиток,—и униаты ни мало о том не заботятся. Спроси только в том монастыре: где те древние иконы, которые со всех сторон обиты были серебряными позлащенными досками? И узнаешь, что униаты употребили их на свои прихоти, а в церкви, вместо серебряных, поставили иконы полотняные итальянские. Хорошо меняются с Богом: за позлащенное серебро дают Ему полотно малеванное! Посмотри на монастырь *Лавришевский,* который с давних времен богато наделен был имениями, и где, под нашим управлением, жило несколько десятков иноков и каждый день славилось имя Божие. Ныне он стоит пустой; в нем не живет ни одного человека. Посмотри на

монастырь *Новогродский,* к которому отчислили села и имения лавришовские: несомненно, там не найдешь больше четырех или пяти иноков, а в церкви этого монастыря, которая есть кафедральная митрополичья, увидишь бумажные иконы. Посмотри на монастырь *Черейский,* где, под нашим управлением, обитало несколько десятков иноков, а теперь едва ли найдешь там десяток. Посмотри на монастырь, названный *Лещ* (Лещинский): там увидишь едва одного монаха, а иногда и одного не бывает. Посмотри на монастыри *Онуфргевский* и *Пустынский-,* увидишь, что, где прежде жило несколько десятков православных иноков, там живет ныне особняком один Корсак. А сколько у тех двух монастырей крестьян? Опускаю иные, меньшие монастыри в Литве, которые вашею унией до основания ниспровергнуты. Пойди еще на Волынь и спроси, что деется в старожитном *Жидичинском* монастыре, много ли живет там иноков, что там за чин. Посмотри на старожитный монастырь *Дорогобужский:* не одного ли только архимандрита с послушником увидишь ты там? И скажи, что за богослужение отправляется теперь там, где прежде, при нашем управлении, бывало, по крайней мере, до двадцати иноков с архимандритом. Посмотри и на мирские церкви, из которых иные наделены были богатым имуществом, а иные скудным: до чего доведения они под управлением ваших униатов? Пойди только в Вильну и спроси: кто

теперь живет на том месте, где построена была церковь *св. Параскевы мученицы?* Тебе укажут, что там стоит теперь корчма и дом позорный. Пойди в Минск и спроси: на каком месте стоит мечеть татарская? Ты узнаешь, что—на том месте, где прежде была церковь во имя *Рождества Господа нашего Иисуса Христа...* Так-то униатская ревность о благочестии умножает славу Божию на Руси! Взгляни же теперь здравыми, беспристрастными очами на наши убогие православные монастыри, не имеющие фундушей, утесняемые различными бедствиями и нуждою. Посмотри в земле киевской (не упоминаю о монастырях, имеющих фундуши) на монастырь *Межигорский:* там более полутораста иноков живет в общине, питаясь трудами рук своих, по примеру великого Антония пустынножителя. Посмотри за Днепр, и там увидишь монастыри *Мгарский* и *Густенский* (о меньших монастырях не упоминаю), в которых братия благочестиво проводят жизнь свою в общине и в тесноте. Посмотри на монастырь *Тригорский,* также общежительный, и там найдешь до семидесяти иноков, пребывающих в великом смирении и тесноте. Иди на Покутье в Скит (т.-е. скитский монастырь): там найдешь до двухсот ангелов во плоти, живущих вместе и подражающих житию древних пустынников. Посмотри на монастырь *Креховский* под Львовом, и там увидишь, как и в Скиту, несколько десятков иноков, благочестиво живущих без всяких фундушей.

Посмотри еще на Белую Русь: там, под Оршей, в *Кутеинском монастыре* найдешь до двухсот братий, точно также подражающих в теле житию ангельскому. То же увидишь и в монастыре *Буйницком;* не упоминаю о многих других. Посмотри еще и на православные братства: виленское, львовское, киевское, луцкое и многие другие в Короне и в Литве: как они, по благодати Божией, процветают в строгом благочестии! И согласись, волею или неволею, что, как было во времена апостольские, среди бедствий и всяких притеснений, и во времена гонения, так деется ныне и у нас, православных русских: сила Божия в немощах совершается.

Справедливо митрополит Петр Могила похвалял, как сейчас мы видели, ревность по вере и благочестию западнорусских братств его времени. Опираясь на состоявшееся на сеймах 1632—1633 годов, благодаря усилиям Петра Могилы и его сподвижников, признание прав православной церкви, братства приободрились. Они старались укрепить за собой эти права, как неразлучные с правами церкви православной, для блага и защиты которой они трудились. С этою целью они испрашивали от короля грамоты на право иметь свои церкви, монастыри, строить новые, содержать школы, типографии, богадельни и т. д., и все это делали. И теперь, как прежде, славились такою деятельностью старейшие братства: виленское Свято-Духовское,

львовское Успенское, потом киевское Богоявленское, наиболее подвизавшееся под опекою митрополита Петра Могилы в деле образования и науки на пользу и защиту церкви православной, также братства могилевское Спасское, бельское Богоявленское, луцкое Крестовоздвиженское. Ободряемые примером этих братств, жители других городов основали у себя новые братства, каковы, паприм., пинское Богоявленское и кременецкое Богоявленское с монастырями при них. Теперь, как и прежде, братства имели своих союзников и сочленов в среде дворян, оставшихся верными православию. Здесь еще раз упомянем о знаменитом ревнителе православия, знатном волынском дворянине Лаврентии Древинском, который в течение почти сорока лет, начиная с Брестского собора 1596 года, подвизался на защиту веры православной и народности русской, и подвиги свои, в последние годы жизни, увенчал содействием к основанию братства в Кременце с церковью и монастырем, школою и типографией при том, получив на все это благословение от митрополита Петра Могилы. На Волыни славились своей верностью православию и союзом с братствами князья Пузыны, Четвертинские, дворяне Булевичи и другие. В Белоруссии, в пределах могилевской епархии, прославились тем же особенно дворяне Огинские и Стеткевичи, основавшие вместе со своей роднёй несколько общежительных монастырей, как Богоявленский в Могилеве,

Кутеинский, Баркалабский и Буйницкий. Они же, как и некоторые другие, были союзниками и помощниками виленского Свято-Духовского братства. Было еще не мало дворян, у которых верность и усердие православию сказывалось делами ктиторства и союзничества с братством. Но, к сожалению, ряды таких дворян продолжали редеть, о чем впрочем будет речь ниже. А здесь докончим речь о братствах времени Петра Могилы. Братства и теперь, как прежде, старались скрепить союз между собою, при чем старшие служили примером младшим в уставах, порядках и учреждениях, уделяли им достойных лиц на игуменства и архимандритства в братских монастырях; а некоторые из братских монастырей имели даже в своем послушании и опеке другие монастыри. Особенно известен этим был теперь Виленский Свято-Духовский монастырь, в послушании которого считались монастыри Петропавловский в Минске, Евсиский в воеводстве Троцком, Цеперский и Сновский в воеводстве новогрудском, Новодворский и Купятицкий в пинском уезде, Силецкий в воеводстве минском и др. Это послушание отнюдь не исключало общей иерархической власти митрополита и епархиальных владык, ибо братства, в том числе и старейшие, теперь более, чем прежде, дорожили восстановленною в своих правах иерархическою властью церкви, а такой сильный и всеми высокочтимый первоиерарх, как Петр Могила, твердо внушал братствам

как своей митрополичьей епархии, так и других епархий, оказывать должное, требуемое канонами, послушание иерархической власти. И братства внимали его властному голосу, чувствуя, что союз братств между собою укрепляется союзом послушания общей иерархической власти, и что все это служит к укреплению сил церкви православной в её борьбе с противниками.

8. Заботы Петра Могилы об окончательном утверждении «статей примирения»; двоедушие Владислава IV.

Борьба эта, как уже сказано, не прекращалась и после восстановления прав православной церкви, состоявшегося на сеймах 1632—1633 годов и утверждённого королем Владиславом IV под названием „статей примирения". Сами статьи эти требовали нового подтверждения, в виду сопротивления им со стороны униатских владык и латино-польских бискупов, занесших свои жалобы в Рим к папе, откуда поэтому ожидался еще ответ. И вот, когда приближался новый сейм 1635 года, православные стали опять сноситься между собой и собираться с силами, чтобы отстаивать то, чего достигли на прежних сеймах. И теперь, как прежде, призывал их на такой подвиг митрополит Петр Могила. Он обратился к братствам с призывной гранатой, в

которой говорил так: „Не тайны для вас, думаем, наши труды и издержки, которые мы охотно понесли, не без пособия от всего благочестивого народа, для блага церкви Божией и успокоения всего православия, на двух прошлых сеймах во время междуцарствия и на третьем, во время счастливой коронации нашего милостивого короля. Вы теперь утешаетесь, что имеете в нас своего пастыря у привилегированного, равно и других боголюбивых епископов, которые внимательно, ревностно, деятельно заботятся о душах ваших. Дай Бог, чтобы и на приближающемся сейме мы сумели отстоять наши права,—и тогда настанут для нашего народа российского давние утехи. Но, истощив до великого убожества, в три первые наши экспедиции на сеймы, и наши собственные, отцовские достатки, и средства нашего монастыря, тем более, что на эти средства реставрируем и церковь святой Софии, нашу митрополитанскую, которая вся было опала, мы усердно просим вас не только о том, чтобы вы явились на сейм, но и о том, чтобы вы оказали нам вспомоществование, как для нашего путешествия на сейм, так и для обновления нашей кафедральной митрополитанской церкви“.

Подвиг митрополита Петра Могилы увенчался успехом, хотя и не полным. В феврале 1635 года „статьи примирения" утверждены сеймом; но когда затем пришлось выдавать грамоты на

них, то король издал грамоту прежде в пользу униатов (14-го марта) и уже потом (18-го марта) в пользу православных, причем в первой грамоте оказались прибавки в угоду униатам и в обиду православным. Так наприм., король говорит, что он утверждает статьи примирения не для того, чтобы утвердить права схизмы (т.-е. православия), а для общественного блага, что остается более благосклонным к униатской церкви, как соединенной с римской; в частности король, вопреки обещанию, что церкви по городам и епархиям будут распределены между униатами и православными соразмерно числу их, запретил православным иметь свои церкви в Витебске, Полоцке, Новогрудке, хотя здесь было еще много православных. Так поступил король потому, что боялся польских бискупов, панов и папы. И боялся он не напрасно. Тогда как православные удовольствовались тем, что получили, терпеливо снеся обиду, униаты и латино-польские союзники их заявили, что они и теперь не соглашаются на статьи примирения и будут еще ждать, одобрит ли их папа. Конечно, одобрения от папы нельзя было ожидать, и потому утверждение статей примирения не могло принести мира. Задумал король достичь его другим способом. Предложил он православным и униатам сообща поставить для всей Западно-Русской церкви патриарха, подобно тому, как поставлен был (1589 г.) патриарх в Москве для России Северной. Расчёт был тот, что чрез поставление

патриарха разорвется в православных Западной Руси союз послушания с константинопольским патриархом, за который стояли православные именно ради сохранения православия и независимости от иноверной власти. Рассчитывалось и на то, что удастся провести в патриархи Западной Руси такого человека, который втайне обещает стать униатом и затем объявит себя им, когда достигнет патриаршества. В эти лукавые расчёты входил и папа, надеясь, может быть, что и сам митрополит Петр Могила захочет быть патриархом, согласись притом признать унию и власть папы. С этою целью он в письмах к разным знатным лицам в Западной Руси расточал похвалы Петру Могиле, а потом писал льстивые письма и ему самому. Но вся эта затея кончилась ничем. Петр Могила, православные епископы и другие с ними остались верными православию и союзу с константинопольским патриархом, выражавшемуся и в том, что митрополит Петр Могила назывался также экзархом патриаршего константинопольского престола в знак своей иерархической полноправности в пределах всей Западно-Русской церкви.

9. Жалобы Петра Могилы -на чинимые православным насилия и обиды.

За то, как сам митрополит Петр Могила, так и другие православные епископы и паствы их

продолжали испытывать обиды и гонения от униатов и латинян. От времени до времени им приходилось хлопотать в защиту своих прав на сеймах в Варшаве. Чего стоили поездки на сейм и хлопоты на нем, можно видеть наприм. из следующего письма Петра Могилы к членам минского братства, писанного в 1640 году пред поездкой на сейм: „в виду новых гонений на православную церковь, я приготовился ехать на сейм и готов отдать последнее мое здоровье на услугу вам, если вы меня поддержите. Не безызвестно вам, сколько потрудился я на прежних сеймах для нужд церкви, и как издержался: все сокровища моих предков - господарей на то пошли, и у меня не осталось ничего из золота и серебра и драгоценностей отцовских; а монастырские имения все истощены и опустошены во время недавних войн и набегов татарских. Прошу вас сделать складчину и прислать мне помощь в Варшаву; без поддержки от вас я, показавшись в Варшаве, тотчас должен был бы воротиться назад, ничего не достигнув. Обещаю вам приложить всякое старание и докучать послам, чтобы они исходатайствовали всем нам успокоение". Чрез год, на сейме 1641 года, действительно состоялось постановление в ограждение прав церкви православной. Но униатский митрополит и некоторые польские бискупы и сенаторы заявили свой протест против этого, что уже ослабляло надежду на исполнение постановления. Так шло дело и далее, и Петр Могила

до конца жизни не свободен был от печали видеть насилия и посягательства на веру и народность русскую со стороны латинян-униатов. Перечислять такие насилия и посягательства на всем пространстве Западной Руси было бы долго. Приведем лишь несколько примеров на это, начиная с Киева. Здесь во время Петра Могилы был воеводою Ян Тышкевич, потомок русского православного рода, но теперь ярый поляк и католик. И вот что писал в 1640 году о нем Петр Могила минскому православному братству: „Я терплю всякое преследование от папа воеводы; в Киеве вновь начали чинить над нами насилия и проливать кровь. Досадуя, что в моем коллегиуме обучается великое множество (громада) молодежи русской, и опасаясь, что юноши эти, изучив науки, могут показать правду всему свету и могущественно оборонять святую церковь, воевода приказал своему замковому наместнику взвести клевету на какого-либо студента в важном преступлении, чтобы студенты, устрашившись, все разбежались по другим училищам, в которых прежде учились. И вот, в первый понедельник великого поста, когда студент Федор Гоголевский шел через площадь, его схватили и повлекли в замок. Там слуга наместника Сёпач удостоверял, будто ночью, когда он с другими находился в корчме, студенты сделали нападение на дом и кого-то ранили. Наместник, вместо того, чтобы произвести расследование, приказал тотчас студента

обезглавить,—и это случилось в мое отсутствие из Киева".

10. Иезуиты, и латинские монахи в Киеве; преследование православных в Луцке, Белске, Парнове и других местах; подвиг мужества брестского игумена Афанасия Карповича.

В Киеве в это время уже успели осесть латинские монахи доминикане и бернардины, имевшие свои два монастыря на Подоле. Соблазнять православных им не удавалось. И вот Ян Тышкевич вызвал сюда из Кракова более искусных соблазнителей—иезуитов. Один из них, слывший между своими великим ученым, тотчас принялся в проповедях говорить против учения православной церкви о том, что Святой Дух исходит от Отца, как-то учит и Сам Спаситель в Евангелии (Иоан. 15, 26). Но ректор братского училища (Иннокентий Гизель) не побоялся учености иезуита, вызвал его на богословскую беседу и обличил папское лжеучение. Тогда иезуиты, при помощи Тышкевича, завели свое училище в Киеве, чтобы переманивать в него учеников из братского училища. Но не долго пришлось продержаться иезуитам в Киеве, как увидим ниже.

За то в других местах, где иезуиты засели и укрепились ранее, не было меры дерзостям их

и их школьников. Вот пример. На Волыни, в городе Луцке, 24 мая 1634 года, совершалась по городу латинская процессия со святыми дарами, по случаю праздника тела Господня. Процессия миновала уже Крестовоздвиженский монастырь луцкого православного братства, как вдруг до двенадцати иезуитов луцкой иезуитской коллегии, а с ними множество слуг и разных городских ремесленников, всего около ста человек, с саблями, кортиками, ружьями, иные же с кольями и камнями, ворвались во двор православного монастыря под тем предлогом, будто бы в монастыре не производилось тогда колокольного звона. Одни бросились на колокольню и начали звонить и кричать неистово, чем привлекли новые толпы народа. Другие вторглись в церковь, опрокинули в ней подсвечники, посрывали завесы, ковры и проч. Еще иные устремились на училище, на богадельню, на братские кельи, и били, рубили, увечили бедных мальчиков-учеников, богадельных старцев и старух, монахов и всех, кто попадался; самому игумену Исаакию нанесли удары камнями и кирпичами по руке, спине и шее; учителю Босынскому отрубили палец на правой руке; многим побили головы, выбили зубы и глаза и проч. Потом разбили два сундука с деньгами, один богадельный, другой церковный, и похитили деньги; повыбили окна в церкви, училище, богадельне, повыломали двери и сломали гонтовую крышу на ограде. Спустя четыре дня, 28-го мая, они снова

собрались, вооруженные, и сперва напали на дом одного православного, Николая Лихновича, ни в чем неповинного, и заставили его спасаться бегством; потом, расхаживая по улицам, хватали всякого попадавшегося русского, били его и секли; а в сумерки схватили дворянина Ивана Ломинского, служившего при луцком православном епископе Афанасии Пузыне, и пред квартирой ксендза Ласского, с его благословения, и пред глазами его и многих других людей, несколько раз принимались бить палками и мучить этого дворянина, пока не убили совершенно. Православный епископ от себя, и его родичи князья Георгий и Михаил Пузины от имени всех местных православных дворян, занесли на все это жалобы в городской уряд. Назначенные урядом следователи (возные) подтвердили справедливость жалоб. Но был ли и чем кончился суд над виновными, осталось неизвестным.

А вот что было в городе Дрогичине (Гродненской губернии). Здесь православным предоставлены были три церкви. Но местный староста Лешневольский отнял у них эти церкви, выгнал всех трех православных священников из города, лишив их имущества, а мещан православных преследовал разными притеснениями, побоями, тюремным заключением. Король, получив жалобу об этом, не похвалил старшины, приказал возвратить церкви и имущества православным

и не притеснять их. Но королевские приказы плохо исполнялись своевольными панами. Тяжко было православным и в городе Бельске (Гродненской губернии), который, как и Дрогичин, числился тогда в епархии православного луцкого епископа Афанасия Пузыны. Сперва униаты пытались принудить здешних православных священников к унии. Не успев в этом, они пригласили польского ротмистра Яна Сокола, имевшего при себе свыше ста человек пехоты, напали вооруженной силой сперва на Богоявленскую церковь, потом на Николаевскую и Воскресенскую, овладели ими, отняли их у православных и запечатали своими печатями, и при этом бесчестили православных, иных избили, других ранили оружием, а наместника о. Паисия взяли под стражу, дергали за бороду, заключили в оковы. Все это подтвердил на суде коронный возный, бывший очевидцем случившегося, вместе с двумя дворянами. Церкви православным были возвращены в Бельске, но притеснения от униатов не прекращались. В 1644 г., 9-го января, священник Николаевской церкви, иеромонах Никодим Федорович, принес жалобу на униатского Троицкого священника Ивана Малишевского, что он издавна преследует православных, отнимает у них скот, подвергает аресту тела их умерших, нападает на их священников среди улицы, и недавно отнял у одного серебряный крест, и что на днях, когда приносящий жалобу возвращался от больного со

святыми дарами домой, Малишевский, вместе со другими своевольными людьми, заступил ему дорогу на улице, поносил его всякими бесчестными словами, бил, таскал по земле за волосы, давил его коленами, стащил с него епитрахиль и иноческое одеяние, отнял у него потир с лжицей и воздухами, во время побоев пролил на землю из потира непотребленные больным частицы тела и крови Христовой, и все отнятое взял себе. Справедливость и этой жалобы подтвердил возный с двумя дворянами свидетелями. Еще не раз повторялись подобные насилия над православными в Бельске. В городе Холме и Холмском крае гонителем православных был особенно униатский владыка Мефодий Терлецкий, человек ученый, но злой изувер, в роде Иосафата Кунцевича. Когда, на основании „статей примирения", прибыли в Холм королевские комиссары, чтобы разделить церкви между православными и униатами, то оказалось, что православных в Холме и Холмском крае больше, чем униатов, следовательно первым следовало по правде оставить и больше церквей. Но Терлецкий не согласился уступить им ни одной церкви в Холме, и когда комиссары заняли силою церковь Успенскую в предместий города и передали ее православным города, то епископ поспешил туда с толпой своих священников, шляхты и народа, и отнял церковь у неунитов, резко порицая комиссаров. Православные решились соорудить себе новую церковь на

купленной ими площади, свезли строительные материалы и приступили к работе: епископ велел забрать весь этот материал к своей соборной церкви, а площадь отдал на странноприимный дом. Православные, естественно, оказали сопротивление, добивались воротить себе отнятое: Мефодий обвинил их, как бунтовщиков, и своими судебными преследованиями довел до того, что несчастные принуждены были покориться ему и клятвенно отречься от схизмы за себя и за своих потомков. То же повторилось и в других городах и местечках: Красноставе, Парчове, Острове, Тышове, Грубешовке, Сокале, Люблине, Пуске. Везде комиссары только силой могли отбирать от униатов некоторые церкви и передавали неунитам, и везде епископ также силой отнимал эти церкви у православных. И как только последние, выведенные из терпения, восставали, чтобы возвратить себе отнятое, он преследовал их судом, как возмутителей, а суды подвергали их самым тяжким приговорам: одних присуждали к обезглавливанию, других к сечению розгами у позорного столба, третьих к отсечению рук, к конфискации имуществ и под. Несчастные, в виду таких приговоров, невольно смирялись, просили прощения у епископа, а он требовал от них отречения от православия и клятвенного обязательства быть униатами, и прощал. Можно было бы привести еще много примеров подобных насилий православным от латинян и униатов в разных местах Западной

Руси. Но оставим их и покончим на этот раз рассказом об одном подвижнике и страдальце за православие Афанасии Филипповиче. Он происходил из почтенной и зажиточной русской семьи; в молодости он получил хорошее образование, пройдя тогдашние русско-церковные науки, имел познания в языках русском, польском и латинском, так что мог обучать им и других. Движимый благочестием, Афанасий (в 1627 году) принял монашество в виленском Свято-Духовом монастыре, потом проходил иноческие послушания в Кутеинском монастыре в Белоруссии, Межигорском близ Киева. Искренний подвижник и ревнитель православия был затем поставлен в наместники Дубойской обители близ гор. Пинска, угрожаемой напастями от врагов православия. В 1636 году, по распоряжению канцлера Радзивилла, обитель насильно взята и отдана иезуитам, а православные изгнаны из неё. Тогда Афанасий перешел в наместники в недалекий отсюда Купятицкий монастырь, где была ветхая церковь, но славилась чудотворной Купятицкой иконой Божией Матери, к которой Афанасий возымел особенное благоговение. И здесь не было покоя от папистов и униатов. Ревнитель веры, он возымел благую мысль помочь монастырю и церкви и предпринял странствия в Белоруссию, а оттуда в Москву, для собирания милостыни на это. Много трудностей и невзгод испытал он в своих странствиях, но укреплял себя усердно молитвой, упованием на милость

Божию и покров Божией Матери. В Москве он представил царю Михаилу Федоровичу о своей печальной судьбе, о бедствиях православия, но и о своем уповании на покров Пресвятой Богородицы. Возвратясь из Москвы в свой монастырь с собранной милостыней, он вскоре призван был на игуменство в брестский православный монастырь, при котором существовало некогда и православное братство, по уже вытесненное униатскими владыками. И вот, задумал ревнитель ходатайствовать пред королем в Варшаве о грамоте на восстановление православного братства при монастыре с школой и богадельней. Король дал грамоту, но польский канцлер и подканцлер не захотели приложить к ней печати, без чего, по польскому обычаю, грамота не могла иметь своей силы. Афанасий не упадал духом. Он укреплял себя подвигом благочестия, укреплял и монастырскую братию, убеждая вместе с тем не соблазняться лжеучениями и наветами от врагов и пребывать твердыми в православии. Сам он дни и ночи проводил в молитве, а каждую субботу читал акафист Божией Матери. В заботливости о монастыре и братстве он вторично отправился в Варшаву просить о приложении печати, но, не видя успеха и вообще насмотревшись на неправды униатов и латинян, явился на сейм пред королем со списком чудотворной Купятицкой иконы Божией Матери и сказал: „представляю вашему величеству сей чудотворный образ для того, чтобы была искоренена уния;

если унию искорените, а православную веру успокоите, то поживёте счастливые лета; а если нет, то постигнет вас гнев Божий. Выбирайте себе, что хотите, пока есть время “. За это он был взят, содержался в заключении и потом отправлен в Киев к митрополиту Петру Могиле. Митрополит не одобрил горячности ревнителя, но потом утешил и отправил на то же игуменство в Брест, наказывая пылкому ревнителю быть осторожнее. Он готов был послушаться своего архипастыря, но его вывели из терпения новые насилия врагов православной веры. Иезуитские школьники и униатские ксендзы несколько раз нападали на его монастырь, преследовали самого Афанасия на улицах, били и запрещали ходить со святыней. А когда однажды Афанасий послал своих монахов с какими-то вещами в Купятицкий монастырь, то на пути в гор. Кобрин схватил их униатский архимандрит, отнял у них копей и все имущество, у священника отрезал бороду, а диакона, ограбив донага, нагим и прогнал. Афанасий съездил в Краков с жалобою на это; но едва возвратился оттуда домой, как взят уже был в Варшаву, заключен в тюрьму за выдуманную вину и пробыл более года. Из тюрьмы он не раз посылал свои записки с сильными и смелыми обличениями, а порой с просьбами об успокоении православия. Когда взведенная на него вина оказалась напраслиной, он был отпущен в Киев, а оттуда опять отправлен был в Брест на свое игуменство. Но здесь скоро опять

схватили его и заключили в тюрьму, судили, требуя, чтобы перестал обличать и проклинать унию, но он не перестал, за что подвергнут жестоким пыткам, жжен огнём, но не отрекся от православной веры, как того требовали от него. Так святой исповедник вкусил и мученическую смерть 5-го сентября 1648 года. Но пред кончиною он в духе предвидения сказал: „конечно, отступники от святой веры, надменные ложной мудростью, еще не малое время будут преследовать исповедников истины небесной; но будет время, когда в Бресте и во всей стране процветет православие, и слава его уже не померкнет и козни отступников останутся бессильны''. То были пророчески-вещательные слова! Знаменательна в них сила веры в непоколебимость и будущее торжество православия во всей Западной Руси. С такою верой умирали и другие поборники православия в Южной и Западной Руси.

11. Завещание Петра Могилы.

Ярко светилась эта вера в душе и главного поборника его, каким был митрополит Петр Могила. Видится свет её и в его духовном завещании, которое он составил за несколько дней до кончины. Здесь он говорил о своей любви и непоколебимой преданности святой православной вере, в которой он родился, взрос, воспитан,

провел всю жизнь, и в которой теперь чает стать пред престолом Божиим. С молитвенным благодарением исповедует милость Божию, даровавшую ему много потрудиться для защиты православной русской церкви и русского народа, для восстановления храмов Божиих, для просвещения во благо церкви русской. С особенной любовью говорил он о своей братской школе, с утешением свидетельствовал, что из неё вышло много людей ученых и благочестивых. Веруя, что его труды и жертвы для церкви не пропадут и в будущем, он все свое родовое и приобретенное имущество завещал на храм Божий и на школу. Знатных русских людей из князей и дворян он Божиим милосердием умолял иметь попечение о его школе, о учащей братии, заповедал трудиться для неё, всех же просил молиться о нем по его кончине (| 31-го декабря 1646 года). Не напрасно знаменитый святитель, вверяя свое училище покровительству верных православию и русской народности западно-русских князей и дворян, выразился, что умоляет их о том Божиим именем, Божиим милосердием. Со скорбью видел он, что таких дворян оставалось уже меньшинство, а большинство дворян уже отпало от праотеческой веры и народности, окатоличились и ополячились. Но, как гласит предание, он уже предвидел, что на борьбу за эту веру и народность поднимется новая великая сила из среды южно-русского народа в лице козачества, и эта сила, по воле Промысла Божия, приведет

народ Южной, потом и Западной Руси к союзу с единоплеменным и единоверным народом всей великой России под мощную власть её православных царей.

ГЛАВА IV.

Подъём южнорусского народа на борьбу за свою веру и народность и присоединение Малороссии к Великой России.

1.Успехи римского католичества в среде западнорусского дворянства.

В течение 50-летия со времени Брестского собора западнорусское дворянство в значительнейшей части своей уже переродилось в польское шляхетство. Еще до конца этого 50-летия один иностранец (французский инженер Боплан), служивший в Польше, бывавший и в подвластной ей Руси, говорил: „Дворянство русское походит на польское и стыдится исповедовать иную веру, кроме римско-католической, которая с каждым днем приобретает себе новых приверженцев, не смотря на то, что все вельможи и князья ведут свой род от русских". Католичились и полячились западнорусские вельможи и дворяне, увлекаясь мнимою прелестью польских вольностей, желанием быть в милости у королей, блистать при польском дворе и на польских сеймах, приобретать видные и доходные

места службы, избавиться от неприязни к ним и насмешек над ними польских панов, бискупов и ксендзов и запекать похвалы от них. Полячились целые фамилии русские чрез браки с польскими фамилиями, ибо жены их польки, по внушению ксендзов, всегда старались ополячить если не мужа, то детей. Еще больше на перерождение русского дворянства действовало воспитание. Многие из западнорусской молодежи учились в польских римско-католических школах и заграницей, на Западе; и там, большей частью, они попадали в руки иезуитов, а возвратясь оттуда, относились уже с пренебрежением к своей вере и народности и становились римско-католиками и поляками. Многие молодые и взрослые, живя и на родине, подпадали внушениям польских иезуитов и др. ксендзов, начинали стыдиться своего бедного и угнетённого русского духовенства, своего единоверия с простым русским народом и затем уже легко отпадали от своей веры и народности, латинились и полячились. Перерождаясь в латино-польское шляхетство, бывшее западнорусское дворянство не замедлило усвоить и его дурные нравы и обычаи. А какие были эти нравы и обычаи, о том знаем от многих свидетелей, в числе их и от самих польских писателей.

2. Бедственное, положение крестьян от гнета панов и польских жолнеров.

Польские паны имели тогда неограниченное право над своими крестьянами, которых называли подданными, хлопами и всячески угнетали. Один из польских же ксендзов (иезуит Скарга) говорил о том так: „Нет государства, где бы подданные и земледельцы были так угнетены, как у нас под беспредельной властью шляхты. Разгневанный земянин (владелец) или королевский староста не только отнимет у бедного хлопа все, что у него есть, но и самого убьет, когда захочет и как захочет, и за то ни от кого слова дурного не потерпит". Между польским панством завелась тогда чрезмерная роскошь, мотовство, кутежи, что все требовало огромных издержек. „Никто у нас, говорил один из более правдивых польских писателей, Старовольский, не хочет жить трудом, всяк норовит захватить чужое; легко достается оно, легко и спускается; всяк только о том думает, чтобы поразмашистее покутить; заработки убогих людей, содранные с их слезами, иногда со шкурою, истребляют они, как гарпии или саранча: одна особа съедает в один день столько, сколько множество бедняков заработают в долгое время, все идет в дырявый мешок—брюхо. Смеются над поляками, что у них пух верно имеет такое свойство, что на нем могут спать спокойно" (не мучась совестью). Он же говорит: „от сенатора до шляхтича все

проживают свое состояние, потом входят в неоплатные долги". К тому же паны содержали при дворах своих толпы шляхтичей, которые существовали на счет господ и вовсе ничего не делали. Точно также и знатная панья окружала себя толпою шляхтенок. Таких дармоедов в ином доме было по несколько тысяч. Все это падало на крестьянский класс.

„Крестьяне в Польше, говорит современник, мучаются, как в чистилище, в то время, когда господа их блаженствуют, как в раю". Кроме обыкновенной панщины, зависевшей от произвола пана, „хлоп" был обременен различными работами. Помещик брал у него в дворовую службу детей, не облегчая повинностей семейства; сверх того крестьянин был обложен поборами: три раза в год, перед пасхою, пятидесятницею и рождеством он должен был давать так - называемый *осыпь,* т.-е. несколько четвериков хлебного зерна, несколько пар каплунов, кур, гусей; со всего имущества: с быков, лошадей, свиней, овец, меда и плодов, должен был отдавать десятую часть, и, кроме того, каждый улей в его пчельнике был подвергнут пошлине под именем *очкового,* каждый вол—пошлине под названием *рогового;* за право ловить рыбу платил он *ставщину,* за право пасти скот—*опасное,* за право собирать жёлуди—*жолудное,* за ловлю рыбы и зверей—*десятину,* за измол муки — *сухомельщину,* и т. под. Крестьянам не

дозволялось не только приготовлять у себя в домах напитки, но даже покупать в ином месте, кроме панской корчмы, отданной обыкновенно жиду в аренду, а там продавали хлопам такое пиво, мед или горилку, что и скот пить не станет; „а если, говорит Старовольский, хлоп не захочет отравляться этой бурдой, то пан велит нести ее к нему во двор, а там хоть в навоз выливай, а заплати за нее". Случится у пана какая-нибудь радость—подданным его печаль: надобно давать поздравительное; если пан владеет местечком, торговцы должны были в таком случае нести ему материи, мясники—мясо, корчмари—напитки; по деревням хлопы должны были давать „стацию" его гайдукам и козакам. Едет ли пан на сеймик или на богомолье в Ченстохово, или на свадьбу к соседу—на его подданных налагалась всегда какая-нибудь новая тягость. Куда ни проедет пан со своим своевольным оршаком (свитою), там истинное наказание для бедного хлопа: панские слуги шляхетского происхождения портят на полях хлеб, забирают у хлопа кур, баранов, масло, колбасы, „а пойдет хлоп жаловаться пану, говорит Старовольский, так его за то по ушам отшлепают, зачем беспокоит его милость, тем более, что сам пан привык поступать как его слуги“. Наберет у купца товаров, сделает ремесленнику заказ—и тому и другому не платит. Таков был панский обычай. Не умея или ленясь управлять лично имениями, паны отдавали, как родовые, так и коронные, им

пожалованные в жизненное владение, местности на аренды, обыкновенно жидам, а сами или жили и веселились в своих палацах, или уезжали за границу и там выказывали перед иноземцами блеск польской аристократии. Жиды вымышляли новые поборы, какие только могли прийти в голову корыстолюбивой расчётливости. Если рождалось у крестьянина дитя, он не мог крестить его, не заплатя пану так-называемого *дудка-,* если крестьянин женил сына или отдавал дочь, прежде должен был заплатить поемщизну. Жид обыкновенно требовал с хлопа еще больше того, сколько было назначено; и если крестьянин не мог заплатить, то дитя оставалось некрещенным несколько лет, нередко и умирало без таинства, а молодые люди принуждены были сходиться между собою без венчанья. Кроме того, имущество, жизнь крестьянина, честь и жизнь жены и детей находились в безотчетном распоряжении жида - арендатора. Жид, принимая в аренду имение, получал от владельца право судить крестьян, брать с них денежные пени и казнить смертью.

Великие угнетения народу происходили еще от польских жолнеров (солдат). Наш жолнер—говорит Ставропольский—не знает ни веры, ни отечества: получит от Речи Посполитой жалованье и пропьет его в один вечер, а потом достает себе платье, упряжь и продовольствие от убогих людей, награбит у них всякой всячины и везет в

обоз, а там раскинет палатку и продает награбленное, потом кричит на гетмана, жалуется, требует, чтобы войско отпустили на гиберны (зимние квартиры), получает жалованье по четвертям и не помнит того, что получил не в зачет за четверть. Жолнеры составляют конфедерации, расписывают самовольно квартиры, собирают на себя королевские доходы и таким образом тот, кто обязан защищать отечество, делается его разорителем. На войну-ли идут жолнеры—обдирают бедных людей; с войны возвращаются—то же самое; одна хоругвь придёт в село, грабит его, за ней другая, третья, и нет такого села, где-бы не перебывало тридцать, сорок хоругвей. Люди плачут, кричат, разбегаются. „Много нам рассказывают о турецком рабстве", говорит в другом месте тот же писатель, „но это касается военнопленных, а не тех, что жительствуют у турок под властью, обрабатывают землю или занимаются торговлей. Последние, заплатив годовую дань, или окончивши положенную на них работу, свободны так, как не свободен у нас ни один шляхтич. У нас в том свобода, что всякому можно делать то, что захочется: от этого и выходит, что беднейший и слабейший делается невольником богатого и сильного, сильный наносит слабому безнаказанно всякие несправедливости, какие ему вздумается. В Турции никакой паша не может того делать последнему мужику, иначе поплатится за то головой; и у москвитян думный господин и

первейший боярин, и у татар мурза и высокий улан не смеют так оскорблять простого хлопа, хотя бы и иноверца; никто и не подумает об этом: всяк знает, что его самого могут повесить перед домом обиженного. Только у нас в Польше вольно все делать и в местечках и в селениях. Азиатские деспоты во всю жизнь не замучат столько людей, сколько их замучат каждый год в свободной Речи Посполитой".

3. Отдача евреям православных храмов в аренду.

Но всего тяжелее было русскому православному народу терпеть преследование за свою веру, видеть поругание этой святой веры со стороны польских панов, ксендзов и друг. До чего наконец дошло это поругание, показывает следующее обстоятельство: польские паны и отступники из русских, отдавая жидам в аренду свои имения, отдавали в их власть и бывшие в этих имениях православные храмы. И вот жид брал себе ключи от храма и за каждое богослужение взимал с прихожан пошлину, не забывая при этом показать всякого рода нахальство и пренебрежение к религии, за которую некому было вступиться. Часто люди, изнуренные работою и поборами, не в состоянии были платить, а священники, не получая содержания и при том

терпя оскорбления от жидов, разбегались; тогда приход приписывали к униатской церкви; православная церковь, если не нужно было обращать ее в униатскую, уничтожалась, а вся святыня переходила в руки жидов. Римско-католические духовные подстрекали отдавать православные церкви на поругание, думая этим скорее склонить народ к унии или латинству.

То, что сказано здесь о польском панстве, следует сказать о тех из западнорусских дворян, которые отпали от своей веры и народности, окатоличились и ополячились. А таких становилось все больше и больше. И к несчастью, эти отступники бывали иногда хуже коренных польских латинян, ибо неприязнь к оставленной вере и народности у отступников бывает жестче, и хотелось им еще показать и ревность к новопринятому польскому латинству, чтоб заслужить похвалу от польских панов и ксендзов.

4. Восстание Козаков на защиту веры и русской народности.

Понятно, как тяжко было жить русскому народу при господстве над ним такого испорченного, своевольного и неприязненного к нему польского панства. Но не замерло в этом народе чувство веры и народности, чувство своих

человеческих прав, а также и чувство своей народной силы. Живейшим образом оно сказалось в том же запорожском и южнорусском или украинском козачестве, которое проявило свою мощь при славном гетмане Петре Сагайдачном. Когда в Польше забыли великие заслуги, какие оказал ей Сагайдачный с своими козаками, когда к угнетению православных по всей Западной Руси присоединилось усиленное угнетение русского народа на Украйне, которую польские папы наводнили своими жолнерами, ксендзами и жидами; тогда из среды Козаков выступили один за другим сильные вожди-атаманы на защиту и козачества и всего православного русского народа. В ряду таких вождей в 30-х годах XVII века известен особенно Павлюк. В его время, стоявший со своим войском в Украйне, польский гетман Конецпольский грозил истребить навсегда самое имя козачества. Тогда Павлюк издал (11-го октября 1637 г.) такое воззвание:

„Карп Павлович, полковник войска его королевского величества, старшой на всей Украине и на Заднеприи. Панам атаманам городовым и всему товариществу нашему, жительствующему как в городах его королевского величества, так и в княжеских, шляхетских, и всему вообще посполитому народу рода христианского, жительствующему в Украине, на Заднеприи и во всей Северщине: желаем от Бога доброго здоровья и

во всем счастливого благополучия. Дошло до нас верное известие, что неприятели нашего христианского народа русского и нашей древней греческой веры, ляхи, задумавши зло и забывши страх Божий, идут в Украину и за Днепр и хотят, как войско его королевского величества, так и подданных королевских, княжеских и панских обратить в ничто, пролить кровь христианскую, учинить поругание над женами и детьми нашими и окончательно нас поработить; поэтому именем моим и старшинства моего и именем всего войска запорожского повелеваем вам и убеждаем вас, чтобы вы все единодушно, от мала до велика, кто только называет себя товарищем и храпит святую благочестивую истинную веру, покинули все свои занятия и немедленно собирались ко мне. Поручаю вас Богу".

Издав такое воззвание, Павлюк отправился в Запорожскую Сечь, откуда потом возвратился с дружинами запорожских Козаков в Украйну, где к ним присоединились и козаки украинские.

Другие вожди козацкие подняли на борьбу с ляхами дружины Козаков украинских. Но и ляхи собрали большие и сильно вооружённые войска, которыми, под главным начальством гетмана Конецпольского, предводительствовали другие паны, в числе их Николай Потоцкий и Иеремия Вишневецкий, недавний отступник православия, злой и жестокий враг Козаков. Начавшаяся жестокая борьба велась на этот раз несчастно

для Козаков, потому что поляки, более сильные вооружением, умели ссорить и разъединять козацких вождей и их дружины; притом же польский гетман обещал им помилование, если они покорятся и выдадут своих главных вождей. К этому же уговаривал Козаков и королевский комиссар, православный русский пан Адам Кисель, именем короля обещая им прощение и милосердие от него. Кончилось тем, что козаки сдались, просили прощения, а более сговорчивые выдали и главных вождей, в числе их Павлюка. Но вслед затем польские паны забыли все обещания о прощении и милосердии и стали жестоко казнить козацких вождей; а главнейших из них, в том числе и Павлюка, в оковах отправили в Варшаву. В феврале 1638 г. здесь собрался польский сейм. Польские паны заговорили о козаках с страшным ожесточением и требовали стереть их с лица земли. Для Павлюка они требовали такой по истине бесчеловечной казни: надеть ему на голову раскаленную железную корону и дать в руки раскаленную железную палку, чтобы, казня его, еще и насмехаться, будто он хотел быть царем Украйны. За несчастных Козаков вступился тот же православный пан Адам Кисель. „Они, говорил он, сдались добровольно, я поручился, что Речь Посполитая дарует им жизнь, иначе они бы защищались до последней возможности. Если теперь, не смотря на мое поручительство, их казнят, то это подорвет веру в слово не только поручителя, но

и доверителя, т.-е. Речи Посполитой". Протест Киселя не уважили. Но король отменил комическую казнь, приготовленную Павлюку: ему и его сообщникам, привезенным в Варшаву вместе с ним, отрубили головы, и потом воткнули их на колы. Затем сейм издал самые тяжкие постановления против Козаков, втайне рассчитанные на то, чтобы уничтожить их, как свободное сословие, и обратить в польских рабов или хлопов. В согласии с таким злым умыслом действовали польские паны и жолнеры, бывшие в Украйне. Жолнеры делали бесчинства выше меры и пределов; повсюду виднелись виселицы с трупами и колья с воткнутыми на них головами, в городах и селах слышались стопы бичуемых до крови и старых и малых за то единственно, что они русского рода; церкви того вероисповедания, во имя которого русские поднимали оружие, предавались поруганию. От таких утеснений народ толпами бежал в московское государство, где царь давал украинцам привольные земли для поселения; другие бежали в Запорожскую Сечь, а оставшиеся в Украйне должны были кланяться полякам, выжидая лучшего времени и вестей из Запорожской Сечи. И вот оттуда поднимаются новые вожди с новыми дружинами Козаков, к которым на Украйне присоединяются другие вожди и дружины Козаков. Опять идет борьба и опять несчастная для Козаков. И стали они уходить то в Сечь, то в московское государство, и селиться на привольных и плодоносных полях

нынешней Курской и Харьковской губернии. А оставшиеся по-прежнему страдали и мучились. Без удержу изливалась польская шляхетская злоба над несчастным русским народом Украйны. „Церкви и церковные обряды жидам запродали—говорит украинская летопись—детей козацких в котлах, варили, жёнкам перси деревом вытискали". То же повествует другой летописец: „что мучительство фараоне против ляшскому тиранству? Детей в котлах варяху, женам сосцы древием изгиетаху и иная неисповедимая творяху беды“. Об этих варварствах того времени сохранилось известие и в великорусских актах: „Польские и литовские люди их (украинцев) христианскую веру нарушили, и церкви их и людей сбирая в хоромы пожигают, и пищальное зелие насыпав им в пазуху зажигают, и сосцы у жен их резали, и дворы их и всякое строенье разорили и пограбили“. Козаки уже не в силах были шевельнуться: они сами стали почти хлопами. „Ни чести им, ни славы не было—говорит украинский летописец—беда их сталась хуже турецкой неволи; полковники и все старшины шляхтичи обращались с ними как с рабами, приказывали топить себе печи, ходить за лошадьми и собаками, чистить дворы свои. То яге делали с ними старосты и подстаросты“. Проговаривались о таких насилиях над Украйною и некоторые из польских свидетелей их. Вот что, например, писал один польский ксендз: „увлекаемые непомерною роскошью,

распространившеюся во всей Польше, паны утесняют бедных подданных, продают их в работы жидам, отдавая им в аренды имения, а в Украйне не дозволяют схизматикам вступать в брак и крестить младенцев, не заплатив жиду особого налога; а это особенно дурно потому, что жиды ищут детской крови".

Так вынужден был говорить этот ксендз потому, что уже видел надвигающуюся над Польшей грозу в новом, более сильном и всеобщем подъём е южнорусского народа на борьбу за свою веру и народность, за свое освобождение от польского господства и гнета. Восстал из среды Козаков и новый вождь, славный Богдан Хмельницкий.

5. Богдан Хмельницкий; поражение поляков при Желтых Водах и Батурине.

Хмельницкий происходил из доброй русской и славной семьи. Он был образован, умен, предприимчив и смел. Не раз выдавался он своим умом и доблестью в козачьих восстаниях при Павлюке и потом был пожалован войсковым писарем, а потом сотником Чигиринского полка. Умел он обходиться и с польскими папами, так что не подмечали в нем будущего грозного противника их. Известен он был и королю Владиславу IV. Этот король, как уже было сказано,

хотел быть справедливым к православным, к козакам и вообще к русскому народу, но его добрые намерения разбивались о злое сопротивление своевольных панов. Унижаемый ими, король хотел и сам опереться на силу Козаков, тайно дал на руки одного козацкого атамана грамоту, по которой восстановлялись права их, увеличивалось число так называемого реестрового, т.-е. вписного козацкого войска. Эту грамоту добыл себе Хмельницкий и до времени таил ее. Но вот довелось Хмельницкому и на себе самом испытать польскую неправду и насилие. Был у него хутор Суботово, в нескольких верстах от Чигирина. А по соседству был у него враг, шляхтич Чаплинский, служивший при знатном пане Копецпольском (сыне гетмана), бывшем тогда Чигиринским старостой. Стал этот шляхтич наговаривать старосте на Хмельницкого, как опасного козака, и просил отнять у Хмельницкого хутор и отдать ему, Чаплинскому. „Позвольте мне самому, говорил он гетману, расправиться с этим козаком. Я нападу на него, выгоню из дома и овладею хутором. Если яге он придет к вам с жалобой, то вы скажите, что ничего не знаете, что я сделал это без вашего позволения; если он хочет удовлетворения, то пусть ищет судом. А он судом ничего со мной не сделает, потому что я польский дворянин. Гетман согласился. И вот прошло некоторое время, как Хмельницкий, живший тогда в Суботове, услышал, что Чаплинский собрал команду и

идет наездом на его хутор. Покинув жену и детей в Суботове, Хмельницкий бежал в Чигирин просить защиты у старосты. В тот же день Чаплинский вступил в Суботово, занял мельницу, занял пасеку, гумно, где было до 400 коп хлеба, и ворвался в дом. Меньшой сын Богдана, десятилетний мальчик, сказавший что-то смелое Чаплинскому, был засечен так немилосердно, что на другой день умер. А жену Богдана Чаплинский взял себе и обвенчался с ней у ксендза. Когда Хмельницкий явился с жалобой к Конецпольскому, тот бессовестно отвечал: „я ничего не знаю и знать не хочу; нападение сделано без моего ведома, а по собственной воле Чаплинского. Можешь судиться с ним законным порядком“. Хмельницкий обратился к суду, но там покончили ответом: „можешь отправиться в Варшаву и подать просьбу на сейме“. А это значило, что правдивого суда не добиться от поляков. Хмельницкий, как воин, вызвал Чаплинского на поединок. Лукавый шляхтич подговорил еще трех, чтобы вчетвером напасть на Хмельницкого. Предвидя такое коварство, Хмельницкий надел на себя панцирь, безвредно отразил удары врагов, сам напал на них и разогнал. „Маю саблю в руци: ище козацька не умерла мати!“ воскликнул победитель. Посрамленный Чаплинский передал эти слова Концепольскому, указывая, что в них виден возмутительный замысел. Хмельницкого посадили в тюрьму, а старшего сына его Тимофея высекли палками посреди Чигирина.

Но из тюрьмы освободила Хмельницкого прежняя жена его, бывшая теперь женою Чаплинского. Хмельницкий отправился в Варшаву с жалобой пред сеймом; отправился туда и Чаплинский. И что же? Сейм не отдал Суботово Хмельницкому; принял лживое показание Чаплинского о публичном наказании палками сына Хмельницкого, будто это клевета; а на речь об отнятой жене только посмеялся. Тогда Хмельницкий обратился с жалобой к самому королю, рассказывая ему при этом и вообще о тяжких насилиях козакам от панов. Король отвечал: „известно мне твое чистое сердце; я помню твою службу, уверен, что твое дело право... Но ты ничего не выиграешь судебным порядком. Вижу, что Чаплинский неправ и притом сделал тебе насилие. Силе следует противопоставить силу: ты также воин. Если Чаплинский мог найти себе приятелей и товарищей, и ты можешь найти. Знаю и об утеснениях Козаков, но помочь вам не в силах. Пора бы, кажется, всем вам вспомнить, что вы воины; у вас есть сабли: кто вам запрещает постоять за себя? Я же, с своей стороны, всегда буду вашим благодетелем “.

Таких слов короля было достаточно, чтобы показать Хмельницкому, чтоб он может и должен делать.

На возврате из Варшавы, проезжая Украину, Хмельницкий слышал в народе рассказы и сам рассказывал о нестерпимых утеснениях от

польских панов и обнадеживал близким наступлением Божией кары утеснителям. Свои мысли он открывал и русским духовным. „ Пусть будет вам известно, говорил Он, что я решился мстить панам - ляхам войной, не за свою только обиду, но за попрание веры русской и за поругание народа русского! Я бессилен; но вы, братия, мне помогите. Сверитесь и пошлите мне хоть по два, или по три человека с каждого села“. Живо обещали ему это, говоря: „ежечасно молим мы Бога, чтоб он послал кого-нибудь для избавления нас от несчастий! Принимай оружие, станем с тобою: поднимется земля русская, как никогда еще не поднималась". Есть предание, что еще прежде и сам митрополит Петр Могила незадолго до своей кончины, благословил Хмельницкого на борьбу за веру и права русского народа. В Украине Хмельницкий собрал несколько десятков знатнейших Козаков где-то в роще, показал им королевскую грамоту и на вопрос, чем кончилось его дело, отвечал: „Нет справедливости в Польше: вместо должного рассмотрения дела, меня на сейме осмеяли, а король предоставляет нам расправиться с нашими врагами силою, как они с нами поступают. Просьбой вашей, пренебрегли: вас ожидают горшие поругания. Ужели долее будем терпеть? Ужели оставим в бедствии братьев наших, русских, православных? Проезжая по Руси, везде я видел страшные утеснения, тиранства; несчастный народ вопит о помощи; все готовы взять оружие; все обещают

стать с нами заодно". В отклик на эти слова козаки заговорили: „Чего не претерпели мы! вольности наши уничтожены, грунты наши отняты, большая часть свободных рыцарей обращена в хлопов; они работают панщину, ходят за лошадьми, топят печи панам, смотрят за собаками, как рабы посылаются с письмами. С явным намерением уничтожить казачество, число реестровых уменьшено до шести тысяч, да и тем — жизнь не лучше рабов. Полковники, сотники— все начальство у нас не выбранные нами, а из шляхты. Они употребляют Козаков как собственных подданных для своих домашних работ. Жалованье, положенное издавна от короля и Речи Посполитой, по тридцати золотых на каждого козака, они берут себе и дают только тем, кто заодно с ними. В поход-ли пойдут и козак завоюет татарского коня—тотчас отнимут, языкали поймает козак—полковник пошлет его к коронному гетману с жолнером, и скажет, будто отличился жолнер, а козацкую отвагу нарочно скрывают. Нередко бедный козак должен идти с раросом или раструбом[14]) чрез дикие поля, неся подарок какому-нибудь пану, подвергаясь опасности быть пойманным татарами, и на это не смотрят: пропал козак—и был таков! А сколько раз убивали Козаков варварскими казнями за малейшую вину, умерщвляли даже детей! А сколько раз чинили ругательства и

[14] Род ястребов и соколов.

насилия над женами и дочерьми нашими! А как страдают простые люди под вымыслами своих старост, дозорц и особенно жидов!.. Ослепленные подарками арендаторов, владельцы отдали бедный народ жидам, не видя, что, их мажут по телу собственным салом; не так бы еще подданным было жалко, если б их обирал один пан, а то какой-нибудь подлец—жид обогащается, заводит по нескольку цугов лошадей, выдумывает разные поборы, поволовщины, дуды, осыпь, мерочки сухие, плату с жерновов, отнимает хутора наши. Но всего ужаснее—преследуют веру нашу, принуждают нас к унии, разоряют наши церкви, продают жидам утварь церковную, ругаются над святыней и священниками, изгоняют архипастырей. Нет возможности терпеть долее! пора взяться за сабли; пора скинуть с себя ярмо ляшское!" Так восклицали старые козаки, жившие по границе русской земли, поближе к степям, подалее от панов, и оттого смелые.

Но были и не так смелые, говорившие, что своей силы у Козаков недостаточно для борьбы с ляхами, что нужна бы еще помощь отвне, а где ее искать? „Я думаю, сказал Хмельницкий, ни у кого нам нельзя просить помощи, кроме москалей и татар. Сказал бы я, лучше просить москалей: они православные и, ради одной с нами веры, могли бы за нас вступиться; но они еще не оправились от бывших войн с ляхами. Просить помощи у татар? Но ведь они поганые, а мы

будем воевать против христиан; об этом надобно подумать". Думали, думали и порешили, что, скрепя сердце, нужно поладить с крымскими татарами и призвать их на помощь. „Чего тут ждать? Поляки считают нас хуже собак, пусть же и от нас узнают такую честь. Отныне признаем тебя нашим гетманом и просим тебя, чтобы ты сам уговорился с татарами". Поблагодарив за доверие, Хмельницкий сказал: „Соединимся, братия, восстанем за церковь и веру православную, истребим ересь и напасти, восстановим золотую свободу и будем единодушны. Призывайте Козаков и всех земляков наших; я буду вашим предводителем, потому что вы этого желаете. Надеюсь, что все козаки, где бы они ни были, пристанут к нам. Мы возложим упование на Всевышнего: он поможет нам!“

„Умрем друг за друга!“ воскликнули одушевленные козаки—„отомстим за обиды наши, защитим веру и церковь пашу, освободим от ярма братий наших! Соберемся, начнем! поможет нам Всевышний.

В декабре 1647 года Хмельницкий был уже в Запорожской Сечи. Между тем польский гетман Потоцкий, по слуху о замыслах Хмельницкого, осудил его на смерть, послал и погоню за ним до Сечи, откуда Хмельницкий удалился на время. Но когда храбрые козаки отразили погоню, он возвратился и в кругу козацком держал такую речь: „поругана наша святая вера; у честных

епископов и иноков отнят хлеб насущный; над священниками ругаются; униаты стоят с ножом над шеей; иезуиты с бесчестием преследуют нашу веру отеческую. Над просьбами нашими сейм поглумляется, отвечая нам поносным презрением к имени схизматиков. Нет ничего, чего бы не решился с нами сделать дворянин. А что делает войско? Мало того, что заедают наши безвинные головы: под предлогом, укрощения непокорности, ходят по селам и часто целые местечки истребляют дотла, как будто замыслили истребить весь род наш! В довершение всех мучительств, отдали нас в рабство проклятому роду жидовскому! Смотрите на меня, писаря войска запорожского, старого козака: я уже ожидал отставки и покоя, а меня гонят, преследуют, только потому, что так хочется тиранам; сына у меня варварски избили, жену посрамили, достояние отняли; лишили даже походного коня и, напоследок, осудили на смерть. Нет для меня иной награды за кровь, пролитую для их же пользы; ничего не остается для тела, покрытого ранами, кроме невинной смерти под рукою палача. К вам уношу душу и тело: укройте меня, старого товарища; защищайте самих себя: и вам то же угрожает! “

„Примаемо тебе, Хмельницкий пане, хлибом - солью и ширим сердцем!" кричали козаки.

Быстро стали собираться козацкие дружины Запорожья; пришла и татарская подмога, за

которой сам Хмельницкий отправлялся в Крым к хану. Когда двинулись к Украйне козацкие дружины, то к ним, как к братьям, пристали и козаки украинские. Все козацкое ополчение соединилось под предводительством Богдана Хмельницкого, как общего козацкого гетмана. Двинулось и ляшское войско под предводительством нескольких знатных панов, во главе с коронным гетманом Потоцким. Гордо выступили паны, презрительно говорили о козаках, как хлопах, думая без труда разбить их, и в этой гордой уверенности не переставали пиршествовать в своих лагерях. В мае 1648 года произошли страшные битвы между козаками и поляками при потоке Жовты-Воды, потом под гор. Корсунем (Киевск. губ.), и в обеих битвах поляки были разбиты на голову, многие паны пали или взяты в плен, а в битве под Корсунем взяты в плен и главные вожди польские, в числе их и сам гетман Николай Потоцкий. Приуныли паны, а козаки торжествовали. Хмельницкий отправил благодарственный молебен за победу, роздал награды козакам из богатой военной добычи от побежденных, послал дары в Запорожскую Сечь и богатый вклад в Сечевую церковь. Пленных гетманов отправили в Крым к татарскому хану, которого впрочем просил Хмельницкий принять их милостиво и от которого потом пришлось им выкупиться большой ценой.

Но, победив утеснителей, Хмельницкий хотел однако показать, что он поднял оружие только против них, а отнюдь не против короля и польского народа, и что он готов пойти на мир. С такою мыслью отправлено было посольство к королю с письмом, в котором говорилось так: „Смиренно повергаем к стопам вашего величества нашу верность, подданство и козацкую нашу службу; хоть мы уж и наскучили своими беспрестанными жалобами вашей королевской милости о нестерпимых обидах, какие нам делают господа старосты и помещики украинские; но негде нам искать обороны: только на Господа Бога, да на милосердие вашего величества полагаем надежду. Вот уж сколько лет они делают нам, по своему произволу, нестерпимые обиды и поругания. И в турецкой неволе христианство не терпит таких обид, какие причиняются нам. Мы знаем, что такие обиды делаются в противность вашей королевской милости; по обидчики кричат нам: „мы вам дадим короля! А что,—помогает он вам?“ Итак мы не могли уже более терпеть... Сам Бог свидетель, что мы, будучи верными подданными, не сделали никакого своеволия. Но когда паны пошли на нас с большими войсками, поневоле должны мы были просить помощи у хана крымского, а тот нам помог. По Божьей воле, случилось так, что при сухих дровах досталось и сырым. А кто этому причиною?—Господь Бог рассудит, а мы как прежде были верными подданными вашей королевской

милости, так и теперь готовы жертвовать жизнью за честь вашего величества". Козацкому посольству поручено было также представить польскому правительству подробное изложение как обид, терпимых козаками, так и просьб в ограждение прав их и русского народа. В числе просьб была такая: „Просим усерднейше за духовенство древней греческой религии, просим, чтоб она ни в чем не была нарушаема, чтобы все те святые церкви, которые были насильно обращены к унии—в Люблине, Красноставе, Саноке, Владимире, во всей Литве и везде оставались в своей древней свободе". Козацкое посольство в Варшаву отправлено было в июне 1648 года, когда короля Владислава IV уже не было в живых; скончался он еще в мае. Хмельницкий знал это, но посольством он хотел показать, что вооружился не против власти короля, а только против панов угнетателей; он хотел, чтобы просьбы козацкие были ведомы польскому сейму и правительству, пока будет в Польше новый король.

6. Народная месть. Гайдамаки.

Но пока думали и раздумывали правившие в Варшаве паны, поднятое козаками движение быстрою волной охватило всю Южную и Юго-западную Русь до самой Литвы. Правду сказать, что к общему восстанию призывали народ и

сами православные священники. „Приспел час, желанный час! вопияли они. Время возвратить свободу и честь нашей веры! Века проходили и православная вера терпела постыдное унижение. Нам не давали даже убежища для молитвы. Все наши приходы, церкви, обители, епархии—в руках латин и унитов... Латинам дают доходные места, а бедные православные восточного благочестия страдают в нищете. Жиды для панов лучше нас; жиды управляют их имениями и попирают бедных христиан. Пора, пора! Ополчитесь за свою жизнь! Бог благословит вас и поможет вам“. И народ ополчался, по теперь уже трудно было удержать его от крайностей. Накипевшее от долгих страданий ожесточение прорывалось с неудержимой силой. Во главе ополченцев явились гайдамаки, начавшие необузданную и жестокую расправу с папами, иудеями и ксендзами латинскими и униатскими. Особенно тяжко досталось иудеям; множество их без милосердия перебито в Украйне, на Волыни и Подолии. Нельзя не сказать, что повод к такому преступлению дали и сами они своими грабежами народа, оскорблениями, доведшими его до крайнего ожесточения; виноваты тут были и паны, отдававшие своих крестьян в полную власть арендаторам-евреям с правом брать всякие поборы, наказывать их даже смертью. К тому же случилось и так, что паны, осаждаемые козаками (как было напр. в городе Тульчине на Подолии), самих себя спасали от беды выкупом, а

иудеев, недавних друзей, выдавали на мщение и казни козакам.

Хмельницкий и более благоразумные из козацких старшин старались унять более свирепых гайдамаков. Но это было тем труднее, что и сами польские паны, когда и где удавалось им осиливать Козаков, не знали пощады и милосердия в своих казнях над ними, как-то делал особенно Иеремия Вишневецкий.

7. Зверства ренегата Иеремии Вишневецкого.

Недавний отступник от православия, с ненавистью ренегата к старой вере, вере хлопской, Иеремия соединял ненависть польского пана к хлопам, усугубленную теперь восстанием и кровавыми подвигами гайдамаков. Он целыми тысячами истреблял русский народ, выдумывал самые жестокие казни, сам присутствовал при них и кричал палачам: „мучьте их так, чтобы они чувствовали, что умирают". Один из козацких предводителей (Кривонос) горько жаловался украинскому воеводе Владиславу - Доминику, князю Острожскому, на зверства Вишневецкого: „он мучит людей, отсекает головы, на кол сажает; в каждом городе среди рынка—виселица; попам нашим буравом просверливает глаза". Жестокие меры Вишневецкого только

усиливали раздражение. На место одной истребленной гайдамацкой шайки являлась новая; после истребления одного города или деревни, другой город, другая деревня напрашивались на истребления, или истребляли поляков. Рвались все связи, соединявшие Русь с Польшей. Все польское в Западной России, что насаждалось веками и, по-видимому, достигло устойчивости, превращалось в груды трупов и развалин.

8. Переселения южноруссов в пределы московского государства.

Настала необходимость разрешить задачу русско-польского вопроса, и угнетенный народ решил ее по-своему. Он стал укладывать свои пожитки на возы, запирал избы или предавал их пламени, чтоб не доставались остатки их *худобы* врагам, и двинулся к востоку за Днепр, в пределы Московского государства, испрашивая здесь—в нынешней Курской, Полтавской, восточной части Екатеринославской и в Харьковской губерниях места для поселений. Движение это поднялось не только в ближайших, приднепровских странах, но по всей Малороссии, даже в западной её части, на Волыни, еще сильнее, потому что здесь особенно тяжела была жизнь от множества польских панов и от близости настоящей Польши. Напрасно жолнеры заступали им дороги и казнили, на страх прочим, тех,

кто попадался им в руки. Возвращенные снова уходили, сходились с новыми обозами и нередко жестоким боем прокладывали себе дорогу из старого отечества, покупая кровью новое. Менее, чем в полгода, на пространстве от Путивля до Острогожска, основались многие слободы, из которых потом образовались города и богатые местечки: Сумы, Лебедин, Ахтырка, Белополье, Короча и проч. Иные подвигались к югу, в глубь степи, по рекам Донцу, Харькову, Коломаку. В числе слобод был нынешний Харьков. Основанный среди болот и лесов в безопасном месте, он сделался полковым городом, с украинским устройством. Поселения назывались вообще слободами, отчего эта земля, заселенная новоприбывшими южноруссами, получила название Слободской Украйны, Украйны свободной, в противоположность старой Украйне, где жители терпели от поляков. Этому-то направлению, этому голосу народа, объявившего, что спасение для него—в Восточной России, был вынужден последовать и Хмельницкий, страшившийся остаться с малым числом народа на жертву польским панам.

9. Сношения Хмельницкого с Москвой.

В марте 1652 года Хмельницкий обратился к царю Алексею Михайловичу с просьбою о заступничестве. „Пожалей нас, государь

православный", писал гетман, „умилосердись над православными Божьими церквами и нашею невинною кровию. Ничего не исполняют поляки, что с нами постановили: святые Божьи церкви, какие обещали отдать нам из унии, не отдали, да еще обращают в унитския и те, которые оставались у нас. Они хотят искоренить православную веру в народе нашем, и для того собрали на нас коронные войска свои; они ругаются над святынею, мучат христиан православных духовного и мирского чина и делают такие жестокости, что вашему царскому величеству и слушать будет тяжело. Со слезами просим твое царское величество, не дай, великий государь, клятвопреступникам и мучителям разорить нас до конца; прими нас под свою крепкую руку". В Москве не спешили однако удовлетворением „слезнаго" моления Хмельницкого, так как принятие Козаков в русское подданство неизбежно повело-бы к войне, а московское правительство не располагало в данное время достаточными для этого средствами. Поэтому послу гетмана дали понять, что „великий государь не желает нарушать спокойствия и советует гетману и всему войску запорожскому стоять на том, на чем помирились с поляками". Но Хмельницкий, если бы и хотел, не мог стоять на том, на чем помирился с поляками. После несчастного сражения под Берестечком, Хмельницкий был вынужден подписать Белоцерковский договор, в котором об уничтожении унии и

представительстве православной иерархии на польских сеймах не было и помина, и которым число реестровых Козаков ограничивалось 20 тысячами, вместо сорока тысяч, установленных Зборовским миром. Народ заволновался, когда узнал об этом договоре. Снова началась резня по всей Украйне и бегство народа за Днепр, в пределы России. К довершению бедствия, Польша купила помощь крымских татар, предоставив им в продолжение сорока дней грабить, разорять и уводить в плен русских жителей, кроме поляков. И тогда крымские и ногайские орды рассеялись по брацлавскому и подольскому воеводствам, и весь край до самого Люблина загорелся и задымился огнем и кровью. „О, какое горе!“ восклицает летописец, „какой плач, какое стенание! Язык не может выразить всего ужаса этих дней: растление девиц, посрамление супруг, лишение имуществ, стыд неволи и цепей". Такое же разорение постигло и козацкую Украйну. „Зажурылась" Украйна и увидела, что негде ей деться; орда топтала конем маленьких детей, рубила старых, уводила в плен молодых.

10. Земская Дума в Москве; Переяславская рада и присоединение Малороссии к России.

„В соумышлении с поляками бусурманы хотели погубить до конца русский народ, но Бог, запинаяй лукавых в коварстве, обрати и постави

якоже бе Ему звестно в неизследимом совете". Стон обагренной кровью Украйны достиг Москвы. 1 октября 1053 года, в Грановитой Палате, была созвана Земская Дума из знатнейших духовных и светских персон. Присутствовал и царь Алексей Михайлович. Думный дьяк „вычитал" жалобы Хмельницкого на притеснения поляками веры православной и просьбу его принять Украйну под высокую руку государя московского. Бояре подали мнение: гетмана, со всем войском и со всеми городами и землями следует принять под высокую руку государя, чтоб не допустить их в подданство турецкого султана или крымского хана. То же сказали лица прочих сословий, а патриарх Никон и духовенство благословили государя и всю державу, и сказали, что они будут просить Бога, Пресвятую Деву и всех святых о пособии и одолении.

После такого приговора Земской Думы царь послал трех послов: боярина Бутурлина, окольничего Алферьева и думного дьяка Лопухина в Переславль для принятия Украйны под покровительство московского государя. 8 января 1654 г. гетман собрал в г. Переславле общую раду и обратился к ней с следующей речью: „Панове полковники, есаулы, сотники, все войско запорожское и все православные христиане! Всем вам известно, как нас Бог освободил из рук врагов, преследующих церковь Божию, озлобляющих все христианство нашего восточного православия,

хотящих искоренить нас так, чтоб и имени русского не упоминалось в земле пашей. Всем нам стало это несносно и, видно, нельзя нам жить более без царя. Поэтому мы собрали сегодня раду, явную всему народу, чтобы вы с нами избрали себе государя из четырех, кого захотите: первый—царь турецкий, который много раз призывал нас под свою власть чрез своих послов; второй—хан крымский; третий—король польский, который и теперь может, принять нас в свою милость, если сами захотим; четвертый — царь православный Великой Руси, царь восточный, которого уже шесть лет мы беспрестанно умоляем быть нашим царем и паном. Которого хотите, того и выбирайте. Царь турецкий — бусурман. Всем нам известно, какую беду терпят наши братья, православные греки, и в каком утеснении они от безбожников. Крымский хан тоже бусурман; хотя мы, по нужде, и свели с ним дружбу, однако приняли чрез то нестерпимые беды, пленения и нещадное пролитие крови христианской. Об утеснениях от польских панов ненадобно и сказывать: сами знаете, что они почитали лучше жида и собаку, чем нашего брата христианина. А православный христианский царь восточный одного с нами греческого благочестия, одного исповедания; мы с православием Великой Руси едино тело Церкви, имеющее главою Иисуса Христа. Этот-то великий царь христианский, сжалившись над нестерпимым озлоблением православной Церкви в нашей

Малой Руси, не презрев наших шестилетних молений, склонил теперь к нам милостивое свое царское сердце и прислал к нам своих великих ближних людей с царскою милостью. Возлюбим его с усердием! Кроме его царской руки, мы не найдем благоотишнейшего пристанища. Кто нас не хочет послушать, тот пусть идет, куда хочет: вольная дорога!"

Тысячи голосов отвечали: „Водим под царя восточного! Лучше нам умереть в нашей благочестивой вере, нежели доставаться ненавистнику Христову, поганому!"

Переяславский полковник начал обходить майдан кругом, и спрашивал: „Чи вси так соизволяете?"— „Вси"! кричал народ. Возвысил голос и гетман: „Буди тако! Да укрепит нас Господь под его царскою крепкой рукою"!—„Боже, утверди"! отвечал народ. „Боже, укрепи, чтоб мы навеки вси были едино". В тот же день козаки и переяславские жители дали присягу на верность царю московскому. Для приведения к присяге жителей остальных городов и полков Украйны были посланы стольники и стряпчие, а сами послы для той же цели посетили главнейшие города: Киев, Чернигов и Нежин. В Киеве им был оказан торжественный прием. Митрополит Сильвестр Коссов, окруженный сонмом духовных лиц, встретил послов речью. „Вы приходите", говорил он, „от благочестивого царя с желанием посетить наследие древних великих

князей русских, к седалищу первого благочестивого русского великого князя, и мы исходим вам в сретение; в лице моем приветствует вас оный благочестивый Владимир, приветствует вас святой апостол Андрей Первозванный, провозвестивший на этом месте сияние великой Божией славы, приветствуют вас начальники общежительства, преподобные Антоний и Феодосий и все преподобные, изнурившие для Христа жизнь свою в пещерах. Войдите в дом Бога нашего, на седалище первейшего благочестия русского, и пусть вашим присутствием обновится, как орля юность, наследие благочестивых русских князей". Из Киева бояре отправились в Нежин, где полковник Золотаренко, зять Хмельницкого, принял их со всеми почестями, и город присягнул без сопротивления. Затем, 28-го января, последовала присяга жителей Чернигова, и послы, окончив свое дело, уехали в Москву. Вскоре последовала жалованная грамота царя Алексея Михайловича гетману Хмельницкому и всему войску запорожскому. В ней царь говорил: „Мы, великий государь, наше царское величество, подданного нашего Богдана Хмельницкого, гетмана войска запорожского, и все нашего царского величества войско запорожское пожаловали, велели им быть под нашею-царского величества высокою рукою, по прежним их правам и привилегиям, каковые им даны от королей польских и великих князей литовских, и тех прав и вольностей нарушивати ничем не велели,

и судитись им велели от своих старшин по своим прежним правам.

11. Подчинение киевской митрополии власти московскою патриарха.

За политическим воссоединением Малой России с Великой не замедлило последовать и иерархическое объединение киевской митрополии под властью московского патриарха. 8 июля 1685 года на киевскую кафедру был избран луцкий епископ Гедеон князь Четвертинский. В октябре следующего года Гедеон прибыл в Москву, где был принят с большой честью, и 8-го ноября московским патриархом Иоакимом поставлен на престол киевской митрополии. Благословенной грамотой патриарха Гедеону велено именоваться, по прежнему, *Малыя России митрополитом Киевским и Галицким,* и по достоинству Киевской митрополии, которая признана между великороссийскими митрополиями *первоначальной,* занимать место выше всех архиереев российских, носить две панагии и „ради той стороне обычности" митру с крестом, а в путных шествиях в своей епархии носить пред ним греческий крест; ради же единочинства с российскими митрополитами дан ему белый клобук, „яко в той стране таковое у митрополитов ношение упразднися". В 1687 году на подчинение киевской митрополии власти

московского патриарха изъявил согласие и константинопольский патриарх Дионисий. Таким образом окончилось разделение русской церкви, продолжавшееся со времени Витовта около двух с половиною столетий. Впрочем, актом воссоединения киевской митрополии единство русской церкви восстановилось не вполне: от неё остались отторгнутыми литовские области и Галиция, очутившиеся теперь в самом жалком положении. Потеряв свою прежнюю поддержку в Малороссии, они остались после этого одинокими и совершенно беспомощными против врагов православия и подвергались всем ужасам католического и униатского фанатизма.

Иван Игнатович Малышевский

«Западная Русь в борьбе за веру и народность»

Первоначально издано в 1897 г. Синодальной типографией в С. Петербурге.

Игорь Фёдорович Зеленковский

Современная редакция и подготовка к изданию в Приложении журнала «Аспект». 2020 г.

На обложке изображение Могилева с литографии XVII в.

Издательство международного электронного журнала социальных и гуманитарных наук «АСПЕКТ» http://aspects.su/
ПРИЛОЖЕНИЕ. Серия ИСТОЧНИКИ.
ISSN 2560-3752 (Online)

2020 г.